

УРАЛЬСКИЙ
следопыт

ISSN 0134 - 241X

5 (779) май, 2022

www.uralstalker.com

Проверим снаряжение

ОРЛАН-БЕЛОХВОСТ

НЕОЖИДАННОСТЬ ЛЕДОХОДА

ЭТА ЗЕМЛЯ ПРИНЯЛА ТЕБЯ

Май 2022

Главный редактор – М.Ю. Фирсов.

Редакторы разделов –
Н.В. Дудко, Е.Ю. Базаров, Б.А. Долинго.

Худ. редактор, верстка – С.А. Секисов.

Корректор – Л.В. Ким.

Интернет – Е. Марков.

На обложке –

1 стр.: Лагерь под перевалом.
Фото из архива Уральского следопыта.
4 стр.: Карьер Багарякского месторождения.
Фото Евгения Тамплоня.

Редакция, издатель – АНО «Уральский следопыт».

Редакционный совет – Геннадий Пращкевич, Вадим Панов, Юрий Казарин, Дмитрий Байкалов, Сергей Лукьяненко, Василий Головачев.

© ООО «УРАЛЬСКИЙ СЛЕДОПЫТ». 2022 г.

Адрес учредителя: г. Екатеринбург, ул. Тургенева, 13.

Почтовый адрес редакции, издателя:

620075, г. Екатеринбург, ул. Тургенева, 13.

Телефон: +7(343)269-22-34

E-mail: uralstalker@mail.ru www.uralstalker.com

«Уральский следопыт», №5 (779), 2022 г.

Издается с 1935 г., возобновлен в 1958 г.

Учредитель – ООО «Уральский следопыт».

Журнал зарегистрирован Федеральной службой

по надзору в сфере связи, информационных

технологий и массовых коммуникаций

Свидетельство о регистрации ПИ № ФС77-37218,

выдано 18.08.2009 г.

ООО «Уральский следопыт» обладает исключительным правом на логотипы и название журнала. Материалы принимаются по электронной почте, на электронных носителях. Обязательно прилагать информацию об авторе; указывать согласие на публикацию в журнале, на сайте журнала, корректорскую и редакционную правки. **Рукописи не рецензируются и не возвращаются.** При отправлении электронных сообщений обязательно заполнять поле **тема**. Любое использование материалов журнала допускается только с письменного согласия ООО «Уральский следопыт». Ссылка на журнал «Уральский следопыт» обязательна. Материалы, помеченные знаком **ix**, публикуются на правах рекламы.

Уважаемые читатели,
оформить подписку на журнал
«УРАЛЬСКИЙ СЛЕДОПЫТ uralstalker.com»
вы можете через:

- Почтовые отделения России:
Каталог Агентства «Почта России», индекс П6316
- Агентство «УРАЛ-ПРЕСС»

**Аэлита
Журнал
в журнале**

«Уральский следопыт.uralstalker.com» №5, 2022 г.
Подписан к печати 28.04.2022 г. Дата выхода 05.05.2022 г.
Цена свободная. Печать офсетная. Тираж 11000.
Отпечатано ООО «Периодика», 623751,
Свердловская область, г. Реж, ул. О.Кошевого, д.16.
Телефон: +7 (34364) 33-66-5.
Заказ №

Встречный ветер

Фотолетопись

Д.ЖДАНОВ
Путь скифов 18

Природа в ладонях

М.БОКАЧЕВ
Орлан-
белохвост 22

Добрые попутчики
М.ШЕРШНЁВ
Влюбиться
за 12 минут 25

Камни урала
В.КАЛИНИН
И.ГЕРУЛАЙТЕ
Люди камня..... 26

Путешествие по Уралу

Н.ДУДКО
Ослянка..... 32

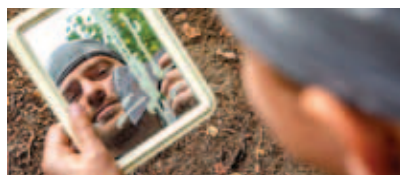
Живи активно

**М.ПОРОЗОВА-
ДУЩАК**
Восхождение
на ледяную
гору..... 36

Мир на ладони

Н.ПЛОТНИКОВ
Ледоход
на Чусовой 38

Фотолетопись

Е.ТАМПЛОН
Новый Быт 47

Собираясь в поход

Ф.ТЕРЕЦ
Найти
единомышленников 42

Река времени

Традиции
Н.ПАРТАНОВ
Крепкие
танцы 3

День Победы
Р.БУРАНБАЕВА
Последний
полет 6

Далекое-близкое

Е.РИД,
Я.РАЗЛИВИНСКИЙ
Светопись
господина
прототипа..... 10

Родословная

Н.ЗАПОРОЖЦЕВА
Душа моя живет
в покинутой
Отчизне 14

▼ День села — 220 лет

Крепкие танцы

«Этнографический заповедник» Тугиян

Поселение Тугияны, что по-мансийски означает «крепкий танец», омывают воды Большой (или Горной) Оби. Фактически это остров, одинаково удаленный от Салехарда на севере и Ханты-Мансийска на юге.

Коренные жители поселения Тугиян, что находится на северо-западе Югры, с давних времен занимались рыбной ловлей и выращивали скот. Свою малую родину они называют «землей, разделенной семью богами, прославленной и на земле, и на воде». К этой земле проявляли интерес известные путешественники и исследователи с мировым именем, начиная с экспедиции под руководством академика Г.Ф. Миллера в 18 веке, заканчивая исследованиями немецкого этнографа В. Штейница и отечественного археолога и угроведа В.Н. Чернецова в 20 веке. Почему продолжают привлекать исследователей эти места? Во многом потому, что здесь сохраняется самобытная традиционная культуры Югры, передаваемая из поколения ее ревнителями уже не одно столетие.

Хранителями традиций в небольшой деревне Тугиян являются ее долгожители Пелагея Алексеевна и Матвей Романович Гришкины. Они являются наследниками первопоселенцев, пришедших сюда более двух веков на-

зад вместе с родом Собуровых. Считается, что основатели поселения переселились на эти земли с Конды и Северной Сосьвы. На карте Тугияны обозначились самой юго-западной точкой Казымской волости.

Отец Матвея Романовича был настоящим шаманом, он предрек процветание родному поселению и долгую жизнь представителям одного из родов-основателей села. Пелагея Алексеевна Лельхова родилась в этих краях в далеком 1932 году. «У меня семеро детей было, но старшую дочь и сына я похоронила, сейчас я одна живу, дочь Валентина у меня работает в поселке медиком, другая дочь — техничкой. Две дочери живут в поселке Соруме, а Лидия — в Белом Яре. В основном зимой я в Соруме у дочери живу, в поселке-то дров нет, даже полкубометра не купишь. Я — ветеран труда, ветеран войны, четыре медали, три медали материнства. Все мои песни есть у Людмилы Хомляк [этнограф], и моя песня про Тугияны...

Ее песни о том, что река широкая здесь, что за поселком рыбные сора

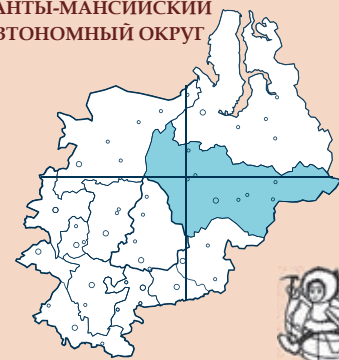

Никита Партанов

Родился в 1960 году в ХМАО-Югра. В 1994 году поступил в Российский государственный педагогический университет им. А.И. Герцена (г. Санкт-Петербург). Получил высшее образование учителя культурологии и истории. Работал лектором-экскурсоводом в Этнографическом музее под открытым небом «Торум Маа». Публикуется в различных изданиях. Член Союза журналистов с 1996 г.

Иллюстрации
из архива автора

ХАНТЫ-МАНСИЙСКИЙ
АВТОНОМНЫЙ ОКРУГ

▲ Пелагея Алексеевна Лельхова

▲ ► Жители и дети с. Тугияны в 2014 году

были, чебаков ловили, и там же святое божественное место Лягушечье озеро — *Навартинэ тонх аги*. Там обитает некий божественный дух, невидимка — *найлы*. И Божья мать — *Пуни анки* или *Сорни анки*... Она, видимо, и бережет старожилков. Её образ хранится в «священном ящике» в красном углу. Он бог дома и покровитель головы (это одно и то же) — *хот сунтанг*. Хотя в «священном сундучке» только материалы, платки, но они как обереги. Они и не знают, от кого заветные слова слышат; слова сами приходят. Когда приходят, начинаются необычные чувствования.

Внизу по реке муксунов, нельму ловили, а на той стороне Оби (Горной) *пори* делали. Каждые семь лет *пори* делали — это угощение Водному духу. Когда *пори* делали, шкуру овечью вниз в воду спускали, а мясо съедали сами. Еще бабушка Пелагеи Алексеевны рассказывала легенду, как будто однажды ненцы пришли с севера. Они шли оттуда, где Лягушечье озеро, там на речке есть святое место. Когда ненцы пришли — как она превратилась в «лягушку-невидимку» и начала стрелять из лука в ненцев. Враги её не видят и думают: «Откуда стреляют?» — испугались и убежали...

А кто постарше, конечно, сказки рассказывают. Я много песен знала, сказки любила слушать и запоминать. Неграмотная была, у кого сказку услышу — дома обязательно перескажу. Жаль, что я не доучилась в школе. Думала, осенью пойду в четвёртый класс, но не получилось. В тяжёлые военные годы выжидали за счет рыбалки, после которой всегда пели. Сколько на-

лимов было! Обратно едем, песни поем, орем... Старшие говорят нам: «Нельзя песни петь — голос испортится». Нам какое дело?... Трудно было, но весело. Люди добрые, хорошие были. В игрунки играть — это акани [тряпичные куклы] — не было времени. Только когда мыться ещё не умели [маленькие были], тогда аканями играли. Старшие нас не обижали. Из близких Пелагея Алексеевна потеряла двух старших братьев, потом еще одного старшего брата, затем сестренку. И еще одного брата на рыбалке из ружья застрелили.

Основатели поселения

По рассказам Матвея Романовича: В 1916 году вот там — в той стороне поселка, где Пелагея Гришикина живет, — там отдельно мы жили. Где сейчас большая яма, там был лес. А как получилось: огород там наш, земляная гриба была, картошку сажали. Осинюя гриба была, в конце леса три кедра росло. Сейчас только название оста-

лось Стоячих ёлок сор — Холь совты сор. Но уже нет там леса.

Вот там и жили Себуровы, они съезжали из Северной Сосьвы, они сосьвинские манси. Может, одна семья была, которая уехала обратно. Один родственник их приезжал — дядя Хозумов. Себур овыл, себур ёх (чебаки), богатство — *щепур*. «Медвежьби игрища», когда проходили в Тугиянах, он принимал участие, но приезжали гости и артисты,

Уральский следопыт, май 2022

▲ Таисия Степановна Себурова

в основном из Казыма. Вот недавно, люди говорили, тот мужчина, который пел песни на празднике, упал в воду...

Раньше парни везде встречали девушек; где встретят, там встреча и была. Мой дедушка в поселении Вежакарах познакомился, когда на йик [пляски] приезжал; там регулярно плясали. Люди, что постарше, старались посватать своих детей с теми, кто побогаче. Дядя мой Семен Егорович познакомился со своей женой тоже в Вежакарах. Видать, в то время охотников-то не особо много было: я сразу находил место, где поставить охотничью избушку. Куда идешь, смотришь — наша избушка. Раньше я охотился; здесь, в наших краях, совсем не было соболей, а сейчас появились. Из востока привезли, в Октябрьском развели — и у нас тут появились. И все — соболю пошел.

Про медведя

Дедушку Деонида Егоровича попросил помочь мне поставить петлю на лося. Он в лес сходил со мной, помог. Пришли, а там лось молодой стоит. Я стрелять собрался. Я — туда, и он — туда. Крутится, крутится... Я жду, когда он развернется ко мне боком, а он не хочет разворачиваться — стоит. А где петля была установлена, чистая такая площадка стала. Лось

▲ Матвей Романович Гришкин

очистил. Мелкие деревья упали, но выдержали, не одного толстого дерева не было, все потоптал. В чистом месте стоит. Крутились мы, крутились. А напрямую для выстрела не становится. Как подбираться стал — бац! И он упал. Традиция такая у охотников: когда лося добудешь, обязательно нужно сесть на него...

Все распластали. Сколько могли, столько унесли. На ветки остальное мясо положили и шкуркой накрыли, а сверху ещё ветки. Лето ведь, птиц много. Чтобы птицы не нашли. Если птицы кричать начнут, медведь сразу туда прибежит. На третий день туда прихожу с собаками (как говорится, «охотник без собаки — не охотник»). Пришли — тишина... А мяса нет. «Мишка» утащил мясо и перепрятал. А собаки даже не гавкнут, боятся. Может быть, рядом он, где-то в 20–30 метрах где-нибудь под горой находится. Я что ли туда, под гору пойду? Собаки и те испугались. Всё! Оставил мясо, поделился... Вечером пришел домой, деду говорю: «Медведь ничего не оставил». Он спрашивает: «Ты ругался?». «Нет», — отвечаю. Во второй раз спрашивает: «Ругался?» — «Нет!». В третий раз спрашивает: «Ругался?» — «Нет!». «Ну, иди. На будущий год в это время ты его поймаешь». Так и произошло, как дедушка сказал.

Сколько я охотился за белочками, план всегда выполнял. Пушнину сдавал в госпромхоз, а себе ничего не оставалось. В марте 1953 года Сталина не стало. В том году мне 18 лет было и горностаев я хорошо добыл. План выполнил и должен был ехать в Москву, где награждали лучших охотников. Но эти награды — «Лучший охотник» — отменили. Наградить хотели нас троих из Пашпор: Терентия Лельхова и Василия Лукича Непкина из юрт Тегинских. Горностаев в то время стоил 15 рублей. Для примера: дорога до Тюмени тоже была 15 рублей. Потом Казахстан: целина и дороги... Брежнев стал, нефть... У меня партибилет и военный билет на «святой полке» хранятся. В перестройку все люди испугались, выбросили свои партибилеты, а я сохранил».

И они еще успели всю свою мудрость и накопленные знания передать своим детям и внукам. Это значит, что огни в окнах деревни Тугяны ещё светятся и путники всегда могут рассчитывать на ночлег и дружеский приём в гостеприимном селении на берегу Оби. **УС**

Последний полет

Памяти штурмана Тагирова

Он и Она обменялись фотографиями, уходя на фронт.

И договорились, кто выживет, тот сохранит фотографию друга...

Молодой штурман и юная военврач, командир санроты.

Тайна на 70 лет

14 июля 1944 года. Граница СССР. Жители белорусской деревни Антоново, что под Брестом, с тревогой наблюдали за ночным боем бомбардировщика Ил-4 с атакующими Мессершмиттами-110. Наш самолет загорелся. От него отделилась черная точка, вторая, третья... Пылающий бомбардировщик ушел в пике.

Прибывшие к месту падения партизаны отряда имени Чернака и жители деревни увидели дымящийся самолет, ушедший частично в землю, а рядом погибшего летчика с нераскрывшимся парашютом с запутавшимися стропами. Деревенские бабушки до сих пор помнят его имя — Костя. Было установлено: командир экипажа, Герой Советского Союза Николай Краснов и стрелок-радист Андрей Терехов спаслись, стрелок Константин Циркунов погиб. Но где же четвертый член экипажа — штурман Тагиров? Найти его не удалось.

Вышедшие к партизанам капитан Николай Краснов и сержант Терехов дали пояснения. После приказа командира «Прыгать!» Тагиров не покинул самолет. Выравнивая из последних сил пылающую машину своим, штурманским комплектом, он спас жизнь товарищам — они успели выбраться из самолета до его

ухода в крутое пике... Кашфею было 27 лет.

На родине

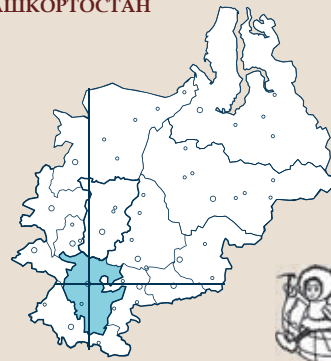
Поскольку тело не было найдено, в далекое село Старокучербаево Благоварского района Башкирии ушло извещение: «...гвардии лейтенант Тагиров Кашфей Шакирович, штурман звена 10 гвардейского Сталинградского Краснознаменного авиаполка 3 гвардейского авиакорпуса дальнего действия, пропал без вести». А вдогонку пришло письмо от однополчан, и семья плакала, читая, как героически их Кашфи спасал товарищей.

Савие, потрясенной гибелью уже второго брата (год назад на Кубани погиб 19-летний Ханиф), было 20 лет. Невыносимо тяжело было матери. Завидев любой самолет над деревней, теряя разум, она бежала вслед, размахивая платком: «Не улетай, сынок!»

Савия Шакировна, став математиком, директором Старокучербаевской школы после моего деда и дяди, потом одним из руководителей Благоварского района республики, суровая и веселая, все силы отдавала людям, так и не обзаведясь своей семьей. Всю жизнь она стремилась больше узнать о любимом брате. Собирала и берегла его письма и документы, вела переписку с военкоматами, музеями, пытаясь

▲ Ил-4 (он же ДБ-3Ф)

БАШКОРТОСТАН

Римма Буранбаева

Филолог, поисковик. Жила в Нью-Йорке, Бонне. Ею найдено более 800 солдат и офицеров, без вести пропавших в годы Великой Отечественной войны. Награждена памятной медалью «Патриот России». Живет в Уфе.

Иллюстрации из архива автора

► Белорусский и башкирский поисковики Владимир Бухта и Ильдар Бикбаев на месте падения Ил-4. Были задействованы все силы для поиска самолета

► Фарида Усманова. Капитан м/с. Награждена двумя орденами Красной Звезды

узнать точное место гибели Кашфи. Но после её ухода из жизни в 2005 году архив пропал.

Штурман дальней авиации

Дальняя авиация — элита авиации, выполняет боевые задачи в глубоком тылу врага. В то время, когда войска вермахта вели полномасштабные наступления на территории СССР, бомбардировщики Ил-4 через их головы, на высоте в 8 тысяч метров, перелетали в тыл Германии! Экипаж, в котором служил Тагиров, наносил удары по военным заводам Инстербурга, Кенигсберга... Попали под удар и объекты Хельсинки... Полеты изнурительные. Летчик пилотировал самолет 7-9 часов вручную. Порой его заменял штурман, но ведь у него были и свои пря-

▲ Штурман дальней авиации Кашфей Тагиров

нию!» Это была расплата за Севастополь и Сталинград, за Ленинград и разрушенные города и села, которые Тагиров с товарищами с болью видели сверху.

Кроме полетов в Германию, экипаж Тагирова разыскивал в лесах или болотах условные сигналы, десантировал людей и грузы в тыл врага, эвакуировал раненых на Большую землю, подавлял средства ПВО, точными бомбовыми ударами создавал заторы на железных дорогах. В ночное время они выслеживали самолеты люфтваффе, возвращавшиеся с задания, и в моменты их приземления, когда пилоты люфтваффе на секунды включали фары, бомбили стоянки самолетов.

Грозовые фронты, обледенение (за бортом минус 50 градусов на высоте в восемь тысяч метров и жуткий холод в салоне), попадание в перекрестье вражеских прожекторов... в таких сложнейших «условиях штурман Тагиров никогда не терял ориентировки», — так сказано в наградных листах. В небе над Сталинградом и Курской дугой, Ленинградом и Севастополем он только на 23 февраля 44-го года налетал 667 боевых часов.

За исключительное боевое мастерство штурман дальней авиации Кашфей Тагиров награжден орденами Ле-

нина и Красного Знамени, медалью «За оборону Сталинграда».

Потрясающая новость из Белоруссии

Позвонил Ильдар Зинурович Бикбаев — основатель поискового движения Башкирии: «*Увидели сегодня сайт Солдат.ру?*» Зашла и ахнула! Командир отряда «Авиапоиск» из Белоруссии Владимир Бухта обращался к поисковикам Башкирии — разыскать родственников штурмана, поднятого под Брестом. «*Тагиров Кашфей Шакирович, 1917, Благоварский р-н, Кучербаевский с/с. Дата призыва 10.1937. 10 Гвардейский авиаполк, гвардии лейтенант.*»

Уфимский поисковик Ильдар Гайнанов (наши с ним матери — из того самого села Кучербаево!) оперативно установил имена сестер штурмана — Савия Шакировна, 1918 г. р., и Фагима Шакировна, 1928 г. р. Я онемела: тетя Савия — подруга моей мамы, тетя Фагима — одноклассница моего дяди! Семья Тагировых и Усмановых были близки многие десятилетия. Мой дед — Галимьян Усманов — основатель и директор Старокучербаевской школы, где выучились все Тагировы. Звоню дяде — Риму Галимьяновичу Усманову, он тоже был директором школы до Савии Шакировны.

— Вы помните Тагировых?

— Конечно! Родители — Шакир-бабай и Нахар-эби и их дети — два сына и две дочери. Характером все очень прямые... О героически погибшем Кашфи я писал статью в газете.

— Помните его внешне?

— Ну, как же! Очень стройный, высокый, собранный, шинель на нем офицер-

▲ Бомбардировщик Ил-4

мые обязанности. Их встречали сотни зениток перекрестным огнем, аэростатные заслоны. Штурман открывал люки, и от взрывов бомб военные заводы, склады с техникой и горючим вспыхивали морем огня.

Это был «гостинец» шефу люфтваффе Г. Герингу в ответ на его слова: «*Ни одна бомба не упадет на Герма-*

ская ладно сидела. Лейтенант. Глаза его смотрели серьезно очень, но иногда весело. Был очень талантлив в математике, а для штурмана это очень важно. Я был ещё маленьким, он после уроков приходил к нашему дому в школьном саду, чтобы увидеть Фариду, маму твою. Потом, из штурманского училища приезжая в отпуск, стремился к нам.

—?

— Кашфи был влюблен в Фариду. Твою маму. Но война помешала.

Я потеряла дар речи. Мы немедленно отправились с Ильдаром Бикбаевым к дяде Риму, единственному человеку на свете, кто помнит Кашфи, записали его на видеокамеру, дядя достал республиканскую газету «Къзыл Тан» за 1987 год с его статьей, и мы увидели, как выглядел штурман Тагиров. Вскоре мы вылетели в Белоруссию.

Его поляна

Владимир Бухта вел нас с Бикбаевым одному ему изведанной тропой. Под шелест леса и пенье птиц, по высокой траве мы доходим до солнечной поляны с огромной ямой, наполненной водой. Она образовалась от падения тяжелого бомбардировщика далекой летней ночью. Рана земли так и не зажила. Тихо. Поют птицы. Солнце освещает памятный знак и надпись на нем, гласящую, что здесь погибли члены экипажа Ил-4 штурман Кашфей Тагиров и стрелок Константин Циркунов. Мгновенно наступает дрожь. От волнения мысленно обращаюсь к Кашфи: «Эта земля приняла тебя. Это твое место, где долгие годы пролежал здесь без вести пропавшим, тебе пели птицы, деревья 71 раз осыпали тебя осенними листьями. Ни мама, ни сестра Савия, так тосковавшие по тебе, искавшие тебя, так не узнали, что ты был здесь все это время. И никакая машина вре-

мени не вернет меня в детство и юность, чтобы рассказать им, где я сейчас...» Трагизм выбора на войне — ценой возможности матери видеть тебя, — отдать свою жизнь ради спасения боевых товарищей.

Владимир Бухта и его команда «Авиапоиск»

Вся жизнь Владимира Бухты прошла рядом с Брестской крепостью. Военком Малоритского района Брестской области Олег Шишацкий сказал нам: «Бухта не может успокоиться, стремится увековечить всех павших в нашей области авиаторов».

За два года поисковики собрали мельчайшие детали самолета Ил-4 (ДБ-3 Ф), разлетевшиеся на 300 метров той ночью — 14 июля 1944 года. «Но в 1948–1950-х годах из ямы было выдернуто все, годившееся в послевоенных хозяйствах, — рассказывает Владимир. — Копать глубже не давала возможности вода. После долгих месяцев поиска, тупой копни и тщательного просеивания многих центнеров и тонн грунта, глины и жижи я решил вытросить экскаватор, но для него надо прокладывать просеку в лесу (!)... «Надо ли это? — говорили мне. — Это ж целая эпопея, а какие траты...»

В дни безысходности Владимир приезжал в лес один. Он садился на край ямы и разговаривал с Кашфи... Об этом стараются не говорить, но у поисковика устанавливается состояние некоей связи с тем, кого поднимаешь... И он знал, что Кашфи здесь.

Помощь пришла от 52 отдельно поискового батальона Минобороны Беларуси, РВК Малоритского района, мемориального комплекса «Брестская крепость-герой», райисполкома города Малорита. «И лучшей награды для нас не было, когда третий ковш из глуби-

► В боевой полет

ны в два с половиной метра (носовая часть фюзеляжа) поднял останки штурмана. Рядом кобура и пряжка поясного ремня парашюта».

Последний полет штурмана Тагирова

Руководителями Следственного комитета и Районного комиссариата Малоритского района Брестской области Республики Беларусь были соблюдены все юридические процедуры, и Бикбаев, и автор этих строк официально приняли останки штурмана Кашфея Тагирова. Вздвигнутый Владимир Бухта провожал нас на родину словами: «Штурман Тагиров уходит в последний полет».

Бесценные находки в районном музее

22 июня 2015 года. Перед митингом в райцентре Языково Благоварского района Башкирии в честь штурмана Тагирова нас принимает глава района Юрий Коземаслов. С большим знанием дела расспрашивает дорожного гостя из Белоруссии Владимира Бухту об обстоятельствах гибели экипажа Ил-4 и о Бресте: «Я там присягу в армии принес». И приглашает нас в историко-этнографический музей, где мы сразу видим отличную фотографию Кашфея! «Откуда она у вас? — обратился Ильдар Бикбаев к директору музея, — мы не могли найти!» «Из личного альбома фронтowego хирурга, капитана медицинской службы Фариды Усмановой, — ответила Анна Апсаликова. — Он был влюблен в неё, у нас статья есть. Когда началась война, Кашфи приехал прощаться к Фариде. И они, 23-летний штурман и 22-летняя военврач, командир санроты, уходя на фронт, обмена-

► Кобура и пряжка поясного ремня парашюта

ления Посольства Беларуси в Уфе Денис Тимохин, руководитель поисковиков Башкортостана Ильдар Бикбаев... Сельчане, начальство, журналисты, местные историки, учителя и дети... Много детей.

А я все думала... Когда Кашфи мальчишкой был влюблен в мою маму, мог ли он представить, что придет война и они оба уйдут на фронт: она — хирургом, он — штурманом. И одно время даже служить будут в одних краях, под Ленинградом. Так Фаридка, подняв голову, могла бы увидеть в какой-то момент его самолет в небе. Потом он июльской ночью пылающей точкой уйдет в пику... Она будет тяжело ранена, доставлена с передовой в госпиталь, где ее раны будут признаны несовместимыми с жизнью, ее откажут оперировать и отнесут в морг... Но примчатся на попутках однополчане и, угро-

жая автоматом под ответной угрозой трибунала, заставят врачей взять ее на операционный стол. Однополчане вскоре погибнут в бою... Она — старший врач полка — выживет и дойдет до Праги. Через много лет у неё родится дочь, и случайно именно её дочь (!) привезет его из дальнего Бреста сюда... на родину. Удивительно, как бывает: личность Кашфи не давала покоя учителю Павлу Фролову из Вильнюса, Литвы, потом журналисту Риму Усманову из Уфы, потом учителю Назибу Гайсину из Кучербаево, другим людям. Каждый в одиночку, они подхватывали имя героя, не давая ему уйти в небытие. И в итоге невероятная вера и упорство белорусских поисковиков отряда «Авиапоиск» Владимира Бухты вернули героя на родину. Имя штурмана Тагирова занесено в ряд героев Брестской крепости. **УС**

лись фотографиями: кто выживет, тот сохранит фотографию друга...

«И Бухта, и Бикбаев, и я стояли потрясенные. Я ведь никогда этого не знала! А Бикбаев положил руку мне на плечо: «Вот её дочь». В глазах Анны Ивановны показались слезы, и она тут же принесла нам статью Назиба Гайсина — известного в районе учителя, директора музея Старокучербаевской школы. Но нас ждал ещё сюрприз! В музее сохранилась статья Павла Фролова — заслуженного учителя Литовской ССР. Директор музея боевой славы школы № 37 города Вильнюса специально приезжал из Литвы в Старокучербаево! Он искал тех, кто помнил Кашфея Тагирова, о котором он собирался писать в своей книге! И, оказывается, Фролов собрал у себя в Вильнюсе архив по Тагирову! В перестройку 90-х архив, как и весь музей, с собранными за десятилетия бесценными документами, исчез. Я разыскала в Германии дочь директора музея Павла Фролова, ей было очень тяжело вспоминать, как отец метался, не зная, куда пристроить уникальные документы, которые стране стали не нужны...

Вот, Кашфи, ты и дома

В селе Старокучербаево встретить и проводить Кашфея Тагирова вышли все. И стар, и млад... Старики вспоминают: «... вон там, на горке, был дом Тагировых», школьники стоят в карауле, читают стихи. Звучит троекратный салют...

Наступает минута молчания. Возмущенные лица: племянники героя Рафаэль Рафиков и Римма Арсланова, их двоюродная сестра Мамлуда Биглова, глава Благоварского района Юрий Коземаслов, дорогой гость из Беларуси Владимир Бухта, руководитель отде-

СПОРТИВНЫЙ ЦЕНТР

Верх-Исетский

**ОТКРЫТ
НАБОР
В ДЕТСКИЕ
СЕКЦИИ**

БАССЕЙНЫ

ФИТНЕС-КЛУБ

СПОРТЗАЛЫ

УЛ.КИРОВА, 71

WWW.VIZSPORT.RU

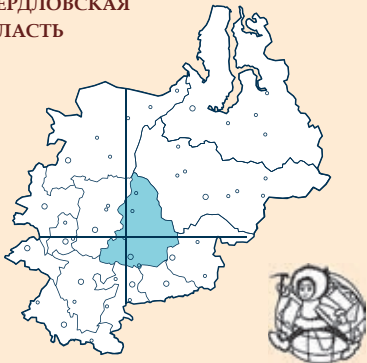

Екатерина Рид

Начинающий литератор и журналист, публикуется в местной периодике.

Ян Разливинский

Издатель и журналист, член Союза российских писателей и Союза журналистов России. Публиковался в коллективных сборниках и журналах: «Полдень, XXI век», «Техника-молодежи», «Искатель», «Мир фантастики», «Знание-сила» и др. Постоянный автор журнала «Уральский следопыт». Автор книги «Нижний Тагил от А до Я».

**СВЕРДЛОВСКАЯ
ОБЛАСТЬ**

Свѣтопись господина прототипа

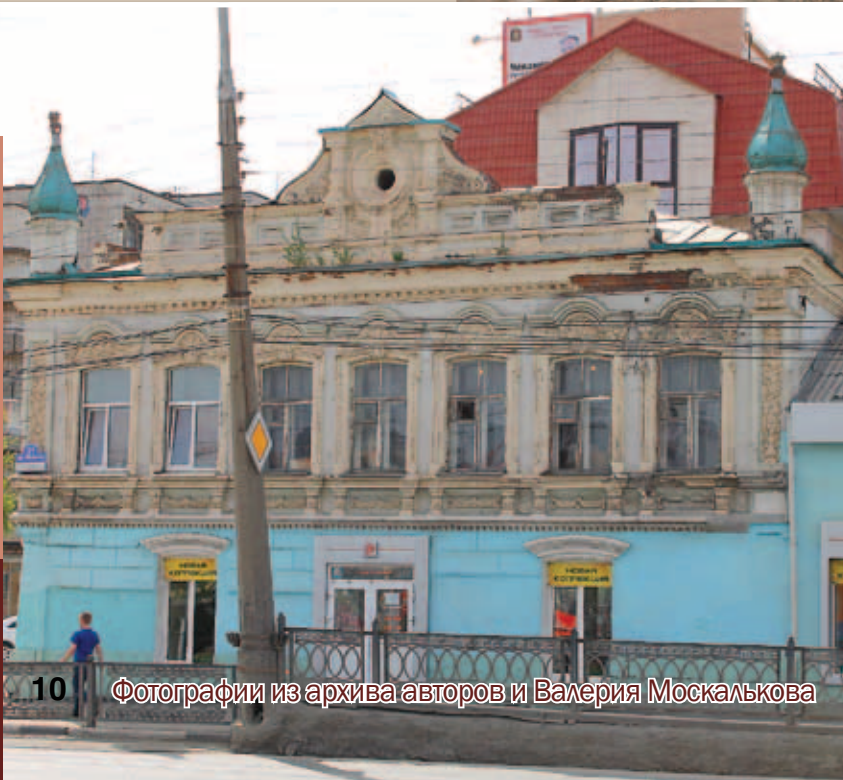
Известный писатель Борис Телков в своих исторических повестях «маскирует» родной Нижний Тагил под Темноводск, но приметы «второго по величине города Свердловской области» видны как на ладони. Не помогают литературные маски и персонажам — за ними легко читаются реальные исторические персонажи уральской провинции.

▲ Нижний Тагил в начале XX века. Вид на Александровскую улицу, Входа-Иерусалимский храм и Базарную площадь

Главным героем полюбившегося читателям романа «Человек-фокус» стал господин Абрикосов, слегка инфантильный мужчина средних лет, постоянно витающий в облаках и выбравший себе не менее возвышенную профессию: он — фотограф, «останавливатель» прекрасных мгновений. Уже одно

◀ Особняк купца Уткина, где на втором этаже проживала семья Вишняковых

▲ Фото на память из ателье Вишнякова

▲ Герои снимков строгие и полны достоинства. Обратите внимание на задники — их изготовил сам фотограф

▲ Фото с супругой. 1909 г., незадолго до переезда в Нижнетагильск. Один из редких случаев, когда снимал не сам мастер

это делает его примечательной фигурой в мире Темноводска. Но у героя, кроме этого, есть еще и удивительный дар — он постоянно и самым нелепым образом попадает в опасные ситуации, причем выходит из них без единой царапины. К примеру, однажды...

Впрочем, о приключениях Абрикосова можно прочитать, найдя роман в интернете или книжном магазине, нас же интересует как раз профессия, выбранная неутомным молодым человеком. И поскольку сквозь книжный Темноводск, как сквозь марлю, повсеместно проступают контуры Нижнего Тагила, то и сквозь образ Абрикосова должен бы проявляться облик... Кого?

«Мой Абрикосов — образ собирательный, как и многие другие, — говорил автор. — Но больше всего я, пожалуй, взял от Василия Вишнякова, одного из первых фотографов Тагила». На роль неутомного Абрикосова Вишняков подошел и внешне: на фотографии, сделанной, предположительно, в 1910 году,

мы видим молодого усача с пышной романтично-кудрявой шевелюрой и вполне заметной искоркой в глазах. Эта живинка была не раз отмечена в романе, имела она место и в реальности — только человек с живым характером мог заниматься делом, которое сулило и успех, и разорение одновременно.

Родился Василий Александрович Вишняков в 1875 году на Украине, в городе Екатеринославе (ныне Днепрпетровске). Фотография в ту пору активно входила в жизнь, и, как изображение постепенно возникает на листе, так и у юноши все сильнее проявлялось с годами желание овладеть новым видом искусства.

Окончив реальное училище, он едет в Москву, чтобы обучиться там профессии мастера портретных работ. Обретя некоторый профессиональный и жизненный опыт (в 1900 году Василий женится на небедной и симпатичной

мещанке Надежде Пономаревой), в 1909 году он вдруг покидает Москву и устремляется с семьей на восток, в Тобольск. Что заставило его променять большой город на глухую провинцию — неизвестно. Жажда нового, которую так ярко изобразил в обрыве Абрикосова тагильский писатель, или возросшая конкуренция?

Но Тобольск оказался не слишком гостеприимным для приезжего фотографа — и он продолжил поиски «персонального рая», которым, на удивление, оказался Нижнетагильский завод, еще не получивший статус города, но наделенный всеми его атрибутами, включая новомодный синематограф. Поняв, что спрос на фотографию тут немалый, а конкуренции почти нет, Вишняков решил бросить якорь семейного корабля на улице Арзамасской (ныне Красноармейская), в двух шагах от главной артерии Та-

◀ Василий Вишняков. Фото 1910-1912 гг.

▼ Особняк купца Уткина, современный вид

▲ Возможно, этот снимок Вишнякова (он слева) в кругу друзей, делала его супруга

гила — Александровской (сейчас проспект Ленина).

Романый Абрикосов был не очень стеснен в деньгах — имелись они и у прототипа: он сразу снял шесть комнат на втором этаже особняка, принадлежащего купцу Уткину. Впрочем, такого размаха требовал не только престиж, но и обстоятельства: в семье Вишняковых подрастали четверо детей — Нина, Катя, Зина и Шурик. Какое-то время заботу о них оказывала няня, имелась и домработница.

Газеты в Тагиле еще не было, да она в ту пору и не требовалась: «сарафанное радио» вмиг разнесло весть о новом заведении по всему поселку. К концу XIX века, когда и разворачивается сюжет романа «Человек-фокус», фотография уже изрядно пошатнула элитарность портрета. Вроде бы совсем недавно заказать свое живописное изображение могли лишь дворяне и люди с хорошими деньгами, и вот: благодаря «светописю» любой крестьянин уже мог заполучить портрет «себя любимого» или же членов своей семьи — чем охотно и пользовались: работы Вишнякова сейчас можно отыскать во многих селах и поселках, окружающих Тагил. В мастерскую, которую оборудовали в арендованном рядом с домом складе, потянулись тагильчане.

Вишняков споро обставил студию необходимыми атрибутами (столики, тумбочки, кресла), причем некоторые изготовил сам. Сам же рисовал и задники для фотографий — различные декорации и пейзажи. В работе ему помога-

▲ Снимок из фотоателье В. Вишнякова

ли два ретушера, доводившие фотографии до нужного качества. Нужно сказать, что фотография начала XX века, обретая демократичность, не свойственную живописи, еще сохраняла прочную связь с ней: кисточки ретушеров подчищали огрехи, а фотографы рассаживали и расставляли своих клиентов так, как это сделали бы художники, рисующие парадные портреты. И сами тагильчане, приравнивая себя к портретируемым, заставляли перед камерой, полные достоинства и степенности. Они серьезны и не улыбкивы — улыбка войдет в фотографию позднее...

Место автографа на многочисленных работах, хранящихся ныне и в музеях, и в семьях тагильчан, занимала тисненая фирменная надпись, позолота которой говорила о престижности исполнителя. Известный российский фотограф Николай Свищов (кстати, родившийся на год раньше нашего героя и, в отличие от него, доживший до 90 лет), так описывал процедуру, предшествующую съемке, — и это было не банальное «*Не моргайте, снимаю!*»: «*Перед съемкой надлежало узнать, как хочет сфотографироваться заказчик: обговорить с ним костюм, позу, поворот головы, выбрать соответствующую декорацию и аксессуары. Затем следовало внимательно изучить лицо и фигуру модели и приступить к режиссированию композиции на съемочной площадке. Учитывались любые детали — вплоть до расположения складок на одежде.*»

Вишняков тоже по 30–40 минут рассаживал клиентов, добиваясь нужных поз и выразительного освещения. Обговаривалось, какой снимок желает получить человек: миньон, будучарный, американский, для открытого письма или иной. Клиентов у Вишня-

▲ Супругу Надежду Вишняков фотографировал часто и с любовью

кова всегда хватало, работал он много и охотно, находя время и на то, чтобы «помучить» перед фотоаппаратом и членов своей семьи. Особенно много пошло молодежи с началом Первой мировой войны: перед отправкой на службу в армию родные хотели запечатлеть сыновей, а возлюбленные — суженых. Часто делались и семейные портреты, групповые фото.

В романе роль рассудительного «альтер-эго» Абрикосова, наставляющего романтика на путь истинный, исполняла его сестра. В реальности Вишняков вполне самостоятельно шагнул по этому пути, демонстрируя предпринимательскую хватку. Так что бедным художником он не был точно. Дочь фотографа, Зинаида, вспоминала игру на кушленном детях пианино «Беккер», хрусталь, дорогой фарфор и столовое серебро, отличную домашнюю библиотеку...

При этом и сам Вишняков, и его супруга одевались скромно и заслуженным достатком не кичились. Папа носил черный костюм, белую рубашку и «галстух». К парадному костюму папа надевал черные или белые бантики. Они находились в коробочке, подкрахмаленные, как восковые. В коробках у него стояли и всегда начищенные воском тшитлеты. Любил носить фетровую шляпу и трость с серебряным набалдашником.

Фетровую шляпу Вишнякова можно было нередко увидеть и на тагильском пруду, и в селе Горбуново, куда выезжали отдыхать они всей семьей. Возможно, «забрела» она и под сень лесов, плотно обступивших по-

▲ Н. Тагил в середине 1920-х годов. Празднование Первомая

село, где любили гулять тагильчане. Вишняков был страстным охотником и нередко, сменив фотокамеру на ружье, исчезал в чаще, возвращаясь вечером с подстреленными утками или зайцами.

Все поменялось с приходом «революционного лихолетья». Привычный уклад дал крен, как торпедированный корабль. Обстановка стала непонятной, с заказами начались проблемы — людей больше интересовал хлеб, чем светопись... В 1919 году, поддавшись на уговоры и советы знакомых, Вишняковы снялись с места, решив уехать в Харбин, куда уже понемногу стекались те, кто не принял советскую власть, подальше от голода и разрухи. Но кроме голода в стране свирепствовали и болезни — в дороге заболели Надежда Петровна и старшая дочь Нина. Было решено вернуться в Тагил — все же там оставались родные стены, друзья... Но, увы, возвращение закончилось трагически. Купеческий дом был уже реквизирован новой властью и семье пришлось довольствоваться помещением бывшей фотостерской. А в городе в 1920 году началась эпидемия тифа... Василий Александрович, Надежда Петровна и Нина заразились... Если книжный Абрикосов легко выходил из всяких передряг, то Вишнякову это не удалось... Впрочем, кто знает, как бы повернул писатель судьбу и Абрикосова, доведи он повествование до революционных дней? Может, и ему изменила бы капризная Фортуна?

На счастье, кто-то сообщил в милицию об оставшихся без родителей детях и Катю с Сашей забрали в детский дом (Зине в то время было уже 14, она могла работать). После выпуска из детского дома судьбы младших

Вишняковых сложились по-разному. Катя в конце 30-х годов уехала в Пермь и прожила долгую жизнь, скончавшись в 1997 году. Александру судьба отмерила намного меньше. С началом войны он ушел на фронт и погиб. Когда и как — точно неизвестно. В наградных документах 1941 года на медаль «За отвагу» отыскан полный тезка тагильчанина, также родившийся в 1910 году, но «наш» ли это Вишняков — непонятно...

учительницей русского языка и литературы в одной из городских средних школ, в библиотеке Уралвагонзавода, и умерла так же, как и ее сестра, в конце 90-х годов. К этому времени имя Вишнякова осталось знакомым лишь историкам, краеведам да владельцам старинных фото с золотым теснением по краю... Остальных же вновь занимали поиски хлеба насущного — на предприятиях по многу месяцев задерживали зарплаты, процветал бартер, по улицам Тагила бродили стайки бомжей...

Вишняков не оставил после себя работ выдающихся, как хрестоматийные «Мальчик с циркулем» Андрея Карелина или «Странник» Максима Дмитриева. Но многочисленные фотоработы тагильчанина создали целый культурный слой, рассказывающий о жизни предреволюционной провинции. Да и для «одной отдельно взятой» семьи фотография из личного архива всегда ценней раритетных работ, хранящихся где-то в столичных музеях. Ведь они — как оконце в прошлое, которое когда-то лобезно открыл один из первых фотографов в Тагиле господин Абрикосов... Извиняемся, Вишняков... **УК**

▲ Обратная сторона фотографии ателье Вишнякова

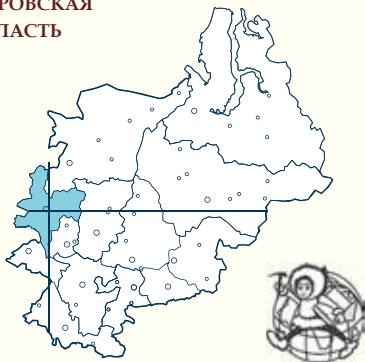
► Роман Бориса Телкова о неугомонном Абрикосове (прототипе Вишнякова).

Зина и Катя считали друг друга пропавшими без вести и после войны не делали попыток отыскать друг друга... Зинаида на всю жизнь связала свою судьбу с Нижним Тагилом. Работала

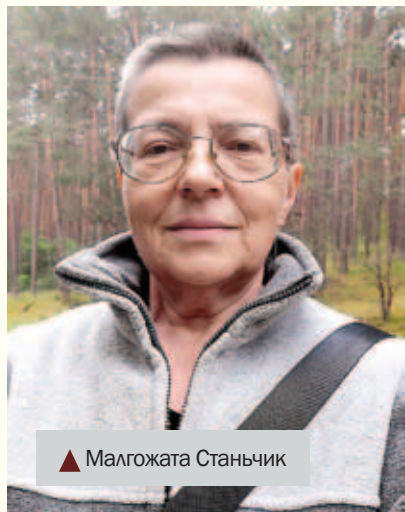
Душа моя живет в покинутой Отчизне

КИРОВСКАЯ
ОБЛАСТЬ

Наталья Запорожцева

Главный библиотекарь краеведческого отдела Центральной городской библиотеки им. Н.К. Крупской города Сарапула, Удмуртии, член Российского союза писателей с 2019 г. Постоянный автор «Уральского следопыта».

▲ Малгожата Станьчик

Вятская губерния, излюбленное место ссылки в царской России, имела давние связи с Польшей и приняла немало поляков еще в начале XIX века, которые образованностью и деловитостью улучшали местные нравы.

Отец, пройдя в войну через Польшу, не вернулся в родные донские края, а приехал к моей матери в Поволжье. Я учусь в музыкальной школе, папа раз за разом просит сыграть Полонез Огинского «Прощание с Родиной» и прелюдию Шопена. И плачет. В 52 года он умрет от разрыва аорты. А у меня останется рубец на сердце вместе с пленительной музыкой великих поляков. Позже растрогает душу баллада Александра Дольского: *«Здравствуй, Польша! Сколько лет я мечтал об этой встрече! И небес неяркий свет, и костелов старых свечи будят память крови древней, и всплывают лица, речи, жесты, платья, кружева манишек...»*

Эти образы встали перед глазами, когда пришел запрос из Польши от Малгожаты Станьчик о судьбе ее родственника, судьи Феликса Дионисевича Кульвеца, служившего в Сарапуле в XIX веке. Малгожата, 45 лет занимающаяся поиском своих предков, выйдя на пенсию, поселилась с мужем в крошечной деревне на западе Польши с собакой и кошкой, зимой роется в архивах, а летом ходит в лес за грибами и работает в саду. Когда-то она жила в Варшаве, занималась внешней торговлей, бывала в Москве, Санкт-Петербурге, Уфе. Ею собраны документы почти о трех тысячах персоналиях рода Кульвец.

Мы погрузились в историю, зарылись в архивах, в генеалогии, геральдику, подключили местных краеведов и раскопали немало интересного. С каждым новым документом семья Кульвец, оказавшаяся вдали от Родины, все отчетливее проступала сквозь время. Но одно цепляло другое, и как часто бывает, когда плывешь в иррациональном потоке времени, появи-

лись из векового тумана фигуры других поляков, — земцев, писателей, врачей, служивших в Вятской губернии и уездном Сарапуле, — и умоляли рассказать о них.

Вспомним историю

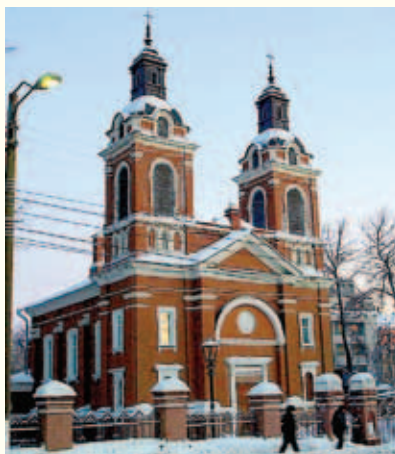
Русская культура вобрала в себя и усвоила уроки европейских цивилизаций, буквально в столетье проходя путь нескольких веков. Польша была главным каналом западного культурного импорта в Россию до эпохи Петра I, открывшего прямые торговые пути в Балтийском море. Польский вклад в российский вклад в науку, политику и культуру должным образом не оценен. *«И Стендаль пришел в Москву через Варшаву»*, — писал Дольский. Разносторонние русско-польские контакты были постоянны и непрерывны. Среди выдающихся русских деятелей науки и культуры немало носителей польских фамилий. Изначально фамилии с окончанием -ский, -цкий носила преимущественно польская аристократия. Большинство представителей фамилии Чайковский относились к польской шляхте. Грибоедов был родом из польских дворян Гржибовских. В Польше весьма распространена фамилия Циолковский с родовым гербом «Ястржебец», как свидетельство его дворянского происхождения. Польские корни есть у Гоголя и Некрасова, Бунина и Андреева, Ходасевича и Пяста, Паустовского и Короленко, Олеси и Александра Грина (Гриневского). Крупнейший композитор-новатор двадцатого века Стравинский — поляк по отцу. Танцовщики Нижинский и Ксешинская, художники Врубель и Малевич, актеры Дворжецкий, Стрельчик, Янковский, Роллан Быков имели польских предков,

◀ Группа польских политических ссыльных. Вятка, конец 1860 г.

▶ Кондитерская и булочная Якубовского

◀ Польский костел в Вятке.
Фото начала XX века
▼ Современное фото

▲ Тимофей Франжоли с дочерью

поэт Роберт Рождественский — сын поляка Петкевича. Поэты, писатели, художники, композиторы и исполнители, актеры, врачи, ученые и философы, военачальники и политические деятели — не счесть персоналий с польскими корнями, вошедших в золотой реестр российского общества. Князь Петр Вяземский, служивший в Варшаве переводчиком при императорском комиссаре в Царстве Польском, слыл полонифитом и обожал польский язык: «Обворожительным дурманом/Щекотит голову и грудь/Того, кто воздухом Варшавы/Был упоен когда-нибудь...» Пушкин дружил с Мицкевичем: «Мы встретились, и были мы друзья,/Хоть наши племена и враждовали».

Поляки, особенно старшее поколение, славилась учтивостью, деликатностью и доброжелательностью. У них до сих пор жив старосветский обычай целовать даме руку. Не отошла в про-

шлое и манера приподнимать головной убор при встрече. Не слушайте тех, кто хает польский язык за обилие щиплящих. Борис Акунин любит его цветом, вкусом и запахом: «Русскому уху он очень мил. Особенно когда по-польски говорят женщины — его звучание тогда настолько сладко, что все время хочется улыбаться». В русском языке более сотни полонизмов, заимствованных у поляков слов: знак, вензель, мещанин, рынок, мужчина, рыцарь, шляхта, гонор, бутылка, шпага, музыка, танец и др.

Польские полонез и мазурка были весьма популярны и привлекательны в России среди аристократии XIX века. Удадь, блеск и грация отличали мазурку. Галантный и торжественный полонез, которым начинали балы, и известен был с петровских времен и звучал как неофициальный российский гимн. Полонез, написанный графом Михаилом Клеофасом Огинским, репрессирован-

ным участником восстания Костюшко в Речи Посполитой, стал визитной карточкой польской музыки, он исполняется на выпускных вечерах в польских школах.

Дадим слово Малгожате Станьчик: «Для небогатого польско-литовского дворянства самое важное было: конь, дворянская мантия, сабля, усы и вера в то, что «благородство обязывает». Ничего, что «наследственным имуществом» часто была хижина с одним дымоходом, два коровьих хвоста, а в поле трудились не крепостные крестьяне, а сам «благородный» со своей семьей. Важны были герб, социальный статус, землевладение и дворянские привилегии. Конечно, были и богатые ветви с 200–300 десятинами земли, десятками крестьян, что позволяло хорошо жить, выдать замуж дочерей и отправлять сыновей в школы. Довольно много среди массы моих предков тех, кто овладел искусством письма и иностранными языками, окончили хорошие школы и занимали важные должности».

Издавна «польский вопрос» о судьбе Польши, ее двухвековая борьба за независимость будоражила умы ко-

Кульвей
Феликс Дионисиевич.
Фонды МИКСП

▲ Герб Гинвил

рифеев русской литературы: Герцена, Вяземского, Достоевского, Толстого. Бунин был поклонником таланта Сенкевича, переводил поэзию Мицкевича и писал: «Польская нация сочетает в себе ценные черты европейской славянской культуры и единство с ней для нас особенно ценно». Мережковский, глубоко тронутый трагической судьбой польского народа, считал, что духовное сближение Польши с Россией может стать спасением для обоих народов: «Судьба великого польского мученичества — гуманитарная Голгофа. Россия страдала за Европу; Польша страдает из-за России».

Поляки в «стране зимы»

Вятская губерния, излюбленное место ссылки в царской России, имела давние связи с Польшей и приняла немало поляков еще в начале XIX века. Разные пути привели их в Вятскую губернию: кто-то искал лучшее место службы, иных сослали как мятежников в российскую глубинку. Чужая страна, жесткий климат, приближающийся к сибирскому, неблагоустроенные дороги создавали для поляков образ нецивилизованного мира, ассоциировались с дикой Азией. Общественный деятель и меценат Август Иванский, пробывший в вятской ссылке около двух лет, писал о «суровом, нездоровом вятском климате с постоянными и часто меняющимися ветрами», о «немогущих улицах с деревянными тротуарами, напо-

минающими клавиши». Польский демократ Генрих Каменьский в письмах сестре Лауре описывал сугробы, доходящие до плеч, называя Вятку «страной зимы». Нынешняя небывало снежная зима в нашем регионе — как иллюстрация к этим словам. Поляки назвали себя «сухими листьями, которых разметал ветер судьбы». Польские изгнанники стремились сохранить религиозное единство. Подлинным центром польской культуры стал основанный в Вятке Александровский костёл, пре-

образивший облик города и до сих пор остающийся зримым символом Вятской Полонии.

Вятка заразилась свободолобием от хлынувшей волны в тысячу политических ссыльных поляков. Губернатор Аким Середа даже просил министра внутренних дел присылать сюда побольше политических ссыльных, которые образованностью и деловитостью улучшали местные нравы. Многие поляки остались здесь навсегда, пополнив культурную и торговую элиты города.

▲ Константин Циолковский в Вятке, 5 лет. Фото 1862 года

► Станислав Якубовский

▲ Ромуальд Кульевец

◀ Здание кондитерской и булочной Якубовского, современное фото

Вот лишь некоторые имена, внесшие значительную лепту во все области науки, культуры и хозяйственной деятельности Вятского края. Уроженцы Царства Польского Александр Нембянский, Ромуальд Шенкаржевский, Луциан Шарецкий, объединив последние свои деньги, открыли кожевенную мастерскую. После освобождения из-под надзора Шенкаржевский стал купцом 2-й гильдии и владельцем лесопильного завода, Лев Мишговт — содержанием питейного заведения в Слобод-

ском, а Казимир Биллинг — владельцем кафе-ресторана в Вятке.

Ссылные поляки принесли на Вятку традиции своих «коварен», где пекли хлеб и сдобы. Вдохновленный успехом поляков-кожевников, впервые в Вятке Станислав Якубовский начал варить леденцы и шоколад, открыл булочную, кондитерское и пряничное заведение, семь хлебных лавок, музыкальный магазин и сапожное производство. Якубовский организовывал музыкальные вечера с выставкой-продажей роялей, пианино и фисгармоний. Другой кондитерский магазин неподалеку принадлежал ссылкеному поляку, кондитеру Тимофею Франжоли, и здесь было место встречи революционеров. Сын кондитера, Владимир Франжоли, стал редактором самой крупной либерально-демократической газеты «Вятская речь». В магазине «шоколадного короля» Якубовского служил ссылкой Степан Гриневский, отец будущего автора «Альх парусов» А. Грина. Живописный берег и вятскую пристань запечатлел ветеран наполеоновских войн, выдающийся польский художник Эльви́ро Андриолли, проживший в Вятке три года. Совместно с В. Васнецовым он расписал городской Кафедральный собор и яркий, с пальмами, занавес театра. Не он ли вдохновил Грина стать моряком и писать о дальних странах? Талантливый фотограф Владислав Бишевский в 1853 году открыл первое фотоателье в Вятке и запечатлел на века виды губернского города.

Не только ссылка приводила в Вятку поляков. Циолковский, отец основателя ракетостроения, был переведен с семьей из Рязани в Вятку столо-

начальником Лесного отделения, когда сыну, Константину, было 11 лет. В Вятке «странник по звездам» провел семь лет, учился в мужской вятской гимназии, конструировал и изобретал.

Выпускник Петербургской военно-медицинской академии Антон Юлианович Левитский был назначен младшим врачом вятского военного лазарета ввиду отъезда доктора Х.И. Чудновского. Христофор Иванович представил своего протеже, молодого художавого юношу, как отличного врача, «который далеко пойдет, меня не только заменит, но преуснеет во всем». Так и оказалось. Внимательное и сердечное отношение к больному, безотказность, удачные результаты лечения скоро создали Левитскому громадную популярность даже вне пределов Вятки. Он построил необычный, похожий на красное знамя, трехэтажный дом напротив губернаторского (сейчас здесь кофейня) по проекту Эмиля Нюквиста. После выхода в отставку он остался работать врачом, заведовал железнодорожной больницей. Больные к нему приезжали даже из Сибири, так как больница по своему уровню соответствовала лучшим столичным клиникам. Почти весь заработок врача шел на благотворительность, так что хоронили любимого доктора, собирая деньги «по подписке».

Постепенно поляки-изгнанники полюбили живописные окрестности Вятки, прелесть русской весны и короткого лета, рыбалку, охоту. Г. Каменьский, прощаясь с Вяткой, в своих последних письмах признается: «... я сохранию искреннюю симпатию к её жителям и обществу, в котором встретился с самым сердечным гостеприимным приемом». **УС**

▲ Эльви́ро Андриолли

▲ Антон Юлианович Левитский

▲ Эмилия Кульвец, жена Виктора

Путь скифов

Хребет Уреньга

Встречный ветер

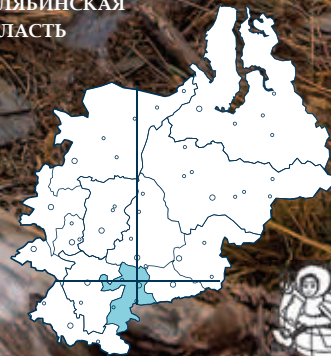

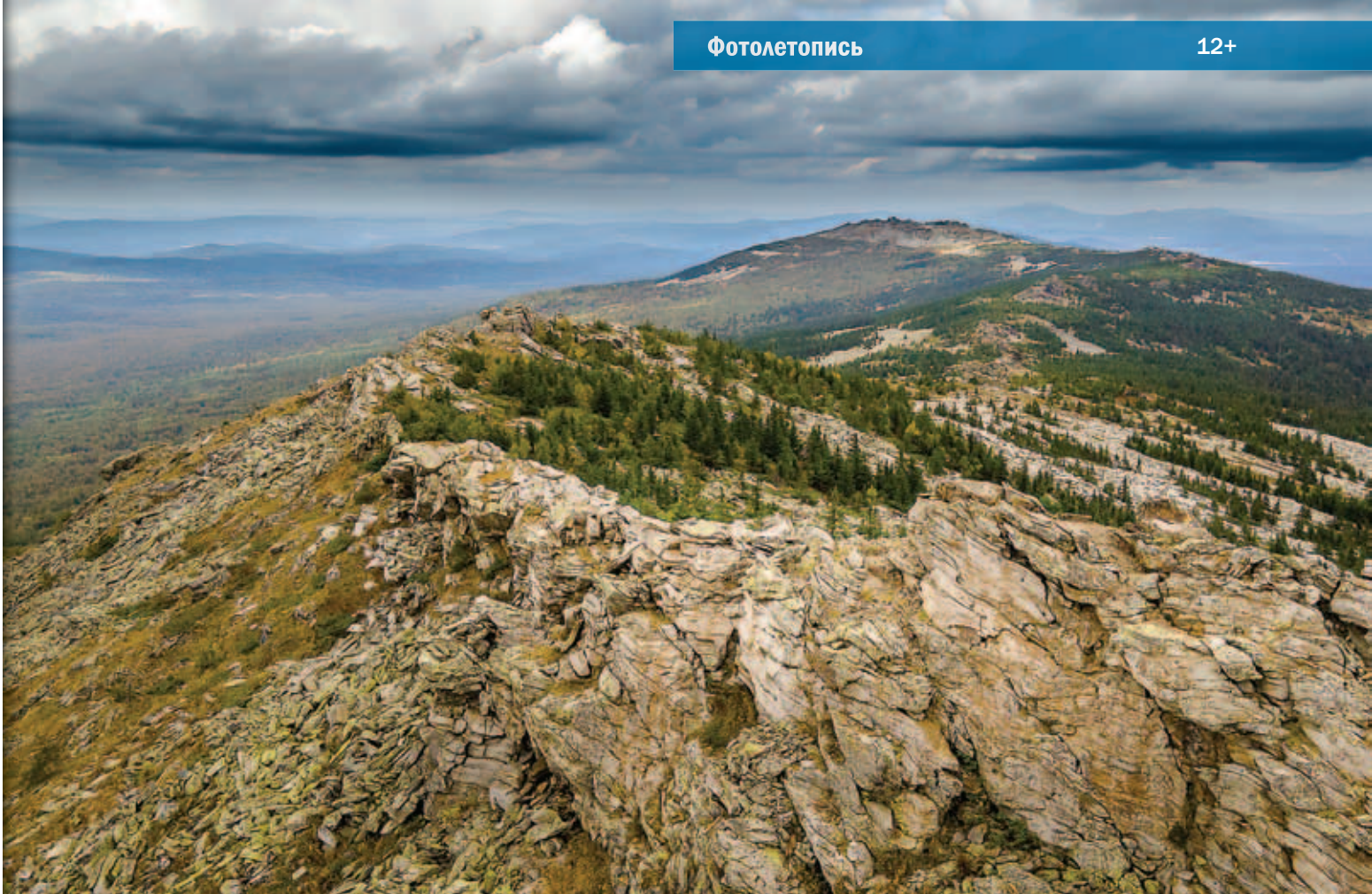
Дмитрий Жданов

Мастер на промышленном транспорте.
Увлекается фотографией. Любит путеше-
ствовать по Уралу.

Фото автора

ЧЕЛЯБИНСКАЯ
ОБЛАСТЬ

Хребет Уреньга пересекаешь каждый раз, когда проезжаешь по М5 мимо города Златоуста. Самый протяженный (почти 70 км) хребет в Челябинской области. Несколько раз откладывал по тем или иным причинам знакомство с Уреньгой, а в августе этого года, вдохновленный прочтенными на просторах Интернета материалами о хребте, я решил — едем. Маршрут с другом

выбрали следующий: на Вторую сопку через село Веселовка. Там нас ждали места, где по легендам проходил путь скифов, а затем и Емельяна Пугачева.

Хорошая погода и тропа на хребте, доступная по сложности даже начинающим туристам, позволили нам без затруднений в кратчайшие сроки оказаться на Второй сопке — самой высокой точке хребта высотой 1198 м.

На вершине нас встретили великолепные виды на окружающие хребты и горы. Были видны Таганай, Ирмель, Нургуш, озеро Зюраткуль, а также и другие вершины. Останцы на хребте были по форме похожи на книги с окаменевшими страницами, как будто кто-то из старых людей оставил их

здесь для будущих потомков. Но книги так и не были прочитаны. Дождавшись заката на сопке и проводив солнце за уральские хребты, мы начали спуск по сумеречной тропе. Сохранив свои эмоции на кадрах фотоаппарата, мы надеемся, что в будущем ещё вернёмся сюда. **УС**

Встречный ветер

▼ Самец орлана несет добычу птенцу

Орлан-белохвост

Эту горделивую и осторожную птицу встретить не просто. Места гнездования ее находятся лишь в безлюдных прибрежных участках кормовых водоемов. Их можно заметить в Гаринском, Сысертском и Каменском районах Свердловской области.

Встречный ветер

▲ Гнездо орлана-белохвоста

СВЕРДЛОВСКАЯ
ОБЛАСТЬ

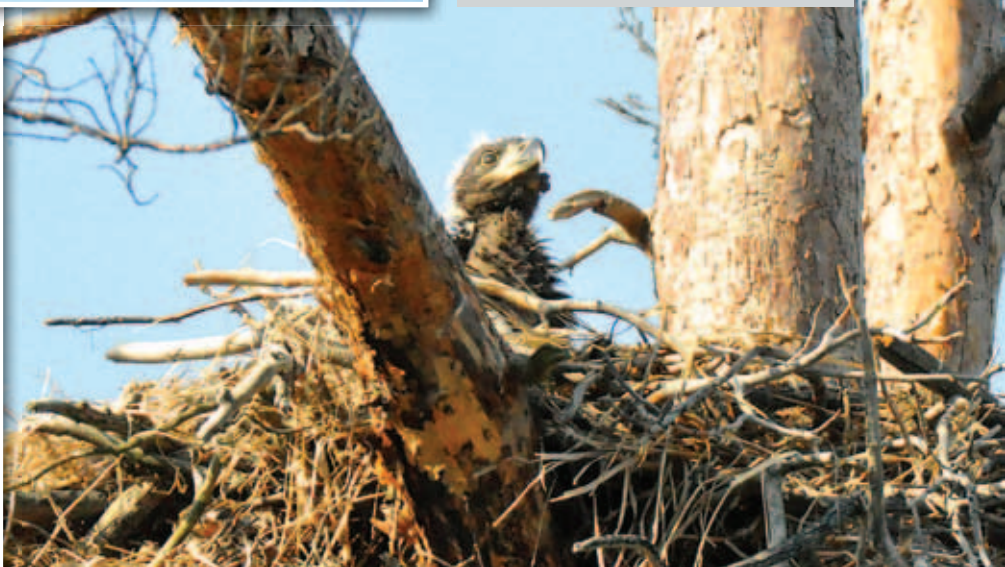

Михаил Бокачев

Родился в 1952 году в Магаданской области; окончил Уральский государственный университет; работал егерем опытного хозяйства «Малый Исток». Работал с 2000 г. заместителем министра природных ресурсов Свердловской области, директором Департамента по охране животного мира.

◀ Орлан-белохвост в полете

▼ Птенец орлана в гнезде

Этот редкий вид включен в Красную книгу Международного союза охраны природы и Красную книгу России. Орлан-белохвост — самая крупная из хищных птиц, гнездящихся в нашем крае. Вес самцов этих хищников может достигать 5,5 кг, а самок — до семи килограммов (самки у орланов, как и у многих других хищных птиц, крупнее самцов). Размах крыльев орлана-белохвоста достигает до двух с половиной метров.

Грозный вид орлана способствовал тому, что люди часто преследовали этих птиц, обвиняя их в истреблении водоплавающей дичи и рыбных ресурсов. Отстрел орланов, уничтожение старых, крупных деревьев (где они гнездятся), а также посещение людьми мест гнездования привели к резкому сокращению численности этих удивительных птиц. Отличить от других

хищных птиц орлана-белохвоста легко. У него длинные, очень широкие, «прямоугольные» крылья, относительно маленькая голова и короткий, клинообразный хвост белого цвета. От орлов орланы отличаются отсутствием оперения на цевке лап (у орлов лапы оперены до самых пальцев). У орланов также огромный клюв желтого цвета (у молодых особей клюв темный).

Орлан — величественная и гордая птица. Тот, кому посчастливилось наблюдать эту птицу в природе, надолго запоминает эту встречу. Орланы-белохвосты прилетают к местам гнездовий рано, еще до вскрытия рек и озер. Это очень осторожная птица, она избегает мест, посещаемых людьми. Брачные игры орланов очень красивы и эффективны. Птицы в полете сцепляются лапами и, кувыркаясь, падают почти до самой земли, потом расцепляют ког-

▲ Подросший птенец уже почти не отличается по размеру от матери

ти и снова взмывают вверх. В это время можно услышать и их брачные крики.

Гнездо орланы делают обычно на высоком дереве, растущем около реки или озера. Гнезда эти очень большие, диаметром около двух метров и высотой от одного до полутора, а иногда и двух метров. Гнездо орланы выстилают травой и шерстью. Откладывают от одного до трех яиц. В насиживании участвуют и самка, и самец. Кормят птенцов орланы тоже вместе. Гнезда используются много лет подряд не только птицами, его построившими, но и их потомками. Известны случаи, когда одно гнездо птицы занимали почти тридцать лет подряд. В Исландии было отмечено гнездо орланов, в котором птицы гнездились 150 лет.

Пары у орланов-белохвостов, по видимому, постоянны. Гнездиться эти птицы начинают только в возрасте 5–6 лет. Основу питания орланов составляет рыба. Орлан облетает водоем и, увидев плывущую около поверхности рыбу, стремительно падает на нее, выгнув вперед лапы с мощными когтями. Часто орланы ловят рыбу, зараженную гельминтами и снулую, чем оздоравливают икhtiофауну водоема. Иногда они ловят уток, зайцев, даже ко-

▼ Самка орлана на гнезде

суль. Но обычно это бывают раненые или больные животные. Не брезгуют орланы и падалью.

Живут орланы постоянными парами, но могут собираться небольшими группами в период кочевков и зимовки. Улетают на юг орланы-белохвосты, когда начинают замерзать водоемы. Часть птиц остается зимовать у нас в южных и восточных районах области, питаются подранками, падалью и не найденной охотниками дичью.

Живут они около двадцати пяти лет. Известен случай, когда в неволе орлан прожил и 42 года. Главные факторы сокращения численности этого вида — вырубка старых высоких деревьев, пригодных для устройства гнезд. Для сохранения численности этого вида птицы необходимы меры по охране мест гнездования орланов и изготовление искусственных гнездовых платформ в пригодных для гнездования местах. 📄

Влюбиться за 12 минут

Во дворе Уральского государственного лесотехнического университета разворачивает рукава пожарная машина. На подтаявшем снегу — ярко-красные ранцы лесных огнетушителей РЛО. Чуть впереди стенд с «мишенями» из напиленных круглых древесных плашек. Представители команд раньше времени уже пробуют целиться в них водяной струйкой, но еще невпопад, неслаженно.

Чтобы шагать в ногу со временем, нужно чувствовать друг друга. Нужно чувствовать, а не просто стараться по-силовому тянуть на себя! И опыт профессионала, и традиции — всё это сразу в одном инструменте, двуручной пиле. Профессор Герц, улыбаясь во все усы, приглашает к чаю с конфетами. Закопчённый чайник тут же во дворе, кипит на финской свече. Еще минуту хочется вдохнуть традиций и задержаться перед входом, дослушать таёжную отрядную песню, льющуюся из двух колонок, пригуженных на стуле. Словно ручей, обтекая вокруг, прибывают команды.

«Сказочная тайга». Этот квест проводится в третий раз. Объёмная форма профориентации. Мы здесь впервые и потому нагоняем время — торопимся сориентироваться и развернуть реквизит. На первом этаже «тайга уже шумит», а на третьем еще затишь.

— Заходите сюда, мы тут сову собираем!

Это я волонтерам из студентов, выглядывающим в конец коридора в ожидании, когда хлынет ребячий поток с путевыми листами наперевес. В маленькой аудитории уже наскоро сдвинуты парты и появилась надпись мелом на доске — Висимский заповедник. Это для ускорения знакомства. Полное название у нас длинное, сэкономим минуту на представлении. Сверху по доске будто бегущей строкой — детские рисунки с выставки. Мы привезли их с собой: пре-красное украшение и миглом вводят

в тему. Заходите, мы на вас «тайминг проверим», улыбаюсь я, видя, что глаза у студентов уже загорелись. Перед ними веером разложены перья, а на середине стола два мешка с солью, раскрашенные продольными пестринами. Это главная интрига нашей станции.

— Сколько получилось на рассказ? — спрашиваю я Александру, намекая жестом на то, что одно из перьев хорошо уместится на шляпе.

— Двенадцать минут.

— Ну что же, нормально, чтобы познакомиться. А сколько надо, чтобы влюбиться в профессию?

— Двенадцать много, надо семь! Команд с избытком, кто же нам больше-то даст? Нет времени на долгие разговоры.

Приданный нашему этапу волонтер Екатерина из студотряда «Берендей» уже придумала, чем помочь делу. Через пару минут со стола на входящих не мигая смотрит филин. Добротное чучело оказалось на кафедре по соседству. Третий курс — это уже старожил в университете, и ментально ориентируется. Улучая минуты в паузы между группами, Катя успевает вникнуть не только в то, как собрать сову из перьев, но и как записаться в заповедник на практику. Команды сменяют одна другую, а, кажется, идут сплошным потоком. Можно угадать ответы на вопросы, но, чтобы понять, как она летает «в сборе», нужно подключить коллективный интеллект. Весь университет в эти минуты

гудит от мозгового штурма. Тут за минуты учатся строить дороги в лесу, проектировать мосты, проводить химический анализ, летать и расшифровывать снимки, полученные беспилотником.

— Это у нас уже не первый квадрокоптер, — говорит Егор, представляя Межкафедральную лабораторию ГИСТехнологий и эколого-аналитического мониторинга. — Тот, что был до этого, налетал уйму часов и закончился. Дорогая машина, но время дороже.

— Вот вы много проводите с телефонами в руках, — продолжает он напутствие, — а я, получив второе высшее образование, теперь только узнал цену и времени, и этому образованию. Теперь едва хватает времени за полевой сезон, чтобы выполнить все заказы.

Наконец всё утихло. Место действия перетекло в актовзый зал. Идёт подведение итогов. На вопрос, сколько прошло команд, возникает минутная пауза. Нужно было посчитать по листочку с отметками. Бегущая строка из рисунков отправляется в папку. Тряпичные совы, наполненные солью, приехали в коробе, сплетённом из бересты. Пора и нам. Но в дверь аудитории сыплотся из коридора, будто горох из стручка, ещё пятеро: все как один — в зелёных футболках.

— А что, уже всё закончилось? Нельзя сову собрать? Нам обещали! — капитан протягивает маршрутный лист.

— Ну, эти вне времени, обращаюсь я к Александре, они уже определились с профессией.

«Школьное лесничество» — это я на футболках прочёл.

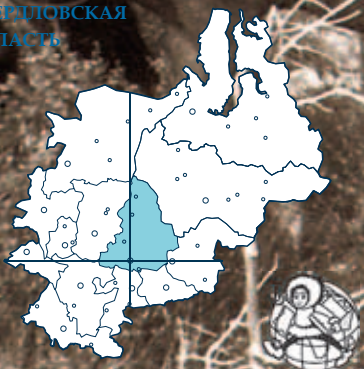
Снова разворачиваем реквизит. **ES**

Михаил ШЕРШНЁВ.

Люди камня

Истории мастеров

СВЕРДЛОВСКАЯ
ОБЛАСТЬ

Владимир Калинин

Геолог, камнерез, участник геологоразведочных экспедиций в Средней Азии, Якутии, Приполярном Урале и др.

Ирина Герулайте

Журналист, выпускник УрФУ. Закончила музыкальное училище имени П. И. Чайковского (по классу специального фортепиано). Работает преподавателем джазовой импровизации, устраивает концерты. Увлекается походами по Уралу и изучением минералогии. Автор цикла песен по творчеству П. Бажова и Р. Желязны. Публикуется в издательствах Санкт-Петербурга и Казани.

Увлечение детства иногда становится призванием.

В горе щебенки у дороги было удивительно найти в обычном серо-зеленом граните гладкие, блестящие кубики пирита, похожие на золото.

▲ Яшма, приполированный образец. Сибайское месторождение, Южный Урал

▲ Моховой агат, Северный Казахстан

◀ Ручей Листапендшир, окрестности Саранпауля

Восхищение красотой и совершенством этих камушков, вероятно, стало первой точкой отсчета для выбора будущей профессии. Дальше был Северный Казахстан, где жила бабушка, недалеко от курорта Боровое (островок леса, чистых озер и гор среди степей). Гранитные горы скрывали и месторождения, в которых встречались разные цветные камни: халцедоны, кварцы, пегматиты, яшма — и множество других. Собранные камни красовались дома, радовали глаз, хотя коллекцией это было трудно назвать — скорее, собранием красивых камней, ко-

торое традиционно было у всех детей того времени.

Становление

Позже был кружок «Юный геолог» (от клуба «Глобус») в свердловском Дворце пионеров. Преподавали здесь замечательные, очень увлеченные и чуткие в плане педагогики люди. Появилась возможность быть ближе к камням. Мы часто выезжали на копи, это были настоящие походы ночевками у костра. Находили камни и минералы, и мы постепенно научились различать и узнавать их, гранат, эпидот, гематит, яшма, пирит — все они стали будто живыми. Когда в природе находишь красивый камень — это поражает и приносит большую радость. В кружке препо-

▲ Малахит, приполированный срез. Меднорудянокское месторождение, Средний Урал

давали азы кристаллографии и химии, мы начинали понимать, из чего состоят камни, какие из них твердые, а какие мягкие и так далее. Со временем мы стали более внимательными к окружающему миру, по-другому смотрел вокруг и, что называется, «под ноги». Общение и песни у костра — это что-то особен-

▲ Пирит, сросток кристаллов. Березовское месторождение, Средний Урал

▲ Гранат

◀ Пирит, сросток кристаллов на друзе кварца. Березовское месторождение

как полировать камень. Там было всего два рабочих места, дети стояли в очередь к станкам. Но когда из камня, взятого из дикой природы, получалась обточенная граненая красота, это увлекало еще больше! Мы гордились своей работой и радовались. Вот, к примеру, набрали мы под Нижним Тагилом малахита, на станке отшлифовали... И перед нами совершенно другой камень — гладкий, с проявленным рисунком. Так для нас происходила гармонизация окружающего пространства.

Романтика геологии

Перед поступлением в Горный институт было полезно поработать на заводе имени Калинина, приобрести рабочую специальность токаря (стать мастерским человеком). Была возможность сравнить работу на заводе и в геологической разведке, в пользу геологии, конечно. Потом была служба в Германии, в военно-воздушных силах, работал планшетистом на контроле южного воздушного коридора, ведущего к Берлину. Вернувшись из армии, удалось восстановиться в Горном институте. И снова позвала геология. Мы сразу начали ездить за камнями, кайло и лопата были нашим оружием. Днем я работал на заводе, вечером учился в Горном, а все выходные пропадал на месторождениях области, мы находили красивейшие экземпляры агатов, гранатов, родонитов, яшмы. А нашей «библией» на тот момент был седьмой том Александра Ферсмана, посвященный цветным камням: там была масса привязок к месторождениям. Иногда ехали наугад, и всегда что-то находили. Это был период получения опыта, обретения новых связей, изучения новых мест, отличное и доброе время.

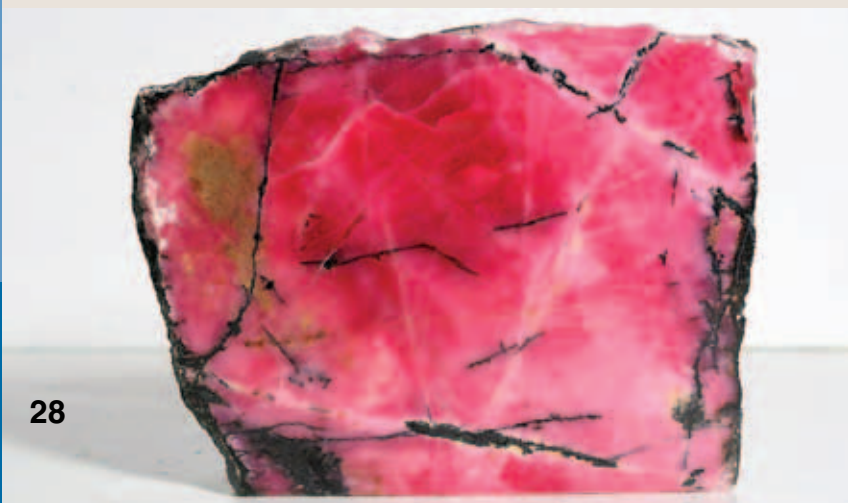
ное, в городе такое невозможно, детям полезно и интересно быть на природе. Настоящим учителем была Людмила Михайловна Коврижных. Она могла подчеркнуть красоту камня, рассказать о его происхождении, не акцентируя внимание на его материальной ценности и не превращая поход в лес только в увеселительную прогулку, чтобы ученики могли ценить дары мира природы. И у нас появлялся определенный идеал, то есть те ценности, которые на всю жизнь.

В геологическом кружке была и своя мастерская, где дети учились работать с камнем. В мастерской работал хороший мастер, профессионал из «Уралгеологии», он показывал,

◀ Берил (аквамарин), сросток призматических кристаллов. Супруновское месторождение, Прибайкалье

▼ Родонит, приполированный образец. Бородулинское месторождение, Средний Урал

▼ Змеевик

Уральский следопыт, май 2022

▶ Снежинка в шахте, месторождение Додо

Вообще, если говорить последовательно о работе, то первыми идут геологи-съемщики. В то время, когда мы учились, съемщики считались самыми крутыми спецами, своего рода элитой. Они работали в очень тяжелых условиях, шли по неизученным маршрутам, то есть были первопроходцами. В этом есть романтика и поиск. Именно они составляли геологическую карту страны и регионов. Вообще, в этой профессии есть прекрасный элемент свободы, воли, приключений. И, конечно, большого интереса к камням. Но вообще, кроме самих минералов, нас интересовали разные геофизические штучки, и мы с приятелем тоже сделали простой самодельный радиометр, который мерил уровень радиации. Несмотря на простоту прибора, он фиксировал радиацию, показывал цифры. В полевой геологии, в разведке этот интерес пригодился, когда занимался уже с профессиональными приборами. Например, в практике были работы в Вишневых горах, в Челябинской области, где мы занимались разведкой металла ниобий — редкоземельный металл, которым легируют сталь.

По окончании Горного института настала другая эпоха: работа в производственном объединении «Уралкварцсамоцветы», входившем в состав «Союзкварцсамоцветов», она была создана в 1936 году для добычи кварцев, которые использовались в радиотехнике: из бездефектного кварца делали пластинки, которые были стабилизаторами радиочастот. Чтобы добыть кварцы, проводились экспедиции. Начались поездки по всей стране: это Средняя Азия, Казахстан, Урал. Все это происходило до начала 90-х, до развала СССР. Добывали цветные и коллекционные камни

▼ Гранат

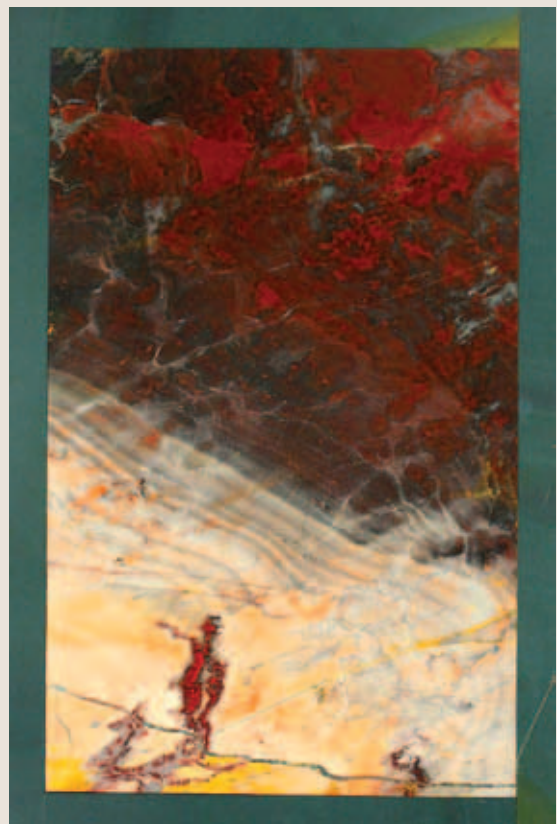
на разных месторождениях страны, сейчас ездим за кварцами на Приполярный Урал.

Время 90-х

В непростых 90-х годах удалось получить опыт преподавательской работы в архитектурной академии. Страна развалилась, предприятия закрывались. Но в Архитектурной академии предоставилась возможность работы с камнем на кафедре художественной обработки металла и камня. Работа в институте давала возможность на два месяца уезжать с командой на Приполярный Урал. Читал студентам лекции по свойствам камня, рассказывал, как их обрабатывают и используют. Делал флорентийские мозаики из поделочно-

▶ Яшма пейзажная. Гора Полковник, Южный Урал

▼ Берилл (аквамарин), призматические кристаллы на кварце. Борщовский кряж, Иркутская область

▼ Окрестности Саранпауля, с лайкой Марком. Фото из архива автора

го камня, объемную резьбу, участвовал в конкурсах и выставках, много общался с художниками. Студенты мои защищали курсовые и дипломные работы по работе с камнем.

Многообразие камня

У камней, как и у людей, разное происхождение, характеры и судьбы. Среди них нет одинаковых, каждый из них уникален. Их находят, с ними работают, они увлекают и радуют глаз и душу. Чем настоящее месторождение отличается от случайного проявления камня? Месторождение, собственно говоря, это место, где находится скопление полезного компонента, и здесь можно добывать камень. А проявление — это выход камня. И не факт, что его там будут добывать, но некоторые проявления становятся месторождениями.

Например, популярный и красивый поделочный камень яшма. Существует великое множество ее разновидностей: орская, калиновская, калканская. Последнее, правда, уже выработано и ровного зеленого оттенка калканской яшмы сейчас уже не встретишь. Но есть очень похожий на эту яшму материал, на месторождении Казах-Чиккан Казахстане. Северо-калиновская яшма тоже хороша, она яркого, желто-коричневого оттенка. Если быть точным, то яшма — это не минерал, а горная порода, подводно-вулканического происхождения, из комплекса пород спилиты. Ее необычные рисунки, которые так завораживают нас, — следствие сложных геохимических процессов. Окраска и рисунок зависит от условий кристаллиза-

ции, от примесей. На Урале яшму можно найти во многих местах: под городом Реж — месторождение Глинское, на Приполярном Урале, в том числе и красивейшие яшмоиды, под Североуральском и Красноуральском, интрузивная полоса тянется по всему Уралу.

Есть также крупное колыванское месторождение яшмы на Алтае. Там в XVIII веке был построен знаменитый камнерезный завод, один из трех заводов, которые Петр I основал в годы своего правления, это были Санкт-Петербургский, Екатеринбургский

и Колыванский заводы. Как человек использует яшму? Люди любят ее давно и по-разному применяют в искусстве и хозяйстве. Это очень популярный поделочный камень, из него создают красивые вещи: от ювелирных вставок до огромных ваз, как, например, знаменитые вазы в Эрмитаже, сделанных из алтайской яшмы. Использовали ее и в фармацевтике — в ступках из яшмы перетирали лекарственные смеси, у нее инертный состав, и, в отличие от мрамора, например, она не перемешивается с составом лекарства.

Участие в проекте геологоразведочных работ по яшме от производственного объединения «Уралкварцсамоцветы» в северной Башкирии обогатило бесценным опытом. В этих краях более 200 проявлений яшмы хорошего качества, например, тунгатаровское, маломуйнаковское, и они расположены достаточно близко друг от друга. Там есть и ситцевая, и пейзажная яшма. Самые известные из месторождений обрабатывались еще в царской России, начиная с XVIII века. Добывали ее в основном государственные люди. Хотя жесткого контроля и не было, но все равно месторождения охранялись. Такая категория камней, как яшма и родонит, шли всегда под контролем государства. На Екатеринбургской гранильной фабрике, например, после отмены крепостного права начались большие проблемы: люди уходили, труд в заботах был тяжелый. И появилось множество мастерских на дому, народ начал сам добывать, обрабатывать и прода-

► Рыбалка под Саранпаулем. Щука — отличный улов. Фото из архива автора

вать изделия из камня. Яшма интересна тем, что даже с одного месторождения она абсолютно разная, очень отличается друг от друга, и каждое проявление имеет свои, характерные особенности.

С изумрудами, прекрасными гостями уральского подземелья, тоже удалось познакомиться достаточно близко. Мой шеф, кандидат геологических наук Владимир Иванович Жернаков, занимался изучением минералогии изумрудных жил, у Горного института был заключен договор с Малышевским рудоуправлением для проведения научных исследований. И в ходе работы на руднике мы рассматривали, какие сопутствующие минералы и как распределены в изумрудной жиле. И можно ли определить по ним места, где можно добывать изумруд, искали минералогические закономерности. Отбирал пробы, документировал забор. Однажды при мне был найден очень большой изумруд — около 800 грамм, шестигранная призма. Вообще, цвет изумруда в породе отличается от того, что огранен. Он не сверкает, а похож на темно-зеленую бутылку. И случайный человек не поймет, что это драгоценный камень. Изумруд используется для ювелирных украшений. Но проходчикам в 70-е годы изумруды были не нужны, тогда их нельзя было продавать открыто. И на Малышевском руднике были другие задачи: из руды извлекался берилл, а из него — редкоземельный металл бериллий. Он применялся в авиации, для легирования сплавов, в атомной промышленности.

Родонит — тоже красивейший камень, с прекрасным необычным розовым оттенком. Его используют для декоративных работ и иногда, не в промышленных масштабах, иногда для извлечения марганца — его черные вкрапления — это марганцевая руда. Станция метро «Маяковская» в Москве — в ее оформлении присутствует родонит. Самое известное месторождение на Урале — это Малое Сидельниковское, недалеко от Кургана. Беседка в храме Спас-на-Крови в Санкт-Петербурге была заново сделана в конце 70-х годов XX века из уральского родонита с этого месторождения. Потом было открыто месторождение Бородулинское, недалеко от поселка Шабры. Удалось побывать и в Башкирии, на Файзулинском месторождении, где кроме яшмы, тоже были проявления родонита, он шел для изготовления ваз. На Урале вообще известны три самых крупных месторождений родонита: Кургановское, Малосидельниковское и Бородулинское. Но сейчас они не действуют, практически все выработано.

▲ Цитрины

Змеевик, или серпентинит, залегает по всему Уралу. Характерный для нашего края камень цвет варьируется от черного до светло-зеленого. На Баженовском месторождении отличного качества змеевик, из него делают декоративные предметы — вазочки, яйца, подставки. Есть также еще разновидность благородного змеевика под названием офит. Известно также Южно-Шабровское месторождение змеевика, из него, кстати, делают еще и каминь.

Очень красив кварц-волосатик, его много на Приполярном Урале. Прозрачный кварц, с вкраплениями тонких золотистых нитей рутила. Вообще, каждый красивый камень — это аномалия, ведь природа стремится к энтропии, к равномерному распределению, а красивый камень, по сути, своей уникален и неповторим, «штучный материал». И, конечно, эти свойства диктуют бережное к нему отношение.

Редкие находки

За годы поездок на Приполярный Урал у нас сложились очень хорошие отношения с местными специалистами по полярному кварцу в городе Саранпауль. Они нас знают и всегда поддерживают, это крепкие дружеские отношения. Работа в геологии, как правило, сливается с увлечением. Однако здесь есть один момент: поехать в далекие, труднодоступные края можно только с теми, кто профессионал высокого уровня и кого хорошо знаешь и дружишь. Такие геологи, как Владимир Сладков, с которым мы работаем уже 40 лет, уникальны. Это редкий человек, и по качествам характера, и по геологическим знаниям. В геологии действи-

тельно иногда встречаются своего рода «штучные» люди».

В условиях поездок в сложные и труднодоступные места вымывается все лишнее, как это происходит при отмывании золота. Остаются только близкие по духу люди, и вот они умеют дружить и знают, что такое взаимовыручка. Крепкие люди, дружба и связь с миром камня — в этом, возможно, просвечивает характер настоящих геологов. Когда удается найти хороший образец, появляется ощущение, что только ты и больше никто в мире видишь сейчас эту красоту. Оно совершенно неповторимое. Однажды в Сибири, в 150 километрах под Нижнеангарском, мы нашли огромный аквамарин. То есть вначале мы вырубали ступень в скале и там обнаружили крепкий столб аквамарина, высотой в два метра. Правда, из этого столба ювелирного камня было всего около пяти килограмм. Замечательной красоты, потрясающие цитрины мы находили на Приполярном Урале, на проявлении Парнук. Ольховские цитрины, с Северного Урала, например, обладают очень глубокой окраской. Такие находки всегда вдохновляют на новые поиски и поездки за камнем, в этой увлеченности проявляется связь человека и нашей удивительной, интересной и необычной планеты.

Возможно, всем нам стоит получить опыт работы геологами. Ведь тогда мы узнаем цену настоящей дружбы вдали от «благ» цивилизации. Мы ощутим гармонию отношений природы и человека. И, преобразившись, перестанем величать себя «венцом природы». Вот какие приобретения, это ли не благо? **VG**

ПЕРМСКИЙ
КРАЙ**Наталья Дудко**

Редактор раздела «Встречный ветер»,
член Союза журналистов России.

Ослянка

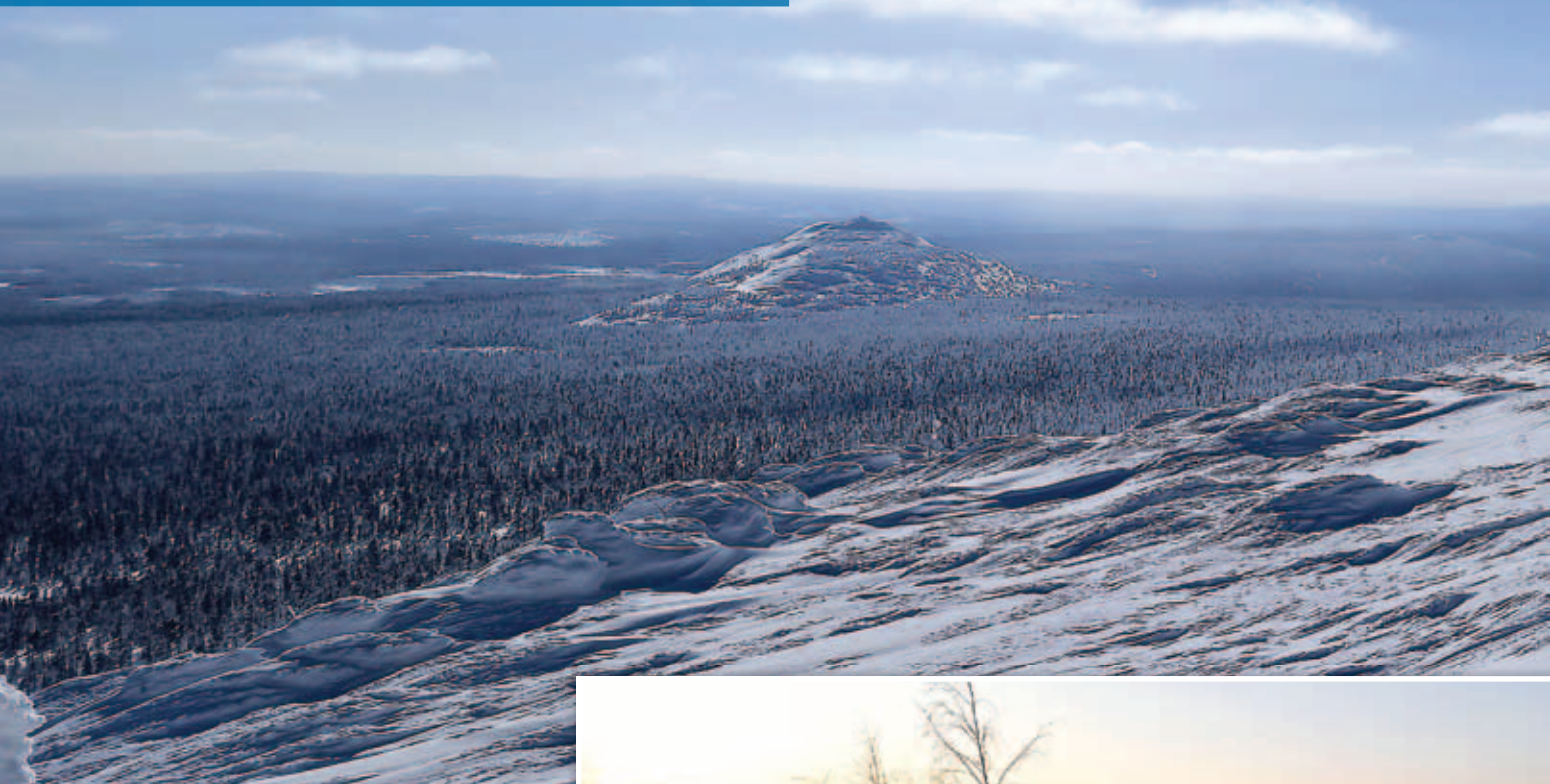
Самая высокая гора Среднего Урала

Ослянку еще называют «Эверест Среднего Урала. Вызов для лыжника». И правда! Вышли на маршрут в -33 , прошли за день 42 км на лыжах, с подъемом на высоту 1119. Для меня это был вызов самой себе — лыжи не самый любимый вид передвижения...

Встречный ветер

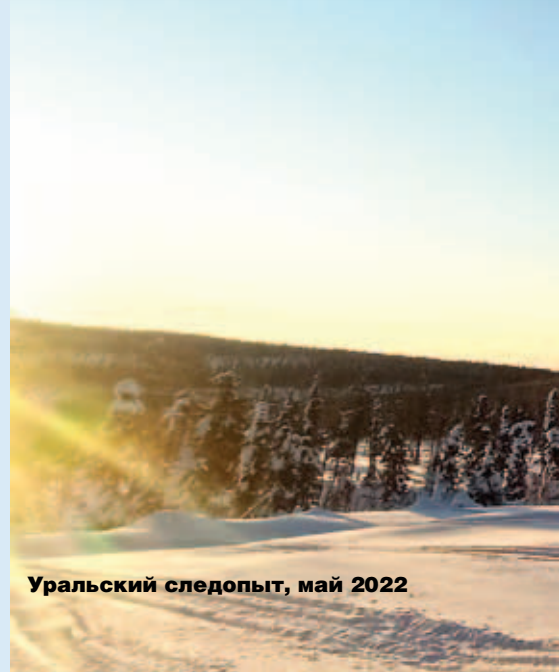

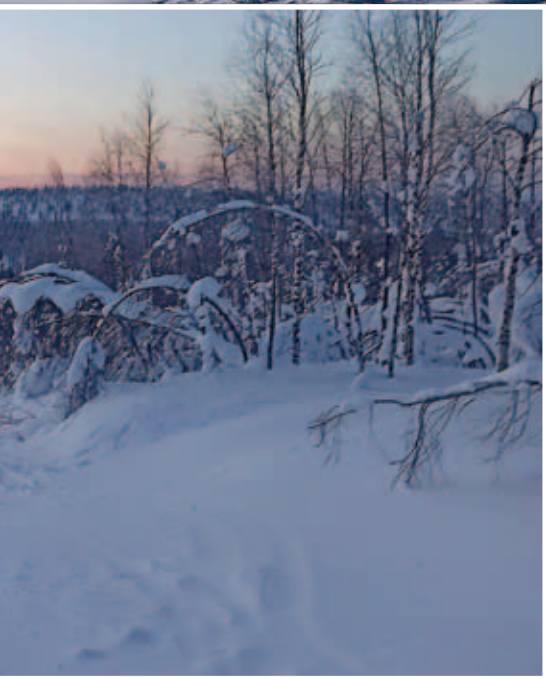

Раньше перед походом я, кроме разработки маршрута и основной подготовки, всегда читала всё, вплоть до этимологии названия и интересных историй, про то место, куда иду. Потом смотреть эту информацию перед походами перестала — не хотелось собственные эмоции, впечатления от горы, от места «настраивать» на какую-то волну.

Уже после похода я узнала про несколько версий происхождения названия Ослянка (понятно же, что к животным — ослам — не имеет никакого отношения!). Не буду вас утомлять этими разными версиями, лично мне на душу легла самая романтичная и красивая: Ослянка произошла от слова с коми-пермяцкими

корнями Лёз-Лямпа и в переводе означает «Синяя небесная лыжа». Там действительно — синее небо, синяя гора, синим кажется белый-белый снег, а вершина — похожа на огромную лыжу.

А еще, по преданиям, на вершине Ослянки жил чёрт, пока его не изгнал с горы местный пьяница.

Эту историю вы тоже можете и без меня прочитать. Чёрт — не дурак был — место фантастически, нереально красивое. Наша компания, туристов-неновичков, бывавших много где, видевших много что, в прямом смысле обалдела от восторга и восхищения. А у меня даже навернулись на глаза слезы... Слава богу, что мы вышли на маршрут рано и были на вершине одни. После нас появился караван снегоходов-шашлычников. Да, на мой взгляд, это не туристы, это «шашлычники», пусть они хоть все до одного вегетарианцы. Нарушили тишину природы ревом моторов, испоганили чистый воздух, испортили лыжню, исполосовали, изрыхлили девственную чистоту горы следами своих снегоходов.

Другое дело, 42 км на лыжах — подъемы, спуски, равнины! Один раз меня так занесло на крутой горочке в кусты, что я там перекувырнулась через себя, застряла лыжами в ветках, не могла самостоятельно выбраться и дотянуться до креплений лыж — отстегнуть. Барахталась, было одновременно смешно и грустно — человек один в лесу более беспомощен, чем заяц или куропатка.

Обычно я не люблю ходить по несколько раз в одни и те же места. Но понимаю, что Ослянка — то место, куда еще точно приду... **✎**

Восхождение на ледяную гору

Ледолазание в самостоятельный вид спорта выделилось из альпинизма. Горы — обитель снега и льда, и даже во время летних восхождений альпинистам приходится штурмовать ледники и ледопады.

льеф. Прошли инструктаж, разобрались с оборудованием. Все чувствуют, что ледолазание гораздо более силовой вид спорта в отличие от скалолазания. Настраиваются.

Снаряжение

В первую очередь у ледолаза мерзнут руки, поэтому тёплые перчатки, которые к тому же крепко фиксируются на запястье, — важная деталь его тренировочного гардероба. Что касается снаряжения, то, как и альпинисту, здесь нужны каска и страховочная система. Обувь — так называемые «кошкоты»: ботинки с встроенными зубьями, более лёгкие и удобные, чем альпинистские. И гораздо менее удобные, чем любимые ребятами скальники. На занятиях на трудность спортсмены используют специальный ледовый инструмент, модифицированный ледоруб. А вот в забегах на скорость применяют более лёгкие крюки, которые называются иностранным словом «айс-фифы», по-русски «фифы».

Куда же без «проводника»?

Встретил нас тренер молодёжной областной сборной по ледолазанию, тренер Федерации альпинизма Свердловской области по скалолазанию и ледолазанию **Андрей Мухин**.

Андрей Михайлович рассказывает мне о разнице между скалолазанием и ледолазанием, пока страшит наших юных спортсменов.

— Самое первое отличие — это высота. Смотрите, ваши дети не испугались, а кто испугался — преодолел этот страх. Но вообще, когда ко мне приезжают скалолазы, боятся сильнее. Этот

вид спорта про борьбу с собственными страхами. И мы помогаем и взрослым, и детям преодолевать их и идти дальше.

Второе отличие — другое чувство равновесия. У вас в руках «фифы», а значит, рука становится длиннее. И чувство своего собственного тела становится другим. Если ты неправильно расположился, не прочувствовал баланс, то и движение твоё будет тяжёлым и трудным. Скорость ниже. Усталость больше.

Техника безопасности в этой дисциплине жёстче, строже. Потому что в руках огромные железяки. Острые. И это добавляет травмоопасности.

Но вообще, скалолазание и ледолазание — самые безопасные виды спорта. Просто подходить к ним нужно с головой. Мы боремся за прочность и надёжность наших страховок. И травмы у нас какие? Палец потянул, коленку расцарапал. Это не хоккей, где зубы выбивают. Но частенько люди смотрят на фото и говорят: как страшно!

— Андрей Михайлович, но это физически очень непросто. Как вы мотивируете детей, да и взрослых преодолевать?

— Мотивирую любовью. Я показываю каждому его способности и возможности, показываю цели. И раскрываю в человеке его потенциал. В этом и заключается мотивация.

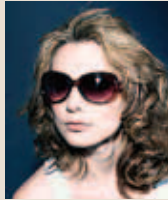
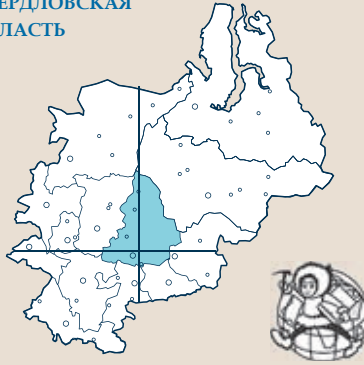
Зачем опять идёте в горы вы?

Дети, покоровившие лёд, под громкие аплодисменты собравшихся, уставшие, но счастливые, пьют чай. По глазам видно, что хотят ещё. Взрослые перелазят — придётся везти!

Ледолазание — это подъём спортсмена по вертикальному льду с помощью специального снаряжения. Ледовые склоны могут быть естественными (замёрзшие водопады, ледопады, большие сосульки) или созданными искусственно. Сейчас по ледолазанию, как и по скалолазанию, проводятся отдельные соревнования и чемпионаты. Связываются спортсмены по трём направлениям: трудность, скорость и боулдеринг (серия коротких, но предельно сложных трасс).

Уже по-весеннему солнечным, но ещё по-уральски морозным днем мы отправились с детьми покорять лёд. Группа собравшихся ребят представляла собой разновозрастных скалолазов. Кто-то занимается год, кто-то два. И всем им очень интересно попробовать новое, испытать себя. Это ведь совсем другая история... огромные крюки «Айсифи», которые непривычно держать, кошкоты на ногах, вместо лёгких и удобных скальных туфель, в которых так здорово чувствуется ре-

СВЕРДЛОВСКАЯ
ОБЛАСТЬ

Мария Порозова-Дущак

Журналист, педагог, детский фитнес-инструктор, создатель и идейный вдохновитель сети детских фитнес-клубов г. Екатеринбурга, Тюмени и Перми. Автор научной работы по детскому фитнесу и развитию физических качеств детей в условиях современного дефицита двигательной активности. Мама двоих детей.

Фото автора

Я спрашиваю **Ирину**, которой всего 10 лет, зачем она приехала сюда?

— Я хотела попробовать что-то новое, интересное и необычное. Хотела пройти испытание и стать ещё сильнее. Хочу, чтобы некоторые мальчишки из класса поняли, что девочки бывают сильными, и не лезли.

— В чём, по-твоему, отличие такого лазания от привычного, на скалодроме?

— Здесь совсем другая обувь. Нужно «забивать» «кошкбот» в лёд, чтобы удержаться. У меня несколько раз застревал бот во льду. На скалодроме такого не бывает.

— Приедешь ещё?

— Очень хочу. Хочу по-другому попробовать ползать, мне интересно пройти новые трассы.

Победы бывают разные

Сегодня у юных спортсменов состоялся первый опыт, первая «проба льда». У каждого свой результат: кто-то преодолел страх и сомнения и смог сделать пару десятков трудных шагов в новой амуниции, кто-то дошёл до самого конца трассы, покорил её. Это личные победы каждого, и они очень разные. Каждый шаг вперед ценен — они складываются в опыт преодоления и успеха, который затем помогает в других сферах жизни. А вы говорите, гаджеты...

Ледоход на Чусовой

▲ Берег поселка Кын в период ледохода

Не помню точно как, но появилось у меня непреодолимое желание сделать снимки ледохода. Недолго думая, я обратился с этой идеей к своему старому другу, моему школьному учителю, Сергею Смирнову — владельцу крестьянского хозяйства на Чусовой, в устье реки Серебряная.

Он сразу согласился помочь мне в этом деле, но была одна проблема: последние пять лет на Чусовой ледохода не было. Вода промывала большие польньи, и постепенно лед опускался на дно, где и завершал свое существование. Не будучи специалистом, спрогнозировать вскрытие рек и как это произойдет в этом году, он не мог. Можно было просто выехать на место и ожидать этого события, но всех нас держит работа, которую трудно бросить на продолжительный срок. Исходя

из этих обстоятельств, Петрович договорился со своими друзьями в поселке Кын, чтобы ему сообщали о состоянии реки. И мы стали ждать.

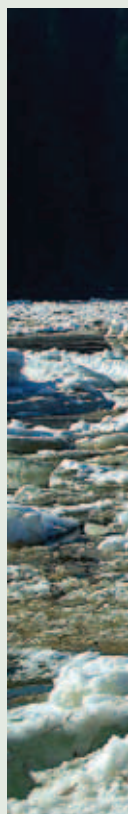
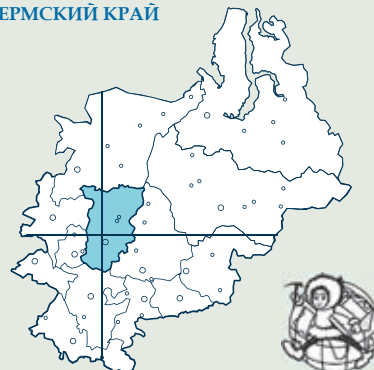
Едва достаточно морозный, нисколько не внушающий доверия март перешагнул в апрель, все понеслось как будто под уклон. С первых апрельских дней температура воздуха стала поражать, побивая собственные рекорды. Почти не подтаявший за минувший месяц снег уменьшался прямо на глазах. К десятому числу уже было

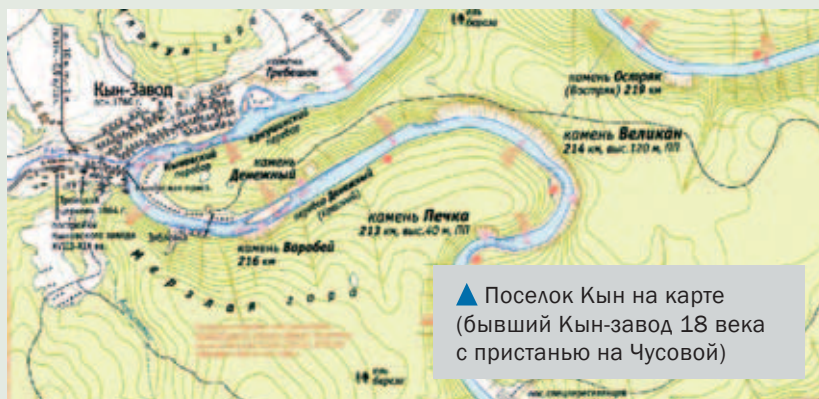

Николай Плотников

Проживает в городе Лысьва Пермского края, по специальности строитель. Является членом Русского географического общества и членом Союза фотографов дикой природы России.

ПЕРМСКИЙ КРАЙ

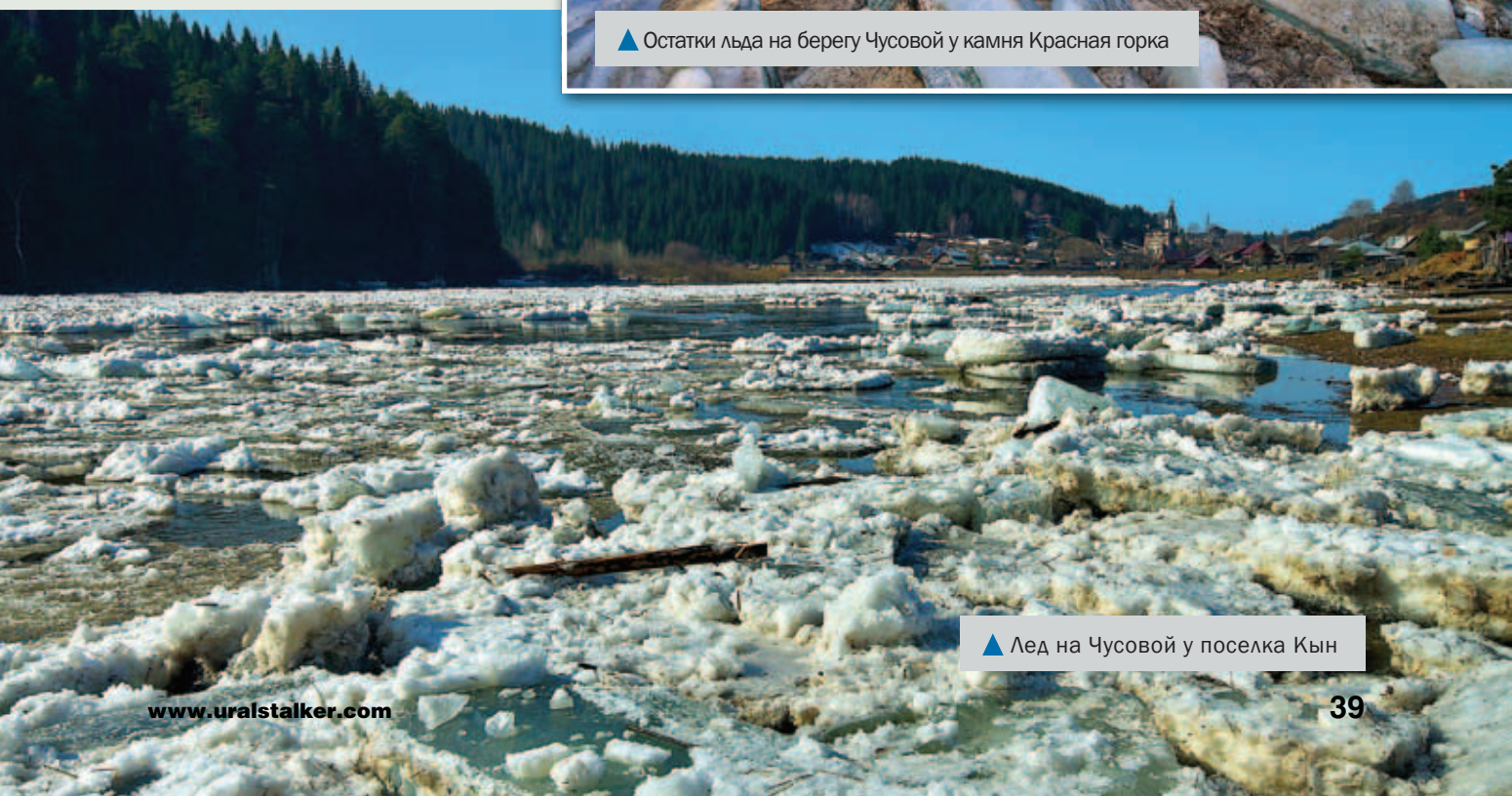
видно, что поля почти освободились от снежного покрова... И вскоре мне позвонил Сергей Петрович. «*Коля, завтра надо ехать! Все начинается!*» — услышал я в трубке. Такие события я ожидал только дней через пять, поэтому при-

шлось сильно напрячься в плане работы, и на день позже предлагаемого срока у нас наконец получилось покинуть город.

Кын встречал нас ярким весенним солнцем, которому радовалось все жи-

▲ Остатки льда на берегу Чусовой у камня Красная горка

▲ Лед на Чусовой у поселка Кын

▲ Устье реки Серебрянка и камень Ростун на карте

вое. Над прошлогодней травой можно было видеть уже проснувшихся порхающих бабочек и жужжащих над цветками мать-и-мачехи пчел. Природа радостно встречала весну!

Но мои затянувшиеся сборы, увы, оказались почти фатальны. За минувший день, как говорят местные жители, река «ушла». Растолкая ледяные глыбы по берегам, чусовская вода еще несла отдельные куски льда, создавая большую опасность для лодок; но нас это не беспокоило. Загрузившись в глассер, мы отчалили от берега и полетели навстречу остаткам ледяного панциря. Аэролодка не плывет в массе воды, а скользит по поверхности благодаря специально спроектированной форме и высокой скорости; и именно это преимущество позволяет без каких-либо проблем передвигаться по любой поверхности, будь то снег, вода или идущий по реке лед, — все зависит от опытности рулевого. Благодаря удачному сочетанию всех этих качеств через полчаса мы уже выгружались на берег, у устья реки Серебряная.

Смывая остатки вчерашних событий, Чусовая несла обломки льда половиной русла. Вдоль берегов лежали глыбы, сверкая бирюзовым холодом в лучах не по-апрельски теплого солнца. Хоть пейзаж был весьма интересен, меня такой расклад мало устраивал... И лишь только, когда я увидел Серебряную, настроение резко поднялось. Река почти полностью была покрыта льдом, а это означало, что все еще может быть, но, когда она «пойдет», никто не знает.

Серебряная значительно меньше Чусовой. Это та самая золотоносная река, по которой войско атамана Ермака начало подъем в Уральские горы. На мой взгляд, речка несколько не уступает Чусовой по красоте, хотя, конечно, скалы на ее берегах не столь величественны. Если кто-то еще не зна-

▼ Камень Ростун

▶ Перед купанием в ледяной воде

ком с этими берегами, всем рекомендую, вы точно получите удовольствие.

Несколько воодушевившись ледовой ситуацией, мы спокойно проводили первый день нашей экспедиции. В безоблачном теплом небе апреля падало за лес огромное красное солнце, а мы пили чай вприкуску со свежим весенним воздухом и наслаждались тишиной, которой так не хватает в вечно гудящих городах. Только когда совсем стемнело, уже обсудив планы на завтра, мы отправились спать. В пейзажной фотографии самое главное — свет. Если вы хотите сделать хороший пейзажный снимок, то вам нужно просто выйти на рассвете или к закату, в «режимное время». Жесткий дневной свет делает картинку «плоской» и неинтересной; но что делать, если нужно снять событие, которое длится неопределенный отрезок времени, и, когда оно произойдет, никому не известно? Этот вопрос очень беспокоил меня, и ответа на него у меня не было. Не ломая сильно голову над данной задачей, я решил подождать ледохода и действовать по обстановке. А вдруг повезет и лед пойдет как раз в конце дня.

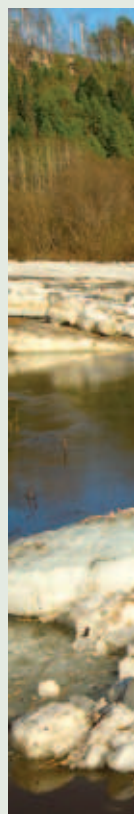
Лед пошел после обеда, часа в четыре. Не было предполагаемого треска или грохота. Плавно нарастающий шум для меня, городского жителя, был почти не заметен, и, только когда он стал заглушать ветер, я рванул к реке. Серебряная шла полным ходом, волоча на себе остатки ледовых переправ, обрывая прибрежные кусты ив и вталкивая на берега крупные бирюзовые куски с белой корочкой снега. Поток серебрянского льда выходил в Чусовую, занимая почти все ее ширину. Я бегал

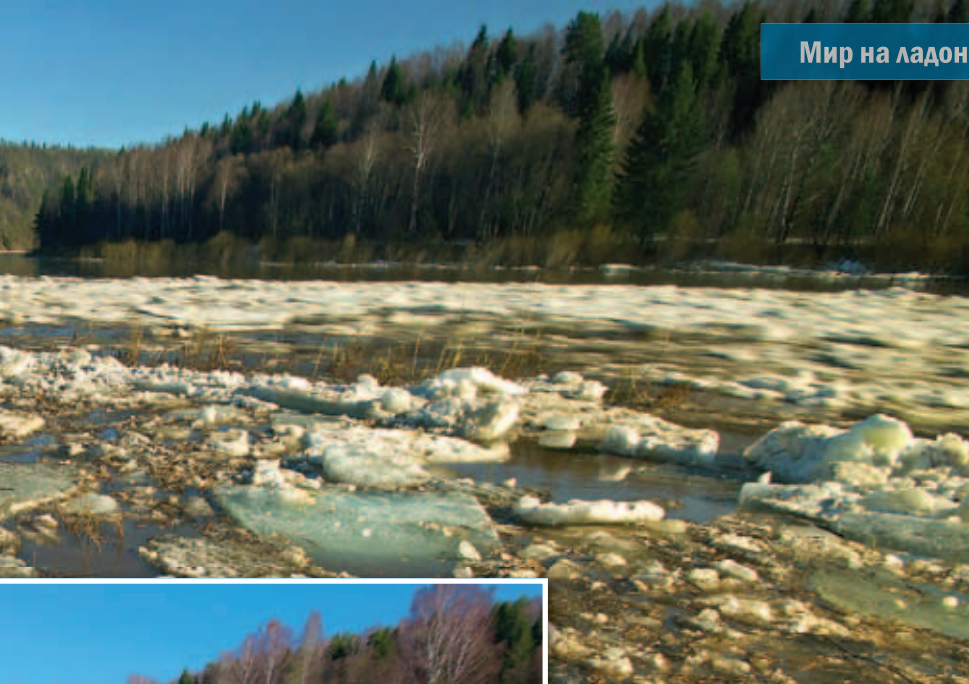

по берегу, безуспешно пытаясь поймать в видискатель камеры объем этого события. Неожиданность ледохода затмила все разговоры и планы. Я забыл все, что мы обсуждали накануне, и только рев двигателя нашего аэробота вернул мне память. Сергей Петрович мастерски вывел глассер в центр потока, упрощая мои задачи.

Часа через полтора плотность льда стала заметно меньше. Только тогда, успокоившись, я, присев на удобную скамеечку на берегу, еще долго смотрел на уже ослабший ледоход. К вечеру поток совсем поредел, таща уже только отдельные льдины. Так заканчивался второй день моего приключения, наполненный невообразимыми эмоциями.

Утро последнего дня нашей авантюры наступило как обычно. Позавтракав, спокойно собравшись, мы выдвинулись вверх по Серебряной, с целью найти интересные виды для съемки. По реке все так же шли крупные от-

дельные льдины, периодически с шумом налетая друг на друга. С середины русла вид был весьма впечатляющим, и иногда мы, останавливаясь для осмотра местности, двигались дальше, вверх по течению. Управление аэролодкой достаточно сложное, и нередко можно попасть в экстремальную ситуацию, особенно если отвлечься. Петрович, желая показать мне все красоты реки, пытался разделить управление с обзором местности. Лодку немного занесло... Выходя из заноса, Сергей сделал резкий маневр, вследствие чего глиссер сильно накренился и... И вскоре аэробот снова стоял на правильном курсе, а я принимал прохладные весенние ванны среди плывущего к Чусовой льда.

Из-за резкого маневра устройство сидения не выдержало моего веса и я нырнул. Имея достаточный опыт

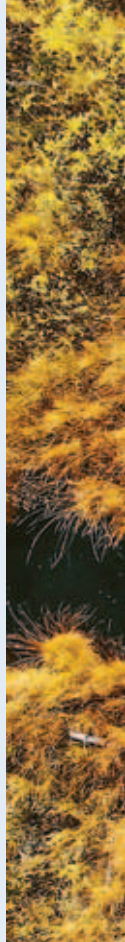
▲ Почти все русло Чусовой заполнилось льдом с реки Серебрянка

▲ Выход Серебрянки в Чусовую

в подобных ситуациях, я с легкостью избежал каких-либо проблем со здоровьем, а вот камера, находящаяся в поясной сумке, перенесла все намного тяжелее. Еще хуже пришлось объективам, которые вернулись к жизни только после сервисного обслуживания. Грязная весенняя вода оставила частицы песка на линзах, которые невозможно было убрать, не вскрывая оправу.

Домой мы возвращались утром четвертого дня. В город я вез с собой не только подмоченную фототехнику, но и несколько гигабайт отснятого материала, а еще полученный новый опыт, как в плане фотосъемки, так и в обращении с фототехникой в экстремальной ситуации. Теперь в подобных случаях буду использовать только герметичные кофры или гермомешки. Насколько хорошо мне удалось запечатлеть ледоход, судите сами, а у меня уже впереди подготовка к новой весне, к следующему апрелю. **УС**

Мне, как инструктору по туризму, этот вопрос задают регулярно. Чаще всего он исходит от людей, которых в детстве по какой-то причине миновала радость пойти в поход с классом, друзьями или семьей, развести свой первый костер, испечь картошки в углях, заночевать в палатке, почувствовать себя взрослым от возложенных походных обязанностей.

У многих такие воспоминания чуть ли не самые яркие за все детские годы, но у кого-то их вовсе нет. И сейчас, посмотревшись на фотографии друзей, выкладывающих себя счастливых где-нибудь в горах, с палатками и рюкзаками, с улыбкой до ушей, они невольно тоже задумываются: а что, может, в самом деле в этом туризме что-то есть? Может, и мне стоит попробовать? Попробовать однозначно стоит!

С чего начать?

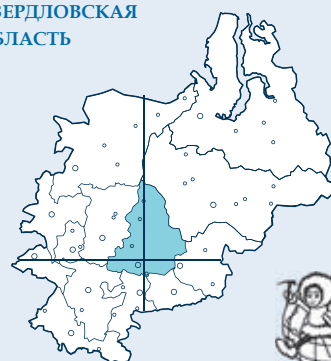
Для начала стоит разобраться в том, что вообще такое «поход». Трехнедельное автономное путешествие на плато Путорана с полным отрывом от цивилизации, восхождение на Казбек, сплав на байдарках, велотрип по Золотому кольцу, односторонняя прогулка к заброшенной

церкви в лесу неподалеку от города — каждое из этих мероприятий можно назвать одним емким словом «поход».

Таким образом, легко заметить, что походы бывают очень разные: по сложности, продолжительности и географии. Сложные походы требуют хорошей физической подготовки, опыта предшествующих более простых походов, специальных навыков и снаряжения, но в простой поход вы сможете пойти при желании уже завтра. Другими словами, как и в любом новом деле, начинать лучше с чего-то попроще, а именно — с походов выходного дня. Это такие маленькие походы, которые умещаются в обычные выходные, но при этом организованы они могут быть в точности, как и любой большой поход.

Найти

СВЕРДЛОВСКАЯ
ОБЛАСТЬ

Филипп Терец

Путешественник, альпинист. Инструктор турклуба City Escape. Большую часть года проводит в походах по России и за рубежом.

Уральский следопыт, май 2022

Фото Ольги Бобковой, Игоря Русинова, Елены Георгиевской, Александра Богдашкина и Александры Терец.

ЕДИНОМЫШЛЕННИКОВ

Как начать ходить в походы?

Всего за пару дней вы в полной мере почувствуете все прелести и трудности походной жизни, а также многому научитесь, но это не будет прыжком в омут с головой, как если сразу пойти в долгий поход. Более того, в подобном коротком формате можно познакомиться с самыми разными видами туризма: сходить в пеший поход, затем в вело-, еще через неделю попробовать сплав на байдарках, а следующие выходные посвятить отработке горной техники. Большинство опытных туристов регулярно ходят в походы выходного дня, так как двух больших походов в год однозначно не хватает.

«Я же никогда раньше не ходил в походы, даже костер разводить не умею — как я пойду?»

Такой вопрос закономерно одним из первых возникает у всех начинающих туристов. Если никогда никуда не ходить, то опыт так и не появится, но как приобрести этот опыт — тут ва-

рианты могут быть разные. Можно обложиться учебниками по туризму, самостоятельно изучать виды рюкзаков, палаток и костров, принципы построения маршрута, планирования раскладки и множество других походных аспектов, но намного интереснее и эффективнее будет найти единомышленников — какой-нибудь турклуб, где более опытные товарищи научат вас всем основам. Многие вещи лучше один раз увидеть, чем сто раз о них прочитать, а в случае с походами сухая теория вовсе не работает: можно сколько угодно смотреть видео о том, как развести костер типа «нодья», но пока вы собственными руками несколько раз это не сделаете, навыка разведения этого важного костра у вас не будет. Другими словами, первый раз идти в поход лучше с опытными людьми, найти которых сейчас совсем нетрудно. Турклубов много, почти у всех есть сайты, а походы проводятся буквально каждые выходные.

Еще один «плюс» — это наличие у турклуба всего необходимого сна-

ряжения. Например, чтобы попробовать сплав на байдарках, вам потребуется купить или арендовать байдарку, весла, спасжилеты, гермобаулы, и это помимо прочего общетуристического снаряжения: спальника, коврика, палатки, котелков и т.д. А еще нужно уметь всем этим пользоваться, знать, как управлять байдаркой, планировать маршрут, где встать лагерь и многое-многое другое. В походе с турклубом вам выдадут все необходимое снаряжение, покажут, как его использовать, и научат основам походной жизни. На большинство «новичковых» вопросов вы получите ответы уже в первом походе с турклубом. Таким образом, можно попробовать походы без больших вложений и под чутким руководством опытных инструкторов по туризму, которые «помешают» вам заблудиться и утопиться в болоте. И самое главное, в походе с турклубом автоматически решится вопрос «куда?», потому что у опытных походников всегда есть в репертуаре множество интересных маршрутов.

Безопасность в походе

Даже если вы идете в свой первый поход с кем-то опытным, то знать эти правила все равно будет не лишним.

1. Никогда не ходите в поход в одиночку. Мы не рассматриваем в данном контексте прогулки по парку. Если же вы идете именно в поход, который по определению подразумевает некий маршрут по более-менее дикой местности и существование в условиях автономии, то одному лучше в такое путешествие не отправляться, как бы романтично это ни казалось. На этот счет постоянно ведутся споры — кто-то поддерживает соло-походы, а кто-то их отрицает. Но если отбросить всю демагогию и посмотреть фактам в лицо, то в случае любой травмы средней тяжести (например, упали на склоне оврага и сломали ногу) в одиночку вы не сможете вылезти даже из подмосковного леса, не говоря уже о тайге или горах.

2. Расскажите кому-то о своих планах. Кому-то, кто остается в городе (родителям, другу, жене и т.д.). И не просто «я пошел в поход на выходные», а с точным указанием места («иду в поход по такому-то маршруту») и времени возвращения («вернусь в воскресенье вечером»). А затем не забудьте следовать этому плану, чтобы не получилось, что сказали об одном месте, а сами пошли в другое.

3. Позаботьтесь о связи. Мобильный телефон должен быть полностью заряжен. Если ходить в походы вам понравится и в будущем вы будете это делать на регулярной основе, то имеет смысл завести себе «походный» телефон — старый, кнопочный, небьющийся и с аккумулятором большой емкости. Современные смартфоны разряжаются очень быстро и еще быстрее замерзают (и отключаются). Телефон хорошо носить выключенным во вну-

треннем кармане, так аккумулятор будет в тепле и не будет зря расходоваться. Также стоит помнить, что даже вблизи больших городов в некоторых местах может не быть сотовой связи.

4. Изучите географию похода. Даже если вы начинающий походевик, пока не умеете читать топографическую карту и идете в свой первый поход с опытным наставником, то Яндекс или Гугл-картами вы наверняка когда-нибудь пользовались. И этого уже достаточно. Откройте на Яндекс-картах местность, куда вы отправляетесь в поход. Посмотрите на ваш маршрут и его ключевые точки. Особенно обращайтесь внимание на линейные ориентиры: реки, просеки ЛЭП, шоссе и железные дороги. С какой стороны Екатеринбург или любая другая крупный город? В какую сторону ближе всего сходить с маршрута (до ближайшего линейного ориентира)? Куда потом двигаться вдоль этого линейного ориентира? Задав себе несколько таких вопросов и найдя на карте ответы, вы обеспечите себе еще один уровень безопасности в будущем походе. Так дела-

ли всегда и делают до сих пор все опытные и здравомыслящие путешественники — перед тем, как отправиться в незнакомую местность, внимательно изучают карту этой местности. В идеале взять карту с собой (даже если это Яндекс-карта — просто распечатать).

Базовый набор снаряжения для похода выходного дня

Независимо от того, в какой поход вы собрались, это снаряжение вам пригодится.

♦ КЛМН — кружка, ложка, миска, нож

Не стоит брать из дома стеклянную тарелку и кружку! Лучше поищите на кухне пластиковый пищевой контейнер — отличная походная тарелка.

Кружку тоже лучше раздобыть пластиковую или металлическую, так как стеклянная наверняка разобьется. Ложка подойдет самая обычная «городская», а вот вилку брать не стоит — не самая полезная в походе вещь. В качестве походного ножа брать кухонный тесак также не нужно, лучше поискать в шкафу небольшой складной ножик. В крайнем случае в своем первом походе обойдетесь без собственного ножа — главное, чтобы он был у кого-то из группы. Если дома ничего нет, то в любом спортивном или туристическом магазине можно купить готовый набор походной посуды в пределах 300 рублей.

◆ Коврик-сидушка

С таким ковриком вы сможете комфортно отдыхать на привале в любом месте в любую погоду, будь то мокрые камни, стволы деревьев, просто голая земля или даже лед Байкала. Коврики бывают разной толщины и плотности — лучше брать максимально толстый и плотный. Продается в любом туристическом магазине.

◆ Рюкзак

Руки должны быть всегда свободны, а поэтому идти в поход с пакетом/сумкой/мешком — не вариант. Для самого первого однодневного похода, при условии, что вашего личного снаряжения, а также общественного снаряжения группы будет мало, может подойти и обычный городской рюкзак. Но во всех других случаях лучше завести себе настоящий походный рюкзак — и вы не пожалеете! В такой рюкза-

к за всё точно поместится, а нести снаряжение и провиант будет удобно!

◆ Налобный фонарик

Вещь, которая может вам и не пригодиться, особенно в однодневном походе в летний период. Но тем не менее лучше, чтобы она лежала в одном из карманов рюкзака. Китайский налобный фонарик можно купить в туристическом или хозяйственном магазине за 200–400 рублей, и совсем не обязательно он будет одноразовым, вполне возможно, что такой фонарь верно прослужит вам несколько лет. Если есть желание приобрести себе сразу заведомо надежный фонарь на долгие годы, то стоит присмотреться к продукции фирм Led Lenser, Petzl, Black Diamond и подобным.

◆ Термос или бутылка с водой

Если на улице летний зной, то, пожалуй, можно обойтись и без термоса, просто возьмите с собой обычную питьевую воду в пластиковой бутылке 1–1,5 литра. В походе пить воду прямо из реки можно только высоко в горах, а во всех остальных случаях ее необходимо кипятить, что требует времени. Поэтому лучше еще дома позаботиться о запасах воды на первое время, а затем пополнять запас на родниках, колодцах или вечером в лагере. Но в прохладную погоду значение термоса сложно переоценить! Кружка горячего ароматного чая на привале придает сил и энергии, даже если вокруг стеной льет дождь. Впрочем, горячий чай неплохо утоляет и жажду.

◆ Личная аптечка

и предметы личной гигиены

Даже если вы идете в поход организованной группой и с инструктором, у которого есть групповая аптечка, ремнабор, компас, карта, навигатор и ответы на все вопросы, все равно стоит иметь при себе небольшую личную аптечку с привычными вам лекарствами. Если же вы знаете, что у ваше-

го организма есть ряд особенностей, например, при долгой ходьбе у вас начинают болеть колени, а от изжоги помогает только Гастрал — возьмите с собой и привычные вам средства для устранения болей в коленном суставе, и Гастрал. Также стоит заранее предупредить об этом инструктора. Рядом с аптечкой положите репеллент — средство от комаров и клещей, а также предметы личной гигиены: влажные салфетки, туалетную бумагу, зубную щетку, небольшое полотенце, мыло.

Если идем в поход выходного дня с ночевкой

В таком случае вам понадобятся еще два элемента снаряжения (как правило, при походе с организованной группой палатки и костровое снаряжение предоставляет турклуб, поэтому здесь их не рассматриваем):

◆ Спальный мешок

Тема выбора спального мешка заслуживает рассмотрения в отдельной статье, а здесь мы выделим только несколько тезисов:

- неплохой вариант в свой первый поход спальник арендовать или попросить у друзей.
- не стоит покупать самый дешевый спальник-одеяло за пару тысяч — в дальнейшем вы им пользоваться не будете.
- не стоит покупать пуховый спальник (особенно в качестве первого спальника), для несложных походов намного удобнее и практичнее синтетический.
- не стоит покупать спальник формы «одеяло», лучше купить сразу формы «кокон».
- если вы нечасто ходите в походы, то лучше приобрести спальник сразу с запасом по температуре комфорта. Другими словами: сразу достаточно теплый спальник. С таким вы сможете ходить в походы и летом, и весной, и осенью, и не придется покупать по спаль-

нику на каждый сезон. Жарко в таком спальнике не будет — раскрывшись, если что, не проблема.

◆ Коврик

Для комфортной ночевки на природе одного спальника будет мало — понадобится еще изолирующий коврик, который подстилается под спальник на дно палатки. С ковриком можно комфортно и безопасно спать даже на снегу. По конструкции современные коврики бывают самые разные и стоят, соответственно, тоже сильно по-разному. Классическим, самым надежным и недорогим ковриком является знаменитая пенка — вы наверняка ее не раз видели. Купить пенку можно в любом туристическом магазине за 500–700 рублей. Выбирать лучше потоньше и поплотнее, с запасом по длине и ширине. Современные надувные коврики более комфортны в обращении — спать на них будет мягче, но они имеют два существенных минуса: цена и большая вероятность проткнуть (даже при наличии фирменного ремнабора вы рискуете остаться без подстилки). Поэтому любители надувных ковриков обычно носят с собой еще и тонкую пенку, чтобы подстилать под надувной коврик.

◆ Одежда

С вероятностью 99% у вас уже есть вся необходимая одежда для похода выходного дня в теплое время года. Вопрос скорее в другом — не жалко ли вам надеть вашу любимую ветров-

на регулярной основе, то имеет смысл завести себе легкие трекинговые ботинки. Кто-то трекинговым ботинкам предпочитает берцы — это на любителя. В любом случае, эксперименты по разношиванию различных видов обуви лучше проводить заранее, перед походом.

Помимо основных «ходовых» ботинок или кроссовок, с собой имеет смысл взять что-то на смену, например, кроксы или еще одни легкие кроссовки. За день основная обувь может промокнуть и вечером в лагере ее лучше сразу снять и поставить сушиться (для этого с собой можно прихватить пару листов сухой газеты), а самому переобуться в сухое.

Носки можно использовать самые обычные «городские», а можно купить и специальные трекинговые. Главное — взять с собой несколько пар на смену.

◆ На голову

В походе лучше всегда использовать головной убор, он защищает от перегрева, от попадания в волосы различного древесного мусора и клещей, а также в особо жаркие дни не дает поту попасть в глаза. В роли головного убора может быть практически что угодно: панамы, шляпы, кепка, бандана и т.д.

◆ Штаны и куртка

В жаркий летний день велик соблазн надеть короткие шорты, но в походе по пересеченной местности почти всегда удобнее использовать длин-

ные штаны, они защищают ноги от царапин, клещей и комаров. Это могут быть любые легкие и удобные штаны, не сковывающие движения.

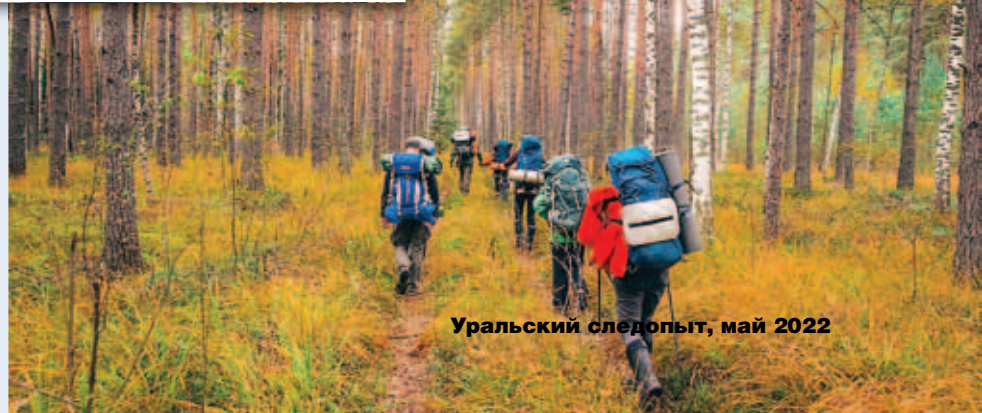
В теплое время года почти наверняка весь поход вы проходите в футболке, но на вечер и на всякий случай стоит взять с собой флисовую кофту и ветровку (ветро-влагозащитную куртку).

Также стоит обратить внимание на одну важную особенность современной походной одежды — почти вся она сделана из высокотехнологичных синтетических материалов. Во многих случаях, например, в горных походах, такая одежда себя полностью оправдывает — она легкая, очень удобная, дышит, отлично защищает от различных внешних факторов: дождя, снега, ветра, ультрафиолета, холода и т.д. Но в классическом лесном походе, где каждый день вы будете проводить по несколько часов около костра, на котором будет готовиться пища и сушиться одежда — «суперфункциональная и инновационная» современная одежда проигрывает обычному х/б костюму типа «Горка» или любому другому подобному. Такой костюм, в отличие от мембранной куртки, можно спокойно сушить у костра — искры его не прожгут и он не испортится, а от лазания по бурелому, переноски дров и прочей лесной работы он не порвется. То же самое относится и к современным трекинговым ботинкам — почти все они «боятся» сушки у открытого огня.

Другими словами, для классических «лесных» походов имеет смысл использовать старую одежду, которую не жалко, или отдельный комплект «лесной» одежды (например, костюм «Горка»). В дорогой гортексовой куртке и штанах, в которых вы ездил в Непал, не стоит идти в лес в поход выходного дня, если вам не хотелось бы испортить эту одежду.

◆ Дождевик

Стоит дешево, места в рюкзаке не занимает и практически ничего не весит, но когда-нибудь может сослужить хорошую службу! Поэтому пусть лежит в одном из карманов рюкзака. **✎**

ку в лес, таскать в ней дрова и riskовать прожечь искрами костра? Поэтому в поход лучше надевать старые вещи или завести себе отдельный комплект походной одежды.

◆ На ноги

Для похода в теплое время года подойдут практически любые легкие кроссовки. Если вы ходите в походы

НОВЫЙ БЫТ

Координаты
(Селиванов Камень):
56° 10' 57" N
61° 54' 20" E

Евгений Тамплон

Издатель, фотограф, исследователь Урала.
Член-корреспондент Российской академии
естественных наук.

▲ Скала Селиванов Камень на реке Синаре

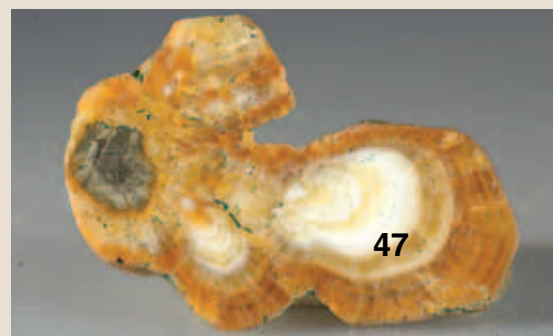
На карте Свердловской области в 26 километрах от Каменска-Уральского на берегу реки Синары стоит небольшой поселок с необычным названием **Новый Быт**.

Образовался он в 1930-е годы как поселение рабочих щебеночного карьера на Багарякском месторождении строительного камня. Местный известняк шел на строительство Уральского алюминиевого завода. Добыча камня велась до 1990-х годов. К этому времени были вскрыты две залежи. На месте одной из них (Южной) образовался большой и глубокий карьер, который при прекращении водоотлива быстро заполнился водой, другой карьер, на Северной залежи, не достиг уровня грунтовых вод и остался сухим. Месторождение было заброшено не только из-за изменения экономических условий, но и по вполне объективным причинам. Южная залежь была полностью отработана, а на Северной — пласт качественного известняка ушел на большую глубину, и проведение крупномасштабных вскрышных работ было экономически не целесообразно. Сейчас Южный карьер представляет собой живописный глубокий водоем с чистой водой. Его высокие борта, окрашенные в различные тона охры благо-

даря присутствию окисла железа, придают рукотворному озеру необычный вид. Даже в пасмурную погоду он выглядит ярко и привлекательно. Карьер представляет интерес не только для любителей отдыха у воды, но и для начинающих геологов. Здесь можно найти хорошие кристаллы и щетки медового кальцита, натечные арагонитовые образования, встречаются окаменелости и отпечатки обитателей древнего моря возрастом порядка 250 миллионов лет. Южный борт карьера находится вблизи левого берега реки Синары. Известняковая залежь, по сути, является продолжением береговых скал, идущих вдоль реки на протяжении нескольких километров. Совпадают и уровни воды в карьере и в реке. Здесь же, но уже на правом берегу Синары, находится самый известный на реке известняковый массив — Селиванов камень. От него до борта карьера по прямой не более 300 метров, но чтобы добраться до скал, нужно либо вброд пересечь неглубокое русло, либо ехать в объезд через автомобильный мост в селе

Окулово. Селиванов Камень представляет собой каменную гряду высотой до 10 метров. В скалах есть две неглубокие пещеры и каменная арка. Из-за этой арки скалу называют иногда Воротным Камнем. Выше Селиванова Камня, на правом берегу Синары, раскинулся обширный луг. В летнее время это излюбленное место туристов для проведения различных слетов и соревнований. Добраться до карьера очень просто. Выработка находится на западной окраине поселка Новый Быт, рядом с асфальтированной дорогой, идущей в сторону села Багаряк. **УС**

▼ Арагонит, срез натечного образования

УРАЛЬСКИЙ ISSN 0134 – 241X
следопыт
www uralstalker.com

Май 2022

Элита

50

Координаты чудес

РУСЛАН НУРУШЕВ

Сказки из подполья

50

76

Повод для улыбки

АЛЕКСАНДР РОМАНОВ

Пионеры

76

65

Повод для улыбки

АНТОН СЕДНИН

Лицо учителя

65

83

Повод для улыбки

АЛЕКС ВЕАГУР

Последний парикмахер

83

Сказки из подполья

Руслан Нурушев

Родился 03.12.1973 в с. Восток Енотаевского района Астраханской области. В 1991 г. после окончания школы поступил на юридический факультет Волгоградского государственного университета и переехал в Волгоград. В 1996 г., окончив вуза, отслужил в армии и вернулся в Волгоград, где и проживает до настоящего времени. Работает по специальности — юристом в юридической фирме.

(Продолжение.

Начало в № 4-2022)

...Звезды уже исчезли, растворившись в светлеющей высоте, и вскоре с востока осторожно выплянул край солнца. Наступал новый день.

Я расположился на травке, достал из котомки хлеба, флягу вина и принялся завтракать, изредка стряхивая набежавших муравьёв. Неожиданно за спиной раздался шорох. Я обернулся. Передо мной, нисколько не таясь, стояли двое. Один, видимо бродячий монах, полноватый, с ясными спокойными глазами, был облечён в рясу, сильно поношенную и запылённую. Второй, повыше ростом, — в свободных светлых одеждах, только на левом плече виднелась заплатка из ткани потемней и вместо пояска — бечёвка с обожжёнными концами. Опустив голову так, что длинные волосы совсем закрыли лицо, он, казалось, ничего вокруг не замечал. Пониже темени — словно кровь спеклась.

— Мир тебе, добрый человек, — приветливо улыбнулся монах. — Не позволишь разделить трапезу, а то и крошки не осталось?

— Присаживайтесь, — кивнул я. — Но у меня только хлеб, вино.

— Благословенная пища!

— Да, вам, святой отец, к этому, наверно, не привыкать. — Я слегка усмехнулся, разглядывая его круглую физиономию, полные щеки и шею.

Но он лишь кротко улыбнулся и присел рядом. Я бросил взгляд на его спутника, а тот и не шелохнулся. Монах вопрос понял.

— Да у дороги подобрал. Смотрю, стоит, молчит, не отзывается, опутанный весь с головы. Что с ним делать, и не знаю. — Он вздохнул. — Не бросать же — пропадёт, даже есть сам толком не может, с рук кормлю. Божий человек, одним словом.

Монах с жалостью взглянул на него и, бережно потянув, принялся усаживать. Затем, пробормотав под нос коротенькую молитву, в несколько фраз, он осторожно разломил хлеб и протянул больший кусок спутнику.

— Возьми, — ласково произнёс монах, — ешь.

Тот медленным, заторможенным движением, рассыпая волосы по плечам, поднял голову и вновь замер. Я вздрогнул, поражённый застывшим, ничего не выражающим взглядом больших тёмных глаз, поддёрнутых пеленой безумия.

— Возьми, ешь, — повторил монах, настойчиво протягивая ломоть. — Бери!

И уже ко мне:

— Ежели повторить не раз, иногда понимает и сам есть может.

Но человек и в этот раз не понимал. Тупо уставившись в точку, он неподвижно сидел на траве, а я неотрывно, со смешанным чувством смотрел на несчастного — в глаза с бессмысленным взглядом, на плотно сомкнутые губы, вялые, бессильно опущенные руки и босые ноги. И потёр лоб. Боже, как это страшно — потерять разум, утратить душу, своё «я». Это даже страшней, чем просто умереть...

— Возьми, это хлеб... — монах не терял надежды, — а это вино. Хлеб и вино...

И тут случилось непонятное: я увидел, как при последних словах по замершему телу безумца пробежала почти незаметная дрожь. И на миг показалось, что глаза прояснились, а по губам что-то скользнуло — гримаса, улыбка ли, то ли просто усмешка. Но это было только мгновение — или показалось? К где он так и не приоткрылся.

...Поев и отложив кусок спутника, монах умиротворённо вздохнул и с благодарностью улыбнулся.

— Куда путь держишь? Далеко ли?

Я пожал плечами. Кабы сам знал...

— Бродяжничаешь?

Я усмехнулся и покосился на рясу.

— Вы, святой отец, тоже, вижу, побродили немало.

— Да, так, давно я оставил монастырь, — тихо произнёс он, и я увидел, как напряжённо застыли его глаза.

— Почему?

— Почему? — Он поднял голову и пристально посмотрел, а затем склонился ко мне и быстро прошептал. — Потому, что его раньше покинул Тот, Кто есть Путь, Истина и Жизнь.

Я вздрогнул.

— Кто?!

— Да, да, Он! — Глаза монаха, прежде ясные и спокойные, лихорадочно заблестели, а голос внезапно охрип, и я услышал очень странную историю:

— Это зимой прошлой случилось, в самом конце. Я рано чего-то проснулся в то утро, даже не светало. Будто разбудил кто. Лежу в келье и не пойму, а на душе — беспокойно как-то, гложет что-то, не отпускает, и предчувствие нехорошее. Ворочался-ворочался, а потом слышу вдруг, кто-то по коридору босиком шлёпает, тихо-тихо так, не слышать почти. Сперва подумал, кто-то из братии спозаранку шагает, но потом, — голос монаха зазвенел от волнения, и он мелко-мелко задрожал полноватым телом, — вдруг понял, Кто это! Это был Он, да, да, Он! Его шаги были, я ведь всегда знал Его поступь. Он покидал нас! Выскочил я в коридор, а там уж никого. И я всех будить, — ведь Он уходил! Помню, что в колокола звонил и братию всю переполошил, только не поверили они, а затем и вовсе скрутили. Но они плохо знали меня! — Монах с нездоровым блеском в глазах рассмеялся. — Я вырвался! Слепцы! Они не видели, что Он ушёл, но я-то чуял, Он не успел уйти далеко. Выскочил я из монастыря сломя голову да на босу ногу, башмаки посеял, пока от братии улепётывал. А потом наткнулся на следы босые, у леса, на опушке, — Его следы! И я —

за Ним! Из сил выбился, но бежал, — боялся, что отстану. А потом глядь: следы Его — уже розовые от крови! И там я их потерял, оборвались прямо на снегу, будто по воздуху пошёл. Я испугался: а вдруг насовсем ушёл? Но не хотел верить, этого не должно быть, ведь Он обещал не оставлять нас! — Монах с тихим отчаянием покачал головой. — Я много земель исходил, в монастырях других искал, в святых местах, но Его нигде не было. Везде только церкви, Им покинутые, и службы неведомо кому. А как-то не выдержал и, не помню в каком городе, прямо посреди мессы возопил: кому молитесь?! Стенам холодным? Алтарям каменным? Неужто не видите, что нет Его здесь?! Ушёл Он от нас, и найти Его надо, чтоб не ушёл навсегда! Мы же Его зверьком ручным сделать хотели, собачкой комнатной, под купола каменные загнать желали, в кельи глухие, но, по счастью, то нам не по силам. И никогда не будет по силам, ибо Он дышит там, где Ему дышится, и ходит там, где хочется... — Монах на мгновение замолк, а затем горько рассмеялся: — Но меня не слушали, а выгнали из собора, из города, одержимым назвали. Слепцы! Имеющие глаза да не видят, имеющие уши да не слышат!

Я с затаённым ужасом смотрел на него, — он смеялся, но взгляд был по-прежнему неподвижен и будто застыл в точке, — меня он не видел. Он смеялся сам с собой и, слегка сутулившись и раскачиваясь взад-вперёд как маятник, бормотал под нос про шаги, кровь.

Я смотрел на ушедшего в себя монаха, а затем перевёл взгляд на спутника и успел заметить, как скользнула по его плотно сжатым, словно окаменевшим губам та непонятная улыбка-усмешка, то ли горькая, то ли, напротив, странным образом счастливая...

* * *

...Я сидел у Насти дома, — она жила одна. Мы общались уже неделю — просто общались, никто

не пытался прояснить отношений, но взаимопонимание наладилось быстро. И уже после первой встречи казалось, что знакомы чуть ли не с детства. Не знаю, чем объяснить, но понимали мы друг друга порой с полуслова. Я помнил ту радость, пришедшую с ней, те мгновения счастья, и верил, что наша встреча не случайна.

Я не знаю, что тянуло к ней, — ведь Настю нельзя было назвать красавицей, и не подойди в тот день сама, я бы вряд ли обратил на неё внимание. На первый взгляд она была самой обычной девушкой — невысокая, русоволосая, сероглазая, — и вместе с тем многое в ней поражало. Она хорошо улыбалась — открыто и доверчиво, но улыбалась так очень редко — мне повезло в день знакомства. Её взгляд почти всегда был тих и серьёзен, и лишь в редкие минуты, когда улыбка касалась губ, глаза смягчались и светлели. Казалось, что её постоянно что-то держит внутри, тайно гнетёт. Я не раз замечал, как она, собравшись улыбнуться, в последний миг испуганно съёживалась, и вместо открытой, ясной улыбки выходило лишь жалкое подобие, но в чем причина, я пока не знал. Временами на неё нападало странное, непонятное оцепенение. Взгляд в такие минуты застывал, уходил в себя, и она лишь скользила им вокруг, но ничего, как понимал, не замечала и не видела. Когда же приходила в себя, несколько секунд непонимающе оглядывала комнату, словно вспоминая, где она. Это случалось не часто, но всё же случалось.

Меня поражали ещё две вещи: рядом с ней проходили все боли, даже самые сильные, и не просто проходили — исчезали слабость, тошнота, самочувствие улучшалось, — я ощущал себя почти здоровым! И у неё всегда были тёплые, временами горячие ладони — и на улице, в мороз (как-то гуляли и в такую погоду), она никогда не носила перчаток, но руки всё равно оставались тёплыми.

Настя была странная девушка. Один раз, когда я, придя раньше времени, застал её в халате с коротким рукавом, она вдруг испуганно смугилась и, пролепетав, что ей надо переодеться, выскочила в другую комнату. Она и впрямь тогда натянула свитер, но я успел заметить кое-что: на сгибе левой руки у неё красовалось несколько глубоких шрамов. Я знал, что это такое, — такие я видел у одного знакомого после того, как он, не знаю, правда, из-за чего, но сильно напившись, вскрыл вены...

...Я сидел в кресле с пачкой фотографий. Последней был детский снимок Насти: с него смотрела девочка лет двенадцати, с чёткой набок, и чему-то улыбалась — чуть удивлённо, с ямочками на щеках. Отложив фото, я глянул на Настю, аккуратно протиравшую полку, и тоже улыбнулся — она мало изменилась.

Откинув голову, я прикрыл веки. Мне было хорошо и спокойно с Настей, рядом с ней уходили боли, и на время я забывал о болезни (Насте я ничего не говорил). Она успокаивала тревоги и страхи. Я мог вспомнить первую встречу здесь, когда, движимый жаждой откровенности, я рассказал предысторию случая на похоронах. И почувствовал, как заволаживающе действуют на меня её слова, голос, интонации, — мысли о вине отступили. Магия слова, не иначе. Ведь что говорила Настя, — что не я спаивал Петьку и прочее, — я и сам десятки раз говорил себе, хоть и безрезультатно, но стоило это повторить другому и вслух — всё менялось.

Я не заметил, как, уже открыв глаза, рассеянно смотрю в окно, наполовину задёрнутое шторой. А там на раскрошившийся огнями город лениво опускалась ночь. Настя жила на шестнадцатом, да и «свечка» — на холме, поэтому вся окрестность — как на ладони.

Я смотрел долго, застыв в прострации, — с Настей легко: можно просто молчать, ничего не говоря, — и очнулся, когда щёлкнул выключатель. Ночь хлынула и в комнату. Порой от Насти можно ожидать чего угодно.

— Задумался?

— Да нет, — смущённо пробормотал я, — просто смотрел, как темнеет.

— Я так и подумала. Ну и выключила, — объяснила она, правда, с некоторой торопливостью, будто оправдываясь.

Я почувствовал, как покраснела она в темноте, хотя лица разглядеть не мог — глаза ещё не привыкли.

— Без света лучше. — Её голос странно звучал в тёмной, как бы съёжившейся комнате. — Я люблю иногда так посидеть.

Она шагнула к проёму, словно расступившемуся перед ней, и отдёрнула шторы.

— Спасибо. — Я тоже не совсем узнал свой голос, ставший вдруг более низким и глухим.

Настя, собираясь отойти, посмотрела в окно и неожиданно замерла. Картина зимней ночи завораживала: над затихшим заснеженным городом, в ледяной выси застывшим шаром летела луна, такая же белая, холодная, сверкающая, как равнина под ней, а над ней, по извечным орбитам кружились звезды, огромные, горячие, но бесконечно далёкие.

Она замерла, а луна обрисовала под платьем, словно растворившимся в призрачно-пепельном свете, её фигурку. Сердце забилось чаще. Я поднялся и встал рядом. Уткнувшись в стекло, Настя молчала. В комнату вползла тьма, окутывая оцепенением.

— Помнишь, Саш, — тихо сказала Настя, — ты говорил, что ночь нравится больше?

— Да. И ещё вечер... — Я водил пальцем по стеклу. — Наверно, с детства: ночью хорошо мечталось.

— И о чём? — повернулась она ко мне.

— О подвигах, конечно. О чём ещё могут мечтать мальчишки? — Я невольно улыбнулся, вспомнив времена, когда мог грезить сутками.

— Всех спасал?

— Ага. Землю — от пришельцев, Русь — от татар, бледнолицых — от индейцев, потом наоборот. — И я рассмеялся. — В общем, рыцарь без страха и упрёка, Дон Кихот доморощенный.

Она немного грустно улыбнулись.

— А принцесс?

— Да это моё самое любимое дело было! Спасал пачками, за меньшее и не брался. Хотя... — я запнулся и пожал плечами, — это было давно. И прошло.

— Вот именно, что прошло. — Губы её чуть скривились. — И что сейчас, тоже пройдёт...

Настя помолчала, а затем почему-то заговорила шёпотом:

— Знаешь, я как-то читала книгу одну, и там был эпизод такой: героиня просыпается ночью, а вокруг — тишина, тишина полная. И вот, представь, в этой тишине вдруг затикали часы сломанные, на стене висели не один год, затикали сами, просто так, без причины, хотя их никто и не чинил. Наверно, это была фантастика, я не помню, но помню, что она, ну, героиня та, вдруг поняла, что жизнь уходит, и уходит неудержимо. Понимаешь? Понимаешь, как это страшно проснуться ночью, в тишине, а потом в этой тишине начинают идти часы, которые были сломаны. И ты вдруг понимаешь, что жизнь-то уходит и ничем её остановить нельзя. — Настя замолкла, а потом слабо усмехнулась. — Я после этого старый будильник выбросила и купила электронный. Потому что боялась, что проснусь ночью и услышу, как часы тикают. И всё пойму. А мне не хочется, не хочу я, неправильно это... — Она хрустнула пальцами. — Хотя не помогло. Я не знаю, что это было, может самовнушение или ещё что, но недавно я проснулась ночью и, представляешь, — в голосе Насти появились нескрываемые нотки страха, — услышала, как тихо-тихо, без остановки идут какие-то часы. Но у меня тогда уже не было вообще никаких механических! Может, это у соседей

тикало, но мне тогда так страшно стало, так страшно! Я вскочила, свет повключала везде, квартиру обыскала, но ничего не нашла, а они всё тикали и тикали! Я чуть с ума не сошла, радио врубил и всю ночь при свете просидела, но под утро всё-таки заснула. Больше со мной такого, правда, не было, но одного раза хватило... — Она опустила голову. — Я боюсь этих часов, боюсь, хоть теперь их и не слышу, но я-то знаю, что они идут. Идут себе потихоньку, и всё проходит, а это так страшно, особенно для девушки, так не хочется стареть, до слез. Знаешь, — она вновь усмехнулась, — я ведь стала в последнее время и по ночам в подушку плакать, будто в шестнадцать, но тогда это ведь другое было. Тогда плакала, но и надежда была, что всё ещё впереди. Я даже любила так плакать: так сладко, когда веришь, что всё скоро изменится. Но часы всё тикают, а ничего не меняется, и теперь вот смотришь и не знаешь, есть ли там ещё что впереди или темь одна и ждать уже нечего. Скажешь, молодая ещё, чего беспокоишься, так ничего ведь может и не изменится. Так и будем всё бегать, а зачем, и сами не знаем. Мы бегаем, а они всё идут, и всё равно обгонят, как бы ни бегали.

— Я не знаю, Насть, может, просто не стоит их бояться? От них не убежишь, и натикают, сколько положено, как ни вертись.

— Я знаю. — Она чуть вздохнула и вновь уткнулась в стекло, блуждая невидящим взглядом в ночи. — Глупо это всё...

— Поэтому плюнь и забудь.

— Хорошо бы ещё и они про нас забыли, шли бы себе потихоньку и никого не трогали. — Настя, повернув ко мне голову, попыталась улыбнуться, но лишь вяло махнула рукой. — А, впрочем, хватит. Кому мы все нужны?

По губам её скользнула улыбка — немного вымученная, с горечью. И всё произошло само собой.

— Насчёт тебя могу сказать, кому... — И я коснулся её руки...

...Я лежал и смотрел в окно, а рядом прижалась Настя, с поблёскивающим, просветлевшим взглядом и блуждающей улыбкой на губах. Посветлело и в комнате. Силуэт рамы распластался на полу бледным крестом. И лунный свет падал сквозь стекло, отражаясь от подоконника и стола, наполняя воздух пепельным сиянием, заставляя ощущать вещи призрачными и нереальными. И, казалось, дотронься до них, они просто исчезнут, колыхнутся и пропадут, растворившись в прозрачном эфире.

А за окном совсем стемнело. Голубой экран неба погас, и проступил за ним дальний космос — безбрежный, бездонный, безмолвный. И Галактика, застывшая Млечным Путём, туманной радугой висела над засыпающей землёй — искрясь, сверкая, переливаясь. Засыпал и город, на город опустилась ночь. Может, из-за шестнадцатого этажа, а может, только казалось, но вокруг было удивительно тихо. Тишина была непривычной — ни машин, ни грохота товарняков у переезда, ни гомона кафе на первом этаже, — мир затих. Казалось, эта ночь, бескрайняя зимняя ночь, заворожила, заколдовала всё белоснежным волшебным молчанием, и всё молчало в тишине и покое, лишь по крышам и пустынным улицам одинокой сомнамбулой бродило полнолуние. Город был буквально залит им, его призрачным светом, и тоже казался призрачным и нереальным, словно явившись из сна, из сказки, — заколдованный город, Город Тишины. Он широко раскинулся на тёмных просторах, город воздушных башен и серебристых стен, выписанных лунными сполохами, а мы — в центре города-призрака, в высоком заоблачном замке, зачарованном замке безмолвия.

Стояла ночь — долгая, навевавшая непонятную, почти неосязаемую грусть. Грусть беспредметную, но удивительно светлую, прозрачную, с которой не хочется

расставаться, с которой хочется жить — в тишине и вечно. Мне было хорошо и спокойно — от этой грусти, прошедшей так незаметно и деликатно, никого не потревожив; от той особой ночной тишины, что затопила комнату. От близости Насти, прижавшейся к плечу, её тепла, горячих ладоней и ровного дыхания. И от спокойствия души, словно забывшей наконец о страхах и тревогах, сомнениях и боли.

Я отрешённо глядел в окно, и хотелось только, чтобы это всё не кончалось: зимняя ночь, печаль, тишина и тёплое дыхание у плеча. На миг я словно потерял ощущение времени, реальности, и показалось, что я где-то далеко-далеко — бреду по улице в каком-то селении, а рядом, странное дело, какой-то монах и кто-то в светлом, кого так и не разглядел. Но это пронеслось так быстро, что не успел и удивиться, а откуда, собственно, взялось? Эта странная картина, то ли фантазия, то ли скоротечный сон, внезапно возникнув, так же внезапно исчезла.

...Рядом зашевелилась Настя. Она подняла голову и улыбнулась.

— Не спишь?

Я смахнул с её лба упавшую прядь и улыбнулся в ответ.

— Не хочется.

— Мне тоже. — И снова прижалась.

Я слышал стук её сердца, чувствовал горячую сухую кожу. Она усмехнулась:

— Знаешь, всё так непривычно...

— А что «всё»?

— Ну-у, что не одна, — она запнулась и покраснела, — и вообще...

Настя чуть помолчала, а затем вдруг тихо рассмеялась, уткнувшись в плечо.

— Ты чего?

Она подняла смеющееся лицо и помотала головой.

— Ничего, — волосы разметались, серые глаза мягко блеснули, — это я так, сама не знаю.

Я с удивлением смотрел на Настю, — я никогда не видел её смеющейся, но смеялась она также хорошо. И вообще, она словно преобразилась: во взгляде — искорки, на губах — смешинки.

— Как же мне повезло в тот день, сам поражаюсь. Может, и впрямь судьба есть?

— Может и есть, хотя... — Настя хитро глянула на меня. — Знаешь, почему тогда подошла?

Я приподнялся.

— Почему?

— Потому что загадала на первого, кого встречу. В тот день с утра казалось, что будет сегодня что-то. А когда на работу пошла, я отпрашивалась до обеда, решила загадать: кого первым встречу, к тому подойду обязательно и познакомлюсь. Мне иногда приходят такие фантазии. Иной раз идёшь, в голову придёт что-нибудь этакое, смешное, глупое, замечтаешься и забудешь, куда идёшь. Но в тот день я твёрдо решила не отступаться, хоть и боялась ужасно, но всё равно думала, что подойду и заговорю первой. Я иногда упрямая становлюсь, аж самой страшно. Да и слово себе дала, когда загадывала, что не побоюсь, а у меня бабушка всегда говорил: не выполнять обещанного другим очень плохо, но ещё ладно, но не держать слова самому себе — это уже чересчур!

— И меня первым встретила?

— Ага, первым, — Настя почему-то смутилась. — Почти...

— То есть как «почти»? Почти первым?

— Ну да, почти первым. — Она покраснела. — Ну, там были ещё до тебя два старика каких-то, но я что, с ними знакомиться, что ли, буду?

Я приснул со смеха.

— Слово она дала! Загадывала!

Я хохотал, а попытавшаяся вначале оправдаться Настя рассмеялась сама и махнула рукой.

— Ну тебя!

...Белел в полумраке подоконник. Блики играли на подвесках люстры, на витраже шкафа. За окном во всём безмолвном великолепии разгорался лунный день: сверкающий диск поднимался всё выше, заливая округу серебристым светом, — тени были чёткими и резкими, — заливая город застывшей тишиной. И город тонул в этом холодном сиянии и безмолвии, но я видел только Настю. Тишина отрезала от мира, что раскинулся за стенами. Мы одни — я и Настя, Настя и я. Мы молча смотрели друг на друга и тихо улыбались — ночь оплела умиротворением, и нарушать его не хотелось. Много хотелось сказать, но мы молчали, зная, что тишина сама скажет за нас, и лучше, чем смогли бы мы.

Я смотрел на неё, на её тонкие руки с такими же тонкими, почти прозрачными пальцами, ощущал лёгкое дыхание и сухой запах волос. И так удивительно было ощущение, что не один ты в этой пустой и холодной вселенной, что кому-то нужен и связан таинственным, непонятным образом с другим, заслонившим весь мир, что не верилось и казалось непостижимой тайной. Разве кому ещё понять, что связывает нас? Да, таких тайн много, но какое мне дело до них? Всё равно у каждого и каждых двоих она своя. Это тайна, которой не должны касаться ничьи руки, даже чистые, — и на чистых руках бывают пятна.

Я молчал и улыбался, забыв обо всем, — о заснеженном городе, что спал за окном, о мире, где только боль и страх, и о смерти, что неизбежна. И не подозревал, что скоро это всё ворвётся злым, колючим ветром в наш маленький мир, мир для двоих, согретый лишь дыханием и теплом тел, ворвётся, чтобы напомнить и уже не уйти. Это произошло случайно: я гладил её руку

и неожиданно замер — я почувствовал рубцы на коже. Я наклонился к ней.

— Откуда это, Насть? — тихо спросил я, всматриваясь в неровные шрамы на сгибе левой. — Давно хотел спросить. Я же знаю, что это...

Она вздрогнула. Даже при свете луны было видно, как побледнело лицо.

— Что ты знаешь?

— Ну-у, отчего такое бывает. Видел уж как-то.

— Ну говори, говори, что знаешь!

Она задрожала словно в лихорадке, и голос её внезапно охрип.

— Это был... — я чуть запнулся, — нож... или бритва?

Настя вскочила — бледная, дрожащая, с застывшей болью в глазах.

— Зачем? Зачем ты об этом спрашиваешь? — со слезами выкрикнула она. — Ведь теперь Она придёт! Обязательно придёт!

— Кто? — не понял я. — Кто придёт?

Но Настя уже не слушала. Подбежав к окну и уткнувшись в стекло, босая, растрёпанная, в ночной рубашке, она тихо плакала, и худенькие плечи подрагивали от беззвучных всхлипов. Я подскочил к ней.

— Настя, милая, что случилось? — потряс я за плечо. — О ком ты?

Но она только коротко всхлипывала и с тем же отчаянием твердила:

— Она придёт! Она теперь обязательно придёт!

— Настя, что происходит?! Кто придёт?! Объясни мне, бога ради! О ком ты?

Она резко обернулась, — лицо её посерело, губы дрожали, а в глазах застыл страх. Самый настоящий страх, скрываемый и подавляемый прежде, тот, что угнетал, но так неожиданно всплыл.

— О Ней, о Женщине в маске!

Я вздрогнул, и в голове всё на миг закружилось.

— К-к-как ты сказала? — Я стал даже заикаться. — Женщина в маске? Повтори, повтори!

Перед глазами пронеслась картина ночного наваждения (наваждения ли?) — полуночная процессия, пустой гроб, люди в сером.

— Да, да! В маске! — Настя упала мне на грудь и вновь разрыдалась. — Зачем ты спросил? Ведь теперь Она придёт! Придёт обязательно!

— Настя, милая, ну успокойся! — Я лихорадочно покрывал поцелуями её лицо, шею, чувствуя, как передаётся мне её страх и волнение. — Ну будет, будет! Ты же выдумала Её, да? Это же только твоё воображение, фантазия! Ну успокойся, милая, радость ты моя сероглазая.

Обняв, испуганную, подрагивающую, я гладил её растрёпанные волосы и что-то успокаивающе шептал. Я успокаивал, но знал, что, может быть, это и не фантазия.

— Это не фантазия, — последний раз всхлипнув, глухо произнесла Настя и, вытерев слезы, отстранилась. — Папа говорил, что Она приходит ко всем, просто не все Её видят.

— Насть! — торопливо прервал я. — Этой Женщины не существует, пойми это! Это только твоё воображение!

Я говорил, но сам не верил в свои слова — ведь я видел эту Женщину! Не верила и Настя, — она упрямо мотала головой.

— Нет, Она существует, я знаю это, — и опустила глаза. — Ведь я Её видела.

— Где? Во сне? — Я принуждённое рассмеялся. — Не говори ерунды!

— Нет, это не ерунда, — тихо и упрямо твердила она, не поднимая глаз. — Я видела Её, не раз, и папа видел в тот день.

— В какой?

— В тот самый, весной этой, когда из окна упал. Он не сразу умер, ещё живой был и только про Неё и бормотал.

Я знал, что у неё уже нет родителей, но про обстоятельства смерти никогда не слышал.

— Настя, послушай, не сходи с ума! — Я схватил её за плечи. — Это всё глупости! Откуда ты знаешь, о ком он говорит? Не бери ничего в голову!

— Я и не беру, — она тихо покачала головой, но взгляд уже застыл, — я просто знаю. Она приходила ко мне ещё в детстве. Можешь не верить и смеяться надо мной, но у нас все в семье по отцовской линии знали про Неё и Её видели, а я в папу пошла. Дедушка, папин отец, странно умер, от разрыва сердца, хотя никогда на сердце не жаловался. И я помню, я тогда ещё маленькая была, папа заглянул ему в глаза, когда тому глаза закрывали, и побледнел страшно. Он с того дня изменился сильно, замкнулся, в себя весь ушёл, всё по дому расхаживал и шептал неизвестно кому: «Теперь за мной, за мной...» По ночам не спал, всё ждал кого-то, на улице иногда шараялся непонятно от кого, когда ещё выходил, а потом и вовсе только дома сидел, в комнате запирался, никого не пускал к себе. Бабушка моя, папина мама, плакала постоянно и твердила, что у нас в роду кто-то проклятый был. Но я знала, кого ждал и боялся отец. Это была Она, Женщина в маске. Я про Неё давно, ещё в детстве слышала, мне про Неё брат двоюродный рассказывал, только он думал, что это сказка-страшилка такая. Я вначале только её приближение чувствовать умела, но никому не говорила, потому что не поверили бы. А я всегда знала, что, если ладони холодеют и мёрзнут, а в пальцах покалывает начинается, значит, Она где-то рядом. У меня тогда в голове так тихо-тихо становится, так пусто, будто в церкви ночью, и соображаю плохо, и забываю всё, ничего не помню часто. Вначале я только чувствовать Её умела, а потом и увидела. — Настя,

уткнувшись в стекло, невидяще глядела в ночь; голос стал ровным, отстранённым, словно чужим, не её. — Мне тогда двенадцать было, и Рождество наступало, а мне кто-то рассказал, что если в рождественскую ночь долго смотреть в зеркало, можно будущее своё увидеть. И вот когда все улеглись уже, праздник мы не отмечали, тогда с папой уже началось всё, не до праздников было, я тихо в зал наш прокралась. А там у нас зеркало большое было, и рама у него старая-старая, с резьбой, с узорами всякими, и села перед ним, всё дожидаться хотела, будущее своё посмотреть. Я долго так сидела, темно было, и спать хотелось. Вначале в зеркале только я была, а потом всё так тихо стало и ладони заолодели, и пальцы колотят, а потом глянь в зеркало, а там уже не я, а Она. Темно было, но я разглядела, что Она вся в сером и в маске, или это у Неё лицо такое было, я не знаю. Но только взгляд у Неё бездвижный, будто у слепца, сама улыбается, а взгляд не меняется, и губы у Неё красные-красные, неестественные какие-то. Она тогда улыбнулась так вкрадчиво и поманила молча, а я уже плохо соображала, всё как в тумане, и, не знаю, но я встала и пошла за Ней. Я раньше думала, что Зазеркалье только в сказках бывает, а оно, оказывается, и по-настоящему бывает. Я за Ней пошла, и оказалась в зале каком-то, большом, тёмном, и потолки там, помню, высокие-высокие, это потому что гудело постоянно, долго-долго и гулко, и стены все в зеркалах. Зеркал там было море, тысячи, тысячи зеркал, и даже полы — зеркальные, и все блестящие такие, будто из хрусталя. И везде, во всех зеркалах этих я была. И ещё, забыла сказать, там часы были. Я почему-то знала, они сломаны и не должны ходить, но они тикали себе потихоньку. Они тикали, а отражение менялось: я росла, взрослой стала и себя, какая сейчас, видела тогда. А потом стареть начала, и так быстро, что в конце оттуда на меня старуха смотрела, слепая, сумасшедшая, и волосы у неё были седые

и растрёпанные. Я тогда заплакала, я не хотела такой быть и хотела, чтоб часы эти остановились. А Женщина та тихо рассмеялась и сказала: сиди тут, ты остаёшься здесь навсегда, смотри и любуйся собой, пока такой же не станешь. И пропала, а я одна осталась, с часами и зеркалами. Я испугалась страшно, плакала всё, позвать кого-нибудь хотела, а потом побежала куда глаза глядят, так страшно одной стало. Только там никого не было, замок это словно какой-то был, большой замок, и пусто везде, везде темно и зеркала одни. И ещё эхо страшно гудит, гулко так, будто хохочет кто-то над пропастью. Я плакала, звала, выход или дверь какую-нибудь искала, но входов-выходов там не было и никого вообще не было. Только за мной везде, в отражениях, старуха эта противная появлялась. Старая, слепая, страшная, и всё хохотала надо мной, кричала, что она это я, а я — она. Но ведь это не я была, я не верила, это всё Женщина в маске, я знаю, просто Она в отражениях маску снимала. Старуха в зеркалах смеялась, а я кинулась и начала зеркала бить. Я била их, все руки изрезала, а вместо разбитых новые появлялись, всё новые и новые, все блестящие, хрустальные, а старуха та только хохотала пуще прежнего. Это же стена, кричит, а не зеркала, кричит и хохочет, и я помню там, на пол упала, без сил уже. А потом вдруг стихло всё и голос чей-то тихий два слова каких-то произнёс, только не разобрала я их. И помню, уже кто-то меня за руку ведёт, высокий, в светлом, волосы у него длинные были, и вывел меня назад, а потом улыбнулся молча, грустно так и ласково, и ушёл. Только лица его я так и не запомнила. Но потом всю ночь заснуть не могла, лежу в постели, а сама дрожу, думаю, а вдруг Она снова придёт? Утром, когда проснулась, подумала первым делом, что приснилось мне всё это, но когда на руки свои посмотрела, аж вздрогнула: все в порезах. Никому я, конечно, ничего не рассказала, а когда к зеркалу тому подошла, голос чей-то тихий

услышала, одно только слово сказал — «жди». Порезы у меня почему-то быстро зажили — к вечеру уже не было. Только тогда я не поняла, кто это у зеркала сказал: Женщина та или тот, что вывел меня, но весной этой узнала — это, конечно, Она была. Вначале Она к отцу пришла, а он тогда совсем плохой был уже: никого не узнавал, сутками мог не есть, не пить; запрётся у себя, в стенку уставится и сидит так днями и ночами. Только в тот день он что-то предчувствовать стал, что ли, и не сидел как обычно, а всё по комнате бегал, а глаза испуганные-испуганные. Я его тогда покормила, а потом снотворного дала, чтоб заснул, и вроде бы лёг, а потом только крик услышала, вначале только крик, а затем и звон стекла. Я в комнату вбежала, окно разбито, а он — внизу. Мы тогда в другом доме жили, но тоже высоко — пятый. После своего случая я оттуда съехала, обменяла. А тогда, когда папу похоронили, недели через две, Она и ко мне заявила. Я вечером у зеркала тогда стояла, расчёсывалась, и вдруг чувствую, как ладони холодеют, в пальцах колоть начинает и тихо вокруг стало. Я в зеркало глядь, а там уже Она, но в тот вечер Она ничего мне не сделала, просто посмотрела на меня, улыбнулась так вкрадчиво и исчезла. Я опять всю ночь не спала, всё Её ждала, но Она так и не появилась, и я немного успокоилась. А на следующее утро в ванную зашла, а там у нас, на отдельной полке, ещё дедушкины вещи лежали. Он когда умер, и папа, он тогда ещё ничего был, и бабушка запретили мне строго-настрого даже прикасаться к ним, но почему, не говорили. Они там много лет и пролежали, пылились все. И бритва там опасная была, дедушка станков с лезвиями не признавал. Зашла я в то утро туда, взглянула в зеркало, и будто мелькнуло там что-то, но подумала, что показалось, а потом на полку ту зачем-то посмотрела. И что меня поразило — вещи все там годами пылились, а бритва та сверкала, будто протёр её кто-то и наточил до блеска.

Удивилась я, а она так и сверкает, так и блестит на свету, и так меня этот блеск почему-то приковал, будто заворочил, что и оторваться не смела. Смотрю я на неё, а она вся сверкает, словно манит, зовёт, и сама не поняла, что потом сделала, не помню, как руки мои сами потянулись к ней, будто сила чья-то чужая ими овладела. А дальше вообще не помню, в больнице очнулась, говорили, что на улицу выскочила, в крови вся была. Потом в психиатрии лежала долго, лекарствами всякими там пичкали, процедурами, всё интересовались, как да почему. Только ничего я им про Женщину ту не говорила, не рассказывала, не поверили бы ведь. Все ведь думали, что это только воображение моё больное, что сама я больная, но я-то знаю, что Она существует, что придёт рано или поздно. Только не надо было напоминать мне об этом, спрашивать. Теперь Она точно придёт, я знаю. Она сразу чувствует, когда о Ней думают или вспоминают. Она скоро вернётся...

Взгляд Насти ушёл в себя, и она отрешённо блуждала им по безмолвным пространствам, а по губам скользила горькая, вымученная улыбка.

Подавленный рассказом, бессильный помочь, я молчал, боясь вымолвить слово. Но я был подавлен не только этим. Когда она сказала о Той, что в маске, когда вспомнилось наваждение, я замер, потрясённый мыслью: я скоро умру. Я понял, а точнее, вспомнил, что совсем скоро меня не будет, и ничего сделать теперь нельзя.

Я именно вспомнил, потому что в этот вечер, эту ночь для меня не существовало ничего, кроме Насти. На какие-то часы я действительно забыл всё: и болезнь, и боли, и смерть. Забыл, жадно отдавшись блаженному, умиротворяющему спокойствию, которое подарила Настя. Мысль о смерти, не отпускаявшая ранее, отступила в этой комнате. Она не тревожила здесь, где всё, как казалось, исходило лишь тепло и ласку, доверие и нежность.

Казалось, что в этой комнате, согретой нашим дыханием, не существует ничего, что есть в остальном мире. Здесь не было места боли и страданию, не было смерти, но теперь она пришла с этими шрамами на руке, со слезами и страхом.

Я не знал, что случилось с Настей в действительности и кто эта Женщина, но знал другое: я умру и больше не увижу Насти — никогда!!! Но я хочу видеть! Понимаете? Я хочу жить! Жить, чтобы знать, что есть в этом пустом и равнодушном мире душа родная и близкая, чтобы слышать, хоть изредка, её смех и голос. И быть рядом — ведь это такая малость! Почему я должен умирать? Я право имею — по праву рождённого, — и никто не смеет отнять его! Я жизни требую, слышите, и плевать, что «нельзя», что «запрещено мировыми законами»! Плевать на «мудрые замыслы», которые неисповедимы, на «гармонию всемирную» и «царствие небесное», — я тоже сдам «билетик на вселенское счастье» и пусть буду проклят во веки вечные, только дайте пожить! И только попробуйте сказать «нет»! Пусть сдохну, но я расколочу ваши «святые и безгрешные» небеса, расколочу вдребезги! Я буду бить их голыми руками, даже если изрежусь в кровь, и осколки небес будут валяться на грязных тротуарах! Мёртвые не встают? А я встану! Чтобы плюнуть в вашу сторону, — ведь я жить хочу, слышите! Я не умею верить и просить, не умею молиться, и поэтому — я требую! И плевать на отговорки, что я неизлечим, на ваш «естественный порядок», который нельзя нарушать, п-л-е-в-а-т-ь!!!

Сжав пальцы до хруста, мне хотелось кричать. Во мне всё кипело и горело, — было больно. И тут Настя повернула голову. Вздвогнув, я опустил глаза, испугавшись, что заметит она блеск слез, но она ничего не видела, погруженная в странное, непонятное оцепенение и всё так же вымученно улыбаясь. И всё во мне сразу стих-

ло — от этой горечи, бесконечной усталой горечи, застывшей на её губах, застывало всё вокруг. Я мотнул головой, стряхивая слезы. Держитесь, маэстро. Даже если держаться не за что. И улыбайтесь. Шоу должно продолжаться...

И я улыбался — криво, с подрагивающими губами, сквозь стиснутые зубы, улыбался от невыносимого отчаяния, ибо что ещё человеку остаётся, когда ничего больше не остаётся? Ведь шоу должно продолжаться! Разве не обещал, что на похоронах моих будет весело? Что буду петь и плясать перед катафалком, и пойду по жизни легко и играючи? И что счастлив буду назло всем! Посему спешите, уважаемая публика! И поспешите — ведь актёру осталось немного...

Эй, оркестр, музыку, да повеселей! Мы даём представление под открытым небом! Мы даём представление небесам! Первые ряды прошу не занимать, — они для ангелов, святых и безгрешных. И отойдите от золотого престола! Он для очень, ну очень «высокопоставленной Особы!» И кровь отмыть! И распылите благовония! «Высокопоставленная Особа» на дух не переносит нашего духа, ибо не духом единым жив человек, ибо тянет от нашего духа — духом мертвечины! И ты, Настя, не улыбайся так, милая! Ведь на нас смотрят небеса! А улыбнись, как умеешь!

Я же знаю, что ты сейчас слышишь, — как в этой тишине идут те проклятые сломанные часы — тихо и без остановки. Но не слушай их, Настя! Я разобью их собственными руками, разберу до винтиков, я заставлю идти вспять и отдать, что отняли! Я заставлю крутиться стрелки во все стороны, только не слушай их, милая, не слушай!

Я же знаю, где бродит сейчас твой взгляд, и где бродишь ты: ты — в зале тысячи зеркал, а с них, гримасничая и ухмыляясь, смотрит старуха и шепчет, что она — это ты. Но не верь, Настя, слышишь, не верь, ведь врут

все зеркала! Я разобью и их, как разобью небеса, если мне вновь скажут «нет»!

Не верь им, милая, ведь мы будем счастливы, слышишь! Сегодня мы играем в счастье, а значит, счастливы уже! Слышите, небеса? Мы счастливы, просто этого не знаем, и нам хорошо, даже если нам плохо, и не смотрите на слёзы — ибо это слёзы радости! И пусть мы только прах из праха, только тлен и мимолётная рябь, всё равно мы будем счастливы, слышите, будем!

Но Настя не слышала — она отрешённым взглядом смотрела на меня, но меня не видела. И я знал, что не услышит, — она слушала, как тикают в этой звенящей тишине те самые часы, как утекает жизнь и каплют секунды; и знал, что меня не видит, бродя в холодном блеске тысячи зеркал. Я знал, что сломанные часы идут и для меня, отсчитывая последние месяцы, недели. Что безнадежно, как и она, заплутал в том заколдованном Замке Судьбы и Смерти, где с каждого зеркала ухмылялась Женщина в маске и торжествуяще шептала: «Я скоро приду... Жди...» И мне не выбраться — ведь даже разбив все зеркала, я наткнусь на непробиваемую стену, имя которой — Смерть. И не добраться до Насти — никогда, потому что у каждого свой зачарованный зал и свои тысячи зеркал, у каждого — своя Стена.

Я знал, и только стискивал зубы, и слезы капали на подоконник. А Настя стояла рядом, устало склонив голову, с улыбкой на губах, замороженной и оцепенелой, — сомнамбула в зазеркалье.

И мы были вдвоём в этой комнате, застывшей в тишине, и одни в бескрайнем мире — в этом спящем, залитом луной городе-призраке, на этих заснеженных тёмных равнинах, на этой маленькой планете, затерянной в бесконечных вселенских просторах, — я и она, она и я. И ничего сделать уже было нельзя, — ночь за окном молчала, и молчательно зависла в зените луна, безмолвная и бесстрастная, и холодно переливались звёзды, по-

зимнему яркие и крупные, дрожа и мигая в прозрачном морозном воздухе...

* * *

... Долго проплутав, мы наконец-то забрели в селение. Низкие глинобитные дома с тёмными провалами окон и ленивый брёх собак встретили нас на околице.

Поддерживая своего спутника, монах осторожно вёл его по разбитой, ухабистой улице. Я украдкой оглядывал эту странную пару — один другого стоял. Впрочем, на монаха только изредка накатывали эти приступы, когда начинал мелко дрожать и, раскачиваясь взад-вперёд, словно маятник, нёс чепуху с нездоровым блеском в глазах. В остальном вроде обычный человек, не без странностей, конечно.

Но больше интересовал спутник: было в нём что-то неуловимое, ускользающее, но что — не мог понять. То ли взгляд такой, то ли улыбка (ещё не раз замечал, как проскальзывает иногда на плотно сомкнутых губах та странная, непонятная улыбка-усмешка). И к тому же он молчал: сколько ни бился, пытаюсь заговорить с ним, — бесполезно, ни слова, и всё также бессмысленно пялился куда-то в даль.

... Мы прошли базарную площадь, когда я услышал за поворотом шум. Прибавив шагу и оставив монаха со спутником позади, я повернул и увидел у высокого каменного дома толпу. Заинтересовавшись, я аккуратно протолкнулся в первый ряд.

А там, у калитки, на дощатой скамейке, лежала, свесив руки, худенькая русоволосая девочка лет двенадцати, с чёлкой набок. Губы — посиневшие, взгляд — потух, остекленел. По восковой коже разливалась мертвенная бледность, а на заострившееся и ещё такое детское лицо медленно напознала жуткая, гримасничающая маска — маска смерти. Маска издевательски улыбалась кончиками губ, обнажая мелкие зубы, торжествуя побе-

ду. Рядом — двое: этакий красавец-аристократ в чёрном изящном костюме, с такими же чёрными волосами, зачёсанными назад, снисходительно склонив голову, что-то втолковывал второму, плотному, низенькому, с поседевшими висками и горестно оцепеневшим взором. Голос первого был резок и нетерпелив.

— Ещё раз объясняю, — слегка кипятясь и начиная выходить из себя, говорил он, раздражённо теребя пуговицы, презрительно поблёскивая жгучими глазами, — твоя дочь мертва! Помочь уже нельзя!

Он быстро наклонился и схватил кисть девочки.

— Пощупай сам! — И его тонкие и яркие, будто накрашенные, губы скривились. — И пойми наконец!

— Но как это может быть?! — Отец девочки словно очнулся и всплеснул руками. — Утром же бегала!

И, не слушая новых объяснений, он обхватил голову и застонал. Красавец-аристократ в сердцах плюнул, повернулся к толпе и вроде бы печально улыбнулся, но глаза поблёскивали по-прежнему презрительно.

— Не в моих это силах. Если бы мог хоть что-то... — Он развёл руками. — Но я не Господь. Готовьте лучше к погребению.

И поправил волосы, изящно и небрежно. А отец девочки опустился у скамейки и закрыл лицо.

— Эй, Иаир, — продребезжал чей-то старческий голос, — верно человек говорит. Иди обмой дочь. Слезами горю не поможешь.

— Верно! — загудела толпа. — Теперь похоронить надо как подобает.

— А вот и святой отец. Он-то сейчас и нужен.

Я понял, что появился монах. Толпа качнулась и раступилась, — это был и впрямь он, под локоть со спутником. Монах чуть приосанился, хоть, видно, слегка и робел.

— Что случилось, братья мои? — смущённо смотрел он на людей, но, войдя в круг, всё понял.

Монах скорбно покачал головой и, пробормотав под нос молитву, быстро перекрестился. Толпа сразу смолкла, словно ожидая от него ещё чего-то. Тут-то всё и началось: послышался тихий, но уверенный голос:

— Что смущаетесь и плачете? Девица не умерла, но спит.

Я удивлённо обернулся. И, поражённый, замер — передо мной невозмутимо стоял... спутник монаха!

— Т-т-ты? — только и пролепетал я и растерянно развёл руками.

А он, небрежно рассыпав волосы по плечам, спокойно смотрел на меня, а на губах — та самая улыбка, то ли горькая, то ли, напротив, странным образом счастливая.

— Она не умерла...

Я вновь вздрогнул от голоса, которого раньше никогда не слышал.

— ...она спит.

Будто очнувшись, толпа зашумела, загалдела.

— Спит? Ха, она спит! — надрылся кто-то в задних рядах. — Ну коли спит, то я ещё не родился!

Стоявший рядом старик с куцей бородкой зашёлся булькающим смехом; многие же, помня о приличии, лишь сдержанно улыбались. Но спутник монаха, не обращая внимания, подошёл к Иаиру и утешающе положил на плечо руку.

— Не бойся, только веруй. Не умерла она.

Тот поднял скорбный взгляд.

— Не смейся над моим горем.

Спутник монаха потемнел в лице.

— Я не смеюсь. Над этим не смеются.

И, присев на корточки, взял руку умершей и замер, словно прислушиваясь к чему-то вдалеке. А след, безропотно почему-то подчинившись исходящему от него безмолвию, замерла и толпа. И только монах, изумлённый не менее моего, побледнел и горячо и бессвязно залепетал: «Шаги! Шаги!.. » Но его никто, казалось, не слы-

шал — напряжённое безмолвие плотно окутало всех непроницаемым облаком. Только слабый ветерок трепал волосы человека в светлом, что склонился над девочкой, и прозвучали в тиши лишь два слова:

— Талифа, куми...

Толпа вздрогнула и очнулась. Пробежал недоумевающий гул:

— Что он сказал? Что это означает?

— А это означает!.. — зазвенел торжествующий голос монаха. Он уже начал мелко-мелко дрожать и заворожённым, боящимся оторваться взглядом смотрел на скамейку. — Это означает: девица, тебе говорю, встань!

И в этот миг, вновь было насмешливо загудевшая толпа, мгновенно, словно по команде, потрясённо замерла. И — оглушающая тишина, которую прорезал чей-то душераздирающий визг: безжизненно свисавшая ручка, слегка вздрогнув, поползла вверх, а тонкие, почти прозрачные пальцы стали розоветь. Я почувствовал, как закружилась голова, а перед глазами поплыли разноцветные круги, как проваливаюсь — в пропасть без дна и света. И последним запечатлелось, как, судорожно дёрнувшись, отпрянули все от скамейки. А на ней, ещё не придя в себя, расслабленно лежала девочка с тихими серыми глазами и смущённо улыбалась — чуть удивлённо, с ямочками на щеках. И онемел Иаир, и быстро, тревожно забегал изумлённый взгляд красавца в чёрном...

...А я падал, и проносились предо мной смутные, неясные картины, то ли воспоминания, то ли фантазии, то ли сны-наваждения: заснеженный город, комната, ночное небо и чьи-то губы, застывшие в горькой улыбке. И от неё вдруг стало больно — пронзительно и до отчаяния. Боль захрустела крошащимся льдом, трещи и пенясь, закружилась студёной завертью, обжигая ледяным дыханием, и я закричал.

Я падал, кричал, а рядом, не отставая, вихрилась боль. А когда вокруг закружились сверкающие осколки, то понял, что уже не падаю, а бреду по залу с тысячами зеркал, с которых гримасничала какая-то Женщина в маске. Она кривила ярко красные губы и шептала: «Я скоро приду... Жди...»

И я побежал — по тёмным бесконечным коридорам и переходам, по мёртвому и безплодному замку-лабиринту с зеркальными полами и стенами. А гулкое эхо разносило топот по безмолвным залам, и насмешливо кричала вслед Маска: «Глупец! Я — Судьба! А Её можно только любить, и ты Меня полюбишь!» И она хохотала, радостно и злобно.

А потом я оказался в комнате, где спиной ко мне сидела та двенадцатилетняя девочка. Перед ней — большое зеркало в старой раме, с резьбой и узорами, а у зеркала лежала бритва и поблёскивала лезвием. Я позвал девочку, а она обернулась и приложила палец к губам: тс-с! И указала на стену, где рядом с зеркалом висели сломанные часы, которые почему-то шли. Она отвернулась и вновь застыла. Она оцепенело слушала, как идут часы, но смотрела на бритву, на посверкивающую сталь, и руки её сами тянулись к ней, к её колдовскому блеску.

И я не выдержал: я бросился к девочке, чтоб остановить, но наткнулся на холодное и блестящее — это было зеркало, а она — по ту сторону, в зазеркалье. И она неподвижно, ничего не видя, слушала тиканье, а руки сами брали бритву. А я бился о зеркальную стену и что-то кричал, но она не замечала — блеск лезвия не отпускал её, завожожив целиком и полностью.

И раздался смех. Я резко обернулся, и закружилась голова: вокруг сверкали зеркала, и в каждом — эта девочка, и в каждом сверкала отточенная сталь. Но через миг всё пропало, и я вновь бежал по заколдованному замку без выхода и входа, по нескончаемому лаби-

ринтам, пропахшим страхом и безысходностью. Я искал и звал девочку, звал каким-то именем, а тысячеголовое эхо, отражаясь в тысячах зеркал, насмешливо передразнивало: «... стя ... тя ... я». И вслед нёсся всё тот же хохот, радостный и торжествующий. Он раскатисто и злобно гремел под высокими, теряющимися во мраке сводами, а с зеркал всё так же ухмылялась Маска: «Я — твоя Судьба...»

А затем я вновь увидел девочку — она шла навстречу и доверчиво улыбалась. И стало тихо, как в церкви ночью, всё смолкло, лишь по-прежнему где-то тикали часы. Они тикали, и девочка менялась, взрослела, а когда подошла, передо мной уже стояла девушка, но улыбалась всё так же хорошо — по-детски. Она протянула руки — на левой почему-то темнели шрамы — и ласково позвала, а после, обвив шею, прильнула тёплыми губами, и в тот же миг её губы превратились в холодные губы Маски, а глаза — в тёмные гнилые провалы.

Я закричал от ужаса и омерзения и, отшвырнув хохочущую старуху — слепую сумасшедшую старуху с седыми растрёпанными космами, — в отчаянии бросился на зеркала. Я бил их вдребезги, голыми руками, и резался в кровь, а они появлялись вновь. Зеркала сыпались, звеня и сверкая, забрызганные кровью, но хохот не смолкал. Он хрипел и перекатывался под сводами, под несмолкаемый звон, и сквозь него насмешливо каркала Женщина: «Глупец! Это уже не зеркала, а стена!»

И я знал, что это стена, но в слепом отчаянии всё бился об неё головой, но тщетно. А когда, обессиленный, упал на зеркальный пол, издали раздался знакомый голос:

— И тебе говорю, встань!

Ослепительная вспышка — и зачарованный замок рухнул в полыхнувшую огнём пропасть... **■**

(Продолжение следует)

Лицо учителя

Антон Седнин

1991 года рождения. Родился на Украине, в селе Ореховка. После получения среднего образования поехал поступать в Севастопольский филиал МГУ по специальности «русская филология». Закончив вуз, Антон остался жить в Севастополе и после Референдума в Крыму получил российский паспорт. Последние несколько лет Антон удалённо работает контент-менеджером, совмещая работу с литературой. Лауреат конкурса АЕА-2019 за повесть «Food-boo», победитель конкурса Библиотеки Стругацких за повесть «Тараканы» (2020 год).

Мой учитель попросил рассказать вам эту историю.

Вы слушаете?

Когда еще с утра я прохожу рядом с ребятами по школьному двору, они даже не смотрят — просто встали в кружочек и курят себе не взятяг. Лично я, например, в старших классах всегда тянул взятяг — нас сами учителя тянуть и учили — и взрослых боялся, что расскажут про сигареты. А эти курят не по-людски как-то, не по-настоящему. Даже грудь не вздымается.

Лысый задира в кожанке передает по кругу одну единственную сигаретку. Первой дает затянуться какой-то пигалице. Видать, нравится ему. Пигалица же передает сигаретку подружке-толстушке с щенячьими глазками. Щенячья толстушка передает очкастенькой, а очкастенькая громко закашливается и отдает тягу жмущемуся к ней тощему тихоне. Сам же тихоня даже и не пытается затянуться и быстро возвращает сигаретку назад задире. Вот так и курят.

Лысый в кожанке оставляет пигалице последнюю тягу. Ишь, заботливый. А та раздувает ноздрёнки и прикусывает сигаретку одними зубами. Видать, чтобы фильтр в помаде не испачкать. Хотя зачем? Тяга-то последняя. И когда выдыхает дым, то кончиком языка еще губу так забавно поддевает, от чего кажется, что дым с помадой слипается. Вот ведь прелесть.

— Но грудки-то все равно не вздымаются, — цыкаю снисходительно.

Задире в кожанке растирает бычок кроссовком, и все пятеро идут чуть позади меня к главному входу в школу. Доходим таким вынужденным отрядом до дверей. А к дверям приспособлена аляповатая металлическая арка-детектор — охранник сидит на шающем стуле и заставляет входящих отключать

в школьной зоне любые устройства выхода в Сеть. Смотрит на меня придирчиво. Явно незнакомец не любит.

— А можно мне не через арку, — говорю. — У меня устройства инвазивные.

— Так арка всё равно не работает, — лыбится вальяжно.

— Тогда я пройду?

— Нет. Сперва отключите. Вручную.

Не даюсь. Повторяю: у всех чипы инвазивные давно, как я вам их изнутри отключу-то, давайте лучше через арку. А арка не работает, повторяет. И начинает лапать меня ручным детектором. Возле головы детектор, естественно, пикает. Тогда охранник пытается проверить мои волосы. Снова не даюсь. Изю всех сил пытаюсь не злиться. Вот ведь маразм.

— Так вы нас пропустите или нет? — толкает плечом сзади задира.

Все пятеро старшеклассников нетерпеливо толкаются позади меня. Охранник машет детям рукой, мол, проходите. Я подвигаюсь. Вместе с охранником дружно проводим взглядами пигалицу. А этой штепсель полапать на предмет наличия интернет-устройств не собираешься что ли? Это ведь у них сегодня экзамен?

В мои школьные годы уволили бы за такое.

— Оружие, наркотики, нелегальный софт? — сдается, наконец, охранник.

Спрашивает меня уже чисто для проформы.

— Оружие, — достаю кобуру с табельным.

— Да ладно? — удивляется.

— Прохладно. Директора позови. Скажи, прибыл экзаменатор из райцентра.

С охранника мигом слетает вся вальяжность — директриса тут как тут. Стелет мёдом о невиданных успехах их уездной школы. Как будто не ясно, что та-

кие сломанные арки и бесполезные охранники только в самых бедных школах и встречаются.

— А что так рано, — лебезит. — А какая честь.

А не подлизать ли вам зад.

— А не подлизите, — перебиваю. — Вот акт о прибытии на подпись. Единый Выпускной Экзамен назначен сегодня на 12 часов 30 минут.

Директриса послушно кивает, а сама опять лебезит:

— Да тут такое дело. Да наш учитель. Да не могли бы.

Устало вздыхаю. Опять-двадцать-пять.

Вот каждый раз одно и то же.

— По закону лицо со статусом учителя, обязано провести подготовку с выпускниками до начала экзамена. Где лицо?

— Ой, а бюджеты. Ой, а вы сами же учитель. Ой, а не посидите ли до пятого.

Еще раз устало вздыхаю от безысходности:

— Ладно, посижу.

Директрисе-то лишь бы деньги на учителях сэкономить, и плевать ей, сколько учеников сдаст. А я ведь обязан провести подготовку по закону.

Идём к месту экзамена. Проход в класс перегораживают те самые толстущка с пигалицей, что курили во дворе: слиплись ладошками — не разнять — и щечечут.

— Сегодня последний денёчек, я так счастлива. А я нет, — даже голосами слиплись. — Я так боюсь тебя потерять, Я очень боюсь тебя потерять. Да нет же, я, — хихикают. — Мы ведь еще увидимся? Да точно увидимся! Даже если не сдадим? Даже если. Люблю тебя.

Толстущка смотрит на пигалицу своими огромными щенячьими глазами. В упор прямо. Но пигалица в ответ «люблю тебя» не повторяет.

— Так, а ну марш в класс! — орет на подружек директриса. — Разсюсюкались тут. Вам ключ от кабинета оставлять, товарищ экзаменатор?

— Оставлять.

— Вы уж там понежнее с ними, — смотрит косо на кобур.

Проворачиваю ключ и осматриваю запертых детей. На задней парте раскачивается безволосый задира, пачка демонстративно торчит из нагрудного кармана кожанки. Перед задирой, строго посреди класса, сидит очкастенькая. У этой мордочка хоть и зубрёшная, но в каёмочке из едко-синих волос, и губками такая всё кусь-кусь в сторону тихони. А тихоня подле неё, как дыплёнок при квочке: одни уши из-под волосяного котелка торчат. Спереди его от лишних взглядов еще и толстوشка заслоняет: пристроилась аккурат позади пигалицы и усердно заплетаёт подружке косу.

— Добрый день, дети, — улыбаюсь. — Я ваш экзаменатор.

При появлении экзаменатора ребята, естественно, напрягаются. Медленно иду к центру класса. Мирно-любовно цыкаю. Выпускников, выходит, всего пятеро. Что ж. В таких бедных школах до экзамена и меньше бывает доходит.

— Согласно регламенту, к экзамену вас должен был подготовить ваш личный учитель, — сажусь на стул учителя и закидываю ноги. — Но он прийти не смог. Поэтому ближайшие пять уроков с вами тут посижу я. Сидеть нам долго — кладу мешающую кобру на учительский стол. — Может, пока познакомимся?

1-й урок:

Звонок давно прозвенел. Дети сидят.

Сперва выпускники смотрят, как я скучающе подхожу к окнам и дергаю металлические арки. Арки на окнах выглядят также аляповато, как и то уродство

на входе в школу. И, наверняка, с такой же эффективностью блокируют выход в Сеть. Какой тогда вообще смысл проводить экзамен? Скачали бы все данные сразу, и дело с концом.

В мои годы как-то строже к такому относились.

Недовольно цыкаю на металлические арки и вышагиваю назад к учительскому столу. Дети по-прежнему дружно смотрят на меня. Снова сажусь. Опять закидываю ноги на стол. Делаю вид, что не замечаю их взглядов. А ребята аж рты пораскрывали. Смотрят. Вот ведь глазастенькие какие.

Наконец, очкастенькая не выдерживает:

— Скажите, товарищ экзаменатор, — неловко теребит пальчиком синенький локон. — А вы до нас много экзаменов, наверное, уже в жизни приняли, да?

— Да уж порядочно, — улыбаюсь. — А по мне не скажешь, что ли?

— Так ведь трудно сказать, — хлопает ресницами пигалица. — По мужчине.

Ишь, кокетка.

— А не-по-мужчинам вы, девочки, уже, значит, хорошо ориентируетесь? — цыкаю пигалице с подмигом. — Хотя в таком классе, конечно, сразу видно, кто, кому да чего.

Пигалица вырывает свою косу из рук толстوشки и смущенно тупится. Очкастенькая мельком косится на тихоню, натывается на взгляд самого тихони, и оба тупятся. А задира на задней парте ни на кого не тупится — просто сидит красный как буряк. Максимально не смотрит в сторону пигалицы.

— А она из нас самая красивая. Да, — невпопад отвечает вдруг толстوشка.

Все четверо одноклассников косятся на толстوشку. А та только глазками щенячьими и хлопает. Словно ничего такого не лягнула.

Опять неловко молчим.

— Скажите, а вы это, — басит лысый буряк, чтобы как-то тему сменить. — Вольной, это, пользовались когда-нибудь на экзамене раньше?

И тихоня, и задира трутся глазами в моё табельное с самого начала урока. Типичные парни — всегда на кобуру первым делом смотрят. Молодцы. Правильная реакция. Цыкаю для нагону суровости прежде, чем ответить:

— Не насмерть. Но по-всякому бывало.

Парни аж присвистывают.

— А поддержать дадите? — ухмыляется задира.

— Смотря что, — отвечаю.

Пигалица прыскает в ладошку. Задира смотрит на неё недовольно.

— А экзамен, говорят, — блестит на меня глазками очкастенькая, — тоже по-всякому бывает... — Прямо сожрет сейчас от любопытства. — Вы расскажете, товарищ экзаменатор? Какой он бывает?

— Кто? Экзамен?

Дети дружно кивают. Смешков как не бывало.

— Ну да, экзамен, он по-всякому бывает... — нарочито делаю паузу, чтобы подогреть их интерес. — Раньше ведь школа была, по сути, как общество в уменьшенном виде, понимаете? Людей приучали общаться, как в реальном социуме.

Снова делаю паузу. Цыкаю задумчиво. Продолжаю:

— А теперь всё в виртуальности, общение под линеечку. Не по-настоящему. В школе говорим — не по-настоящему. В Сети — тоже не по-настоящему. У всех консультанты в режиме реального времени, понимаешь ли. Плагины для общения вот эти ваши. Вы сами-то друг с другом как общаетесь? Вот ведь уверен: прямо сейчас все в Сети сидите и речевые анализаторы свои используете. Да?

Дети в ответ не дакают. Тупятся смущенно.

— В общем экзамен, он... про общение.

— Общение? — пищит тихоня. И всё на квочку коцится. Привык, видать, что очкастенькая ему всё объясняет. Да только в этот раз у очкастенькой и самой в каждом очке по вопросу.

— Общение! — повторяю так громко, что толстушка ойкает и роняет вновь подобранную косу пигалицы. — На выпускном экзамене проверяют не знания, а то, насколько вы социализированы. Как вы общаетесь. Кто из вас уже готов жить в обществе. А кто нет.

— А вы как думаете, товарищ экзаменатор, — машет мне ресницами с первой парты пигалица. — Мы уже готовы?

— Кто-то готов, — задумчиво цыкаю я. — А кто-то, я вижу, экзамен сегодня абсолютно точно не сдаст.

Дети испуганно переглядываются. Гадают, кого же я имею в виду.

Не спешу. Нагоняю страху.

— Вот вы, девчонки.

Медленно встаю. Кобура на столе.

— Вы видели, как я перед уроком стоял рядом с вами у входа в класс?

Толстушка и пигалица разом затворы окуляров пораскрывали. Смотрят.

— Я просто наблюдал, как вы вот говорите друг с другом и заметил такое... — цыкаю. — несоответствие. Знаете, у маленьких детей есть тоже такое несоответствие. Недостаток эмпатии, понимаете? Когда человек не может представить себе беседу от лица другого человека и словно с воображаемым другом говорит. Эгоцентричность это у них временная в мозгу такая. Ну, у детей. А вы? Вы ещё дети? Или — делаю паузу. — Уже не дети?

Смотрю в упор на пигалицу.

— Н-не дети, — машет ресницами пигалица.

— Значит, тут всё порябочек?

Кладу ладонь пигалице на голову. А головушка-то от касания так и вздрагивает. Волосики пахнут, как надо. У этой явно все не как у детей уже.

— Эй, руку убрал! — тут же подрывается с задней парты задира. — Слышь, это...

— Что? — с любопытством поворачиваюсь на задире. — Что «это»?

— Просто не трогайте её, товарищ экзаменатор, — мигом тухнет задира. — Ладно?

Медленно иду через весь класс к задире. Задира стоит столбом — ни сесть, ни слова сказать уже не может. Странный какой-то задира. Не задиристый. Во мои годы преподаватели таким быстро болты вкручивали.

— Понимаешь, дружочек, — цыкаю. — Я же просто общаюсь с вами. В этом и есть суть экзамена. Ты ведь знаешь, что делают люди друг с другом? — Кладу ладонь задире на его безволосый купол. — Они общаются. И каждый общается по-своему. Кто-то, как подхалим общается. Кто-то как лидер. И так далее. Вот ты явно задира. Что скажешь, задира? Ты ведь задира?

Задира пытается кивать, но моя ладонь мешает.

— Суть экзамена в том, чтобы проверить, как хорошо вы все играете свою социальную роль. И что-то меня смущает, — цыкаю недоверчиво. — В твоей социальной роли. Закуривай.

— Что?

— Закуривай я сказал. Только так, чтобы я видел.

Задира неуверенно достает из нагрудного кармана пачку. Поджигает. Я ободряюще киваю. Кобура на столе.

— Вот так. А теперь вдыхай.

— Что?

— Вдыхай дым. Взятяг.

Кладу ладонь задире на грудь, чтобы следить за лёгкими. Задира затягивается. Грудь не вздымает-

ся. Вкручиваю сигаретный фильтр задире в зубы. Задира кашляет. Хватаю за подбородок, чтобы не кашлял мне в лицо. Вкручиваю фильтр сильнее. Изо рта задиры валит дым.

— Грудью! Грудью работай.

Задира старается. Но не получается. Сигарета застревает в горле.

— Да что ж ты...

Убираю руку. Задира кашляет и съезжает по стене. Грудь судорожно вздымается туда-сюда — не может остановиться. Взгляд жалобно уставлен на пигалицу: заметила ли та, какой он сейчас жалкий? Разумеется, заметила. Все заметили. Задира смотрит со слезами на глазах и непрерывно дышит. Хороший у него получается взгляд. Настоящий. Только уже какой-то припадочный. Без страсти.

— Знаете, что? — разочарованно цыкаю. — Забудьте пока про экзамен, ребята. Просто досидите со мной до пятого урока, и вы почти сдали. Идёт?

2-й урок:

Звонок звенит. Задира все так же непрерывно дышит. Парня явно заклинило. Вокруг бедолаги столпились все одноклассники. Они — в одной половине класса, я — в другой.

Очкастенькая села на карачки возле задиры и усердно бьет поцана по щекам. Смотрю, как под партой настырно колышет её похожая на грушу жопа. Сама-то доска доской, а задница вон какая. Цыкаю ехидно. И плечики мальчуковые совсем. Да только удары не мальчуковские, не помогают.

Очкастенькая перестает бить задиру. Встает. Зачем-то улыбается мне. Растерянно сыпет вопросами:

— А зачем? — сыпет. — А вы это специально? А это какая-то часть экзамена?

И смотрит на меня, локоны синенькие теребит. Словно ждёт инструкций.

— Да как вы можете, — щебечут параллельно остальные ребята, — Да так нельзя. Да ему же больно.

— И что, что больно? — цыкаю устало.

Ребята как-то разом тухнут. До всех вдруг доходит, что я довел задиру до приступа специально. Дети испуганно смотрят на меня. На кобуру. Одна лишь заучка по-прежнему ничего не понимает — улыбается и усердно тянет руку, чтобы ответить на мой риторический вопрос.

Киваю ей, чтобы ответила.

— Я полагаю, — поправляет очки. — Своими действиями вы хотели показать, что боль — это плохо. Иными словами, делать другим людям больно — неправильно. Правильно? — заканчивает рапортовать. Смотрит на меня выжидательно. — Вы сейчас нехорошо поступили, очень жестоко. Я правильно ответила?

Хлопаю в ладоши. Надо же вознаградить девочку за правильный ответ.

— Умничка, всё верно ответила, — небрежно верчу в руке кобуру. — Остальные поднимите руки, и повторяем хором за своей одноклассницей: «боль это плохо», «боль это плохо». Ну же, повторяйте. «Боль это плохо»!

— Боль это плохо, — первой повторяет толстушка.

Все косятся на толстушку. Никто кроме неё больше не повторяет. Дети ошалело наблюдают, как я вынимаю из кобуры табельное. Никто ничего не понимает. Никто не знает, что делать. Тихоня хочет поднять руки, но очкастая его одергивает:

— Товарищ экзаменатор, — улыбается понимающе. — А это всё на экзамене ведь будет, правильно?

Недовольно цыкаю. Странная какая-то заучка. Слишком уж заучистая. В мои годы девочки поженственной всё-таки были.

— Ладно, — вздыхаю, — раз ты так зациклилась на экзамене, вот тебе первый экзаменационный вопрос: может ли школьница, вроде тебя, работать донором стволовых клеток при наличии у неё девственной плевы?

— Что? — улыбается непонимающе очкастенькая. Потом понимающе. Но не улыбается.

— Записывайте, ребята, — цыкаю ехидно. — Согласно главе гражданского кодекса такой-то, отсутствие девственной плевы обязательно при...

— Я думала... — жалостливо улыбается мне. — Экзамен не такой.

— Да забудь! Ты уже! Про чертов экзамен! Ору. Тычу в эту дуру табельным.

Дети смотрят на меня в ужасе. Все как по команде поднимают руки. Даже заучку, наконец, переключивает: плечи ходят ходуном, ручки задраны. Ещё и плечики, ну, совсем мальчуковые. С жирком таким воздушным, до самых подмышек. Трясутся бодренько. Всё, как надо. Правильная реакция. Да только улыбка у неё зачем-то на лице до сих пор эта дурацкая.

Как будто школьному учителю на уроке улыбается.

— Вот и чего ты улыбаешься? — тычу в эту дурацкую улыбку табельным. — Я спросил. Почему. Ты. Улыбаешься. Ты больная?

Пожимает не по-женски пухлыми плечиками.

— Ты вообще мальчик или девочка? У тебя плева-то есть?

— Н-нет, — снова улыбается.

Ну и как это понимать? Цыкаю раздраженно.

— Ладно. Потверкай немного.

— Что? — улыбается ошарашенно.

— Жопой потряси, говорю. Как девочки это делают. Женственности добавь мне немного, а то непонятно, пацанка ты или кто.

Дети расступаются. Заучка неуверенно кивает и пытается добавить женственности. Отдает окуляры тихоне, слегка наклоняет колени и начинает тверкать. Задница неуклюже трется о штанину тихони.

— Не спеши, — беру её за талию и показываю, как надо трясти правильно. — Вот чего ты зажатая-то такая? Я же тебя не подгоняю. Просто представь, что ты, скажем, немного выпила, а потом кто-то включил музыку, и ты решила чуть-чуть потанцевать. Как вы, девчонки, умеете. Понимаешь? А то ведь если задиры не задирают, а девочки не танцуют, то куда тогда школьное образование вообще катится. Вам нормативы по уровню женственности прописывали вообще? Прописывали?

Заучка тверкает нелепо. Словно не слышит меня.

— Слушай, тебе либо внешность уже окончательно как у пацанки сменить, либо тверкать научиться. Слышишь меня?

Беру заучку за подбородок, смотрю в глаза. Девочка по-прежнему улыбается мне.

Вот что за дурацкая улыбка.

— В общем так, — задумчиво цыкаю на её заклинившую улыбку. — Если сможешь перестать улыбаться до начала пятого урока, я, так и быть, допущу тебя до экзамена. Идёт?

Очкастая благодарно кивает, но продолжает близоруко улыбаться. Явно не может прекратить. Задница елозит прямо в плечо тихони. А тот ещё, как нарочно, не убирал плечо.

Подзываю тихоню пальцем.

— Слушай, как думаешь, — вкладываю табельное парню в ладонь. — А ты бы смог заставить её перестать улыбаться, а?

3-й урок:

Звонок звенит. Задира дышит. Очкастая тверкает. Движения её уже больше походят на приседа-

ния с оттопыриванием задницы, чем на подобие танца. Но мышцы лица при этом по-прежнему сведены в улыбку. Да что ж вас всех клинит-то так в этой школе? Сижу рядом с тихоней и недовольно цыкаю на носогубные складки заучки. Тихоня зажал в ручонках моё табельное и тоже смотрит на заучку. Вместе грустно палимся на её улыбку.

— Ну не надо, — бормочет. — Ну ты же не такая. Ну ты же не сякая. — Наконец, решается и шепчет заучке уже прямо на ухо. — Ну ты же можешь просто прекратить, — губами уха касается. — Ну просто прекрати улыбаться. А? Ну прекрати.

Заучка не прекращает. Лишь сильнее корёжится в улыбке.

— Да заклинило её, — сажусь рядом на парту и подружески приобнимаю тихоню. — Ей перезагрузка коммуникативной системы нужна, понимаешь?

— Перезагрузка... что? — пищит непонимающе тихоня.

— Вас учителя даже такому не учили? — удивлённо цыкаю. — У вас разве не государственная образовательная программа? Как вы вообще общение развиваете в этой школе на уроках?

— Ну, мы... книги читаем, — смущенно теребит пистолет тихоня. — Друг другу. По ролям.

— Вот ведь маразм. Общение требует взаимодействия, понимаете, дети? — назидательно тычу пальцем в синие волосики заучки. — Вот тут должна вестись работа, — стучу пальцем по виску девочки. — А не книжки читать. Вот в той же Финляндии сейчас в школах дети натюрморты прямо в виртуальной реальности друг за другом дорисовывают, чтобы понимать, что в голове друг у друга. Вот и не клинит их никогда. А с книжками вы от эгоцентрической речи ни в пять, ни в 15, ни в 100 лет не избавитесь. Ей-богу, учителя же вас не от руки писать заставляют. Я пони-

маю, некоторые вещи уже атавизмом стали. Но это же ваш мозг! Вы им вообще пользуетесь без подключения к Сети? В мои годы такого в школах не было.

— Я просто хочу, — шмыгает носом тихоня. — Что-бы она... не улыбалась.

Чувствую, что перегнул палку.

— Ладно, прости парень, я тоже виноват, — цыкаю сочувственно. — Ты пойми. Моя работа во время подготовки к экзамену заключается в том, чтобы проверить вашу социальную роль и способность к взаимодействию в необычной коммуникативной ситуации. Понимаешь? Кто ж знал, что твоя подруга слабенькая такая? Перезагрузим мы её, не волнуйся. Но мне нужна твоя помощь. Держи крепче пистолет. Вот так. Ты же поможешь мне, а, парень?

— Перезагрузим? — непонимающе шмыгает носом тихоня.

— Да не в том смысле, что ты подумал, — раздражаюсь. — Хватит уже относиться к себе как к роботам. Вот. Видишь те арки металлические? — Показываю тихоне в сторону окон. — Иногда из-за сильного стресса мозговые устройства теряют доступ к Сети, и люди как бы... начинают общаться только своими силами. Понимаешь? Твоей подруге надо просто переподключиться к серверу. Вообще, на экзамене это не положено. Но сейчас же не экзамен. Да? Помоги своей подружке переподключиться к Сети, и приложения помогут её мозгу понять, как снова перестать улыбаться.

Заучка мычит ободряюще. Но тихоня всё ещё хлопает носом.

— А разве можно так... перезагрузить кого-либо?

— Ох, чему вас только в школе учат, — цыкаю сокрушённо. — Да не будет никакой перезагрузки, пацан! Это же фигуральное выражение. Она просто должна увидеть, что ты можешь сделать для неё ну...

скажем, что-то правда-правда доброе. Или злое. Вот и всё. Ты готов побыть немного злым, а, парень?

Тихоня смотрит на меня. Отвожу от себя дрожащее в его руке дуло и деликатно направляю табельное в сторону припадочно плящущегося на нас задиры.

— Ну, вот, например. Он ведь смеялся над тобой?

Тихоня послушно наводит ствол на задиру. Дрожит.

— Обижал?

Дрожит.

— Делал тебе больно?

— Это вы... — дрожащий ствол нацеливается назад на меня. — Это вы делаете всем больно!

Толстуха ойкает. Пигалица заслоняет её щенячьими глазами.

Все смотрим на целящегося в меня тихоню.

— Хорошо, можем и такой сценарий разыграть, — тут же соглашаюсь я. — Перед тобой злой экзаменатор. Вот он я. И что ты сейчас сделаешь? — беру твердящую заучку за щеку и дергаю в разные стороны её заевшую в улыбке мордочку, чтобы лучше мотивировать парня. — Помоги ей!

— Я...

— Перезагрузи её, иначе я сам это сделаю!

Тихоня кидается к заучке — и неожиданно целует её в губы. Я удивлен. Девочки тоже. Очкастенькая отвечает на поцелуй и, наконец, перестает улыбаться. Тихоня обнимает заучку, тянется к её уху губами и шепчет «прекрати». Потом хватает заучку за ягодицы, чтобы остановить дёрганье, и шепчет: «теперь ты можешь прекратить». Снова и снова целует её. Повторяет «ну прекрати».

Очкастая хоть и прекращает улыбаться, но твердит теперь даже как-то напористой. Оконные арки дрожат. Глаза заучки закатываются в поисках варианта решения коммуникативной проблемы в Сети. А потом изо рта начинает идти пена.

— Нет! — вопит тихоня. — Почему!?

— Кажется, переподключение к серверу прошло не очень, — сочувственно цыкаю. — Прости, пацан. Софт в вашей школе — говно. Совсем общаться не помогает.

Тихоня трясет заучку за плечи. Но та всё ещё дрыгает ягодицами с закатанными глазами и пеной у рта. Мальчик прижимается к девочке, а потом зарывается щекой в её пену. По их лицам текут слёзы. Но все его.

— Я хочу ещё перезагрузку! Ещё одну перезагрузочку!

Тихоня приставляет себе ствол к виску.

— Такой перезагрузки хватит?

Смотрит на меня свирепо.

— Ну-у, — с сомнением цыкаю. — Даже не знаю.

Тогда тихоня делает ещё круче — засовывает себе ствол в рот и долго корчится от удущья. Толстушка опять ойкает. Пигалица изо всех сил прикрывает глаза подруги. Прикрывает так, как прикрывают глаза ребёнку, которому врут, что всё это не по-настоящему.

Но всё по-настоящему.

Цыкаю устало.

— Эффектно, конечно. Но не эффективно.

Я достаю оружие у парня из горла и протираю табельное от оральных жидкостей. Затем аккуратно кладу пистолет на парту рядом с пигалицей и толстушкой. Снова сажусь возле тихони. Засовываю руку ему в рот. Отсоединяю изнутри систему подачи воздуха. Раздвигаю парню грудную клетку — и, наконец, вынимаю его лёгкие.

— Что ж... этот ведь точно уже не очнется. Да?

4-й урок:

Звонок звенит. Я по-прежнему вожусь с лёгкими тихони.

— Кстати, он-то экзамен однозначно сдаст, — указываю дрожащей пигалице на лежащего тихоню. — Лёгкие только подправить, небольшой у вас у всех тут сбой. И непременно сдаст. — Ободряющие киваю тяжело дышащему задире, чтобы тот тоже не волновался на счёт своего дыхания. — Если родители, конечно, его переподключение оплатят, парень-то всё-таки того, — небрежно кидаю бракованные лёгкие на растопыренную грудную клетку тихони. — Слушай, вам эти лёгкие коллективно в одной клинике меняли что ли? Сейчас ведь всё подряд по дешёвке меняют, и всё делают как-то не по-настоящему. Не поймешь иногда, где ребёночек, а где куколка.

Пигалица смотрит на меня зашуганным волчонком — не знает, то ли кусать то ли гавкать. И глазками всё бегаёт туда-сюда, дышит тяжело. Грудки, конечно, не вздымаются, и кожа какая-то наштукатуренная — но в целом миленькая.

Не то что подруга её.

— Ну, и чего ты волком смотришь на меня? — доверительно сажусь рядом с пигалицей и поправляю её длинную косу. — У тебя же нормально всё. Не то что у этой.

Хватаю толстушку за жировую складку под блузкой. Толстушка от моих прикосновений начинает непрерывно ойкать. Но даже не смотрит на меня. Смущенно тупит щенячий взгляд. Будто я ей комплимент сделал какой, а не за жир трогаю. Ещё и складка при этом отслаивается от живота — явно искусственная, силиконовая. Таким накладным жиром раньше дешёвенькие протезы маскировали.

Вот что за прошлый век. Даже в мои годы над такими «толстушками» смеялись.

Пигалица вырывает у меня жировую накладку и прикрывает ладошками глаза толстушке, чтобы та, наконец, перестала ойкать. Словно волчица своего глупенького щеночка защищает. Надо же.

Вздыхаю.

— Ты же сама всё понимаешь, — смотрю устало. — Учитель обязан подготовить продукт в соответствии со стандартами, установленными рынком общения. Общение ведь требует определённой доли эмпатии, понимаешь? А она же как робот, ничего от чужого лица представлять не хочет. Эй, — снова трясу толстушку за силикон. — Ну чего ты ойкаешь, как робот? Ты же не машина, а? Почему ты разговариваешь и ведешь себя как машина?

Толстушка, как нарочно, снова ойкает и уже сама прячет личико в ладошках.

Пигалица заслоняет подругу.

— Она сдаст! — рычит на меня. — Она обязательно сдаст.

— В мои годы, может, и да, — с сомнением цыкаю. — Но современное образование держится на идее того, что если твоему ребёнку 16, а твоему родителю 80, то вам нужно профессионально компенсировать эту коммуникативную разницу поколений. Роботы, люди, родители, работодатели — всем ведь нужно как-то общаться сегодня, понимаешь? И я выступаю гарантом того, что выпускники этой школы смогут поддержать разговор без всяких там интернетштучек. Послушай, милая, — улыбаюсь выглядывающей из-за спины подруги толстушке. — Подойди-ка сюда.

Толстушка нерешительно подходит. Движения по-детски нелепые, грудь не вздымается, глаза в расфокусе. Девочка явно слишком бедная, чтобы выглядеть правдоподобно. В моё время таких и в школу-то не пускали.

— Садись на коленки ко мне. Вот так. Скажи, вон та девочка любит тебя?

— Она любит меня, — застенчиво хлопает щенячьими глазками толстушка.

Вздыхаю.

— Не надо... — рычит пигалица. — Товарищ экзаменатор, не надо...

— Она точно тебя любит?

— Точно-точно.

— А когда она говорила, что тебя любит?

— Сегодня.

Пигалица хватается лежащий на парте пистолет и нацеливает на меня.

— Ты уверена? Может, ты у себя в голове это услышала?

Пигалица дрожит, помада размазана. Пистолет смотрит на меня.

— Думаете, я не понимаю, что вы специально оставили возле меня пистолет, да?

С интересом поворачиваюсь к пигалице.

Неплохая реакция. Достаточно человечная.

— Я ведь всё понимаю, — дрожит пигалица. — Понимаю, что вы делаете. Вы думаете, мы все полуманьяки тут, раз что-то не так говорим. Что мы бедненькие слишком, чтобы людьми быть. Но она сдаст! — лает. — Слышите? Она сдаст!

— Хорошо, успокойся, — делаю аккуратный шаг навстречу пигалице. — У неё ведь на самом деле только один шанс сдать. Если скажу, что произошёл инцидент. Скажем, с пистолетом. Возник ряд фатальных неисправностей. И ей заменят пару протезов за счёт школы. А там, глядишь, может, и сдаст. Со следующим экзаменатором. Но только не я должен повредить бракованные детали. Понимаешь?

Пигалица всё понимает. Она понимает, что я провоцирую её. И понимает, что я говорю правду. Но может только рычать.

— Думаете, я не вижу, что вы специально? Провокашки эти ваши чертовы. Что это искусственно всё.

— Но разве чувства от этого менее настоящие?

— А если я не хочу? Быть настоящей.

И тогда я подхожу вплотную и обнимаю её. А она не отстраняется. Просто перестает рычать. И начинает плакать. И всё ещё указывает табельным туда, где только что сидел я, и всё ещё сидит толстушка. А потом мы оба смотрим, как толстушка хлопает на нас своими большими щенячьими глазами. Как в этих огромных глазах ойкает детская преданность. Ведь она никогда не бросит. Никогда не обидит. И всегда любит.

Очень-очень.

Я провожу рукой по руке пигалицы до изгиба ручья, чтобы точно почувствовать — сделает она это или нет. Я сжимаю её в объятиях, потому что тоже когда-то учился в школе. И тоже понимаю, как это бывает. А ещё потому, что я хочу не дать ей сломаться в последний момент. Как это произошло с остальными.

— Все люди рано или поздно ломаются, — говорю, чтобы успокоить. — Не бойся.

5-й урок:

Звонок звенит. Задира тяжело дышит, заучка монотонно тверкает, толстушка лежит с прострелами в теле, — а я обнимаю пигалицу, потому что мне неловко отвечать ей. Ведь я хороший учитель.

— Как вы думаете, товарищ экзаменатор, — хлопает на меня ресницами пигалица. — Я сдала? Я же миленько общалась почти все время сегодня. Я хорошенькая была?

— Очень хорошенькая, — вру ей, чтобы не было больно. — В твои годы я так не умел общаться.

— Так я сдала? — настойчиво хлопает.

Я прижимаю её волосы. Косичка пахнет правильно, у неё всё, как надо. Только ресницы стали какие-то слишком хлопающие. И губы выпячены как-то уж

слишком миленько. Не по-волчоночьи совсем, как будто чмокнет меня сейчас.

Беру её лицо в свои ладони и говорю ласково:

— Когда-нибудь ты станешь взрослой девочкой, на тебя натянут самую гладкую кожу и ты будешь заигрывать с настоящими кудрявыми мальчиками. Но пока...

— Я думала, вы поможете, — плаксиво округляет глазки пигалица. — Ну, ведите же себя как мужчина, товарищ экзаменатор, — поджимает губки. — Обещали ведь помочь с экзаменом! А сами...

Когда миленькая школьница так дразнится в твоих объятиях, это взбудоражит любого мужчину. Но я не мужчина. Я учитель. А учитель обязан научить своих детей танцевать, кокетничать, задираться и курить взятяг.

Мы ведь для этого все учились в школе, верно?

— Так экзамен же ещё не начался, — стараюсь улыбаться. — Но пока у тебя неплохие шансы. Правда-правда. Ты готова.

— Готова? Правда-правда? — хлопает ресницами.

— Да. Готова узнать, в чем заключается экзамен.

— И в чём? — смотрит на меня выжидательно.

— Постарайся понять мои слова. На выпускном экзамене ученик должен продемонстрировать отсутствие у него эгоцентрической речи и рассказать историю.

— Историю?

— Да. Историю об этом дне. От лица проведшего с ним подготовку учителя.

Экзамен:

— Так я сдала? — Ученица сидела за партой и непрерывно хлопала ресницами. — Учитель попросил рассказать вам эту историю. Я сдала? Я все правильно рассказала?

Пионеры

Александр Романов

Родился и живёт в Волгограде. Окончил Волгоградскую архитектурно-строительную академию (сейчас — университет) в 2000 г. Служил в ВС РФ в 2000–2001 гг. Работал дизайнером. Сейчас архитектор-проектировщик зданий и сооружений. Писать начал в 2013 году.

Всё было просто. Дождаться автобуса, войти, скомандовать: «Руки на спинки сидений!», выстрелить в потолок, если потребуется. Прижать робота-водителя — автобусы для детей здесь до сих пор были с водителями. Отправить сообщение с требованиями. И потом ездить какое-то время по улицам до тех пор, пока не поступит сообщение о том, что деньги собраны и вертолёт прибыл.

Виктор видел такое по «ящику» сто раз. Джек не только видел, но и сам в таком участвовал. Правда, не здесь, в России, а там у себя, то ли в Аризоне, то ли в Оклахоме.

И там всё прошло «на ура».

Сопrotивления не будет — во-первых, это дети (здесь, в этом городе, вообще в основном одни только дети, это даже не город, а скорее подобие лагеря, большая песочница, здесь только дети и роботы-воспитатели); во-вторых, дети тоже видели подобное сто раз и знают, что их в случае сопротивления ждёт.

Пятьдесят метров от магазина до автобуса они с Джеком преодолели за двадцать секунд. В масках, с ладонями на рукоятках спрятанных за пазухой пистолетов, дружно вбивая каблучки ботинок в белый от солнца асфальт, по-ковбойски звякая железом, — на них никто не обратил внимания.

Вошли в автобус — Виктор первым, Джек следом.

— Никому не двигаться! — рявкнул Джек.

Приставил пистолет к голове водителя — тот хоть и был роботом, но смерти «боялся» не меньше человека.

— Руки на спинки сидений! — заорал Виктор.

— Ого! — сказал сидящий на переднем сидении пассажир.

На вид ему было лет десять. Белые волосы, ровный пробор, голубые глаза; красный пионерский галстук.

Во взгляде его мелькнуло восхищение.

— Офигеть! — протянул его сосед — кудрявый, рыжеволосый, с пухлыми щеками, тоже в галстук.

— Руки на спинки сидений! — повторил Виктор. Сидевшие в салоне переглянулись.

— Кому сказал? — Виктор навёл пистолет на беловолосого.

Тот надул розовый шар жвачки.

Вдруг спросил:

— А он настоящий?

Потрогал пистолет. Чёрт возьми, Виктор тыкал ему стволом в лицо, он готов был выстрелить (он надеялся, что это отчётливо читается у него на лице), а этот мерзавец запросто трогал его пистолет!

— Да не-е, лажа, — протянул кудрявый. — Только с магазина. Вон и ценник висит.

— Я прострелю тебя насквозь! — процедил Виктор. — Ты понимаешь?

— Рашн крэзи, — пробормотал Джек.

Он уже закончил с водителем — тот сидел прямо, как насаженный на кол, его киберкожа покрывалась красными пятнами.

Виктор постарался изобразить свирепый вид.

— Руки на... — снова начал он, но тут автобус тронулся, и он вынужден был ухватиться за поручень.

— «Магнум»? — деловито спросил рыжий. — Сорок четвёртый?

— Руки на спинки, — повторил Виктор. — Кому сказал?

— Странный какой-то, — сказал рыжий.

— Ага, слепой, наверное, — сказал светловолосый.

Повёл перед собой руками — они сидели на первых местах, и впереди не было спинок. Руки класть было некуда.

— Остальные, руки на спинки, быстро! — гаркнул Виктор.

Никто не пошевелился.

Он направил ствол в потолок, нажал курок. Грохнул выстрел, в ушах зазвенело.

— Руки! — заорал Виктор.

Сидящая через проход девочка покрутила пальцем у виска.

— Патрон-то, наверное, последний? — с каким-то даже жалостливым участием спросил светловолосый.

— Сообщение! — напомнил Джек.

Виктор выдернул из кармана телефон — они украли его вчера в кинотеатре — отправил сообщение.

— Нам нужен вертолёт и миллион долларов! — проорал Джек в салон. — Сидите смиренно, выполняйте указания, и никто не умрёт!

Виктор со значением покачал пистолетом.

— Бандиты, тоже мне! — фыркнул светловолосый. — Миллион, ха!

— Да, лохи какие-то, Артём, — сказал рыжий. — Я бы просил сто. Иди двести. Чего уж мелочиться.

— Вы понимаете, что происходит? — процедил Виктор — пора было навести порядок и показать, кто тут главный. — Вы понимаете, что с вами будет?

— А вы? — спросил светловолосый Артём.

Ни черта он его не боялся! И никто здесь не боялся!

— Это ведь не игра!

Виктор направил пистолет на пацанов, взвёл курок.

— Он хоть заряжен? — спросил Артём.

Джек взял у Виктора зазвонивший телефон, принялся излагать в него требования. Автобус выехал на проспект.

— Достать патроны к сорок четвёртому тяжело, — сказал Артём. — Я пробовал. Не получилось.

— А пистолет из музея, — сказал рыжий. — Точно, из тех, что были подарены прошлогодней делегацией. Этот с левой витрины.

Они не просто не боялись, им было просто по фигу!

— А куртки из магазина на Островной? — спросил Артём.

Куртки и правда были из магазина на Островной.

— Там почти не бывает покупателей, — сказал рыжий.

— И везде камеры, — добавил Артём. — Вас вычислят на раз-два. И ваши маски не помогут.

— Дилетанты, — сказал его сосед.

— Ага, туристы.

Виктор представил, как выбрасывает паршивцев в окно. Сначала этих двоих, потом всех остальных — они и не думали подчиняться и класть руки на спинки!

— Я думал о таком, — задумчиво сказал Артём. — Гиблое дело.

О каком — таком? — хотел спросить Виктор, но вовремя сдержался. Очевидно было, что пацан не понимал, что происходит, и думал о чём-то своём. Ему было десять лет, ему наверняка даже из игрушечного пистолета не разрешали стрелять, откуда ему знать о том, как всё происходит по-настоящему?

— Я отстрелю тебе башку! — старательно цедя слова, сказал Виктор.

— Они согласны, — сказал Джек, возвращая телефон. Добавил неуверенно: — Вроде бы.

— Что значит — вроде бы? — спросил Виктор.

— Они согласны, — уже увереннее повторил Джек.

— Вы явно пересмотрели фильмов, — сказала светлая девочка с сиденья через проход от первой пары. С тонкими руками, в белой рубашке в красном пионерском галстуке. — И вообразили...

— Заткнись! — сказал Джек. Повысил голос. — И все заткнитесь! Сидите молча! Ясно?

Он покачал пистолетом.

— А то что? — спросил Артём.

— Знаешь, что делает с тобой пуля пистолета сорок четвёртого калибра? — спросил Виктор. — Разорвёт тебя пополам!

— Проклятые русские дикари! — процедил Джек.

— Делай, что они говорят, Артём! — проронал робот-водитель. Программа его наконец среагировала. — О нас уже знают! Нас скоро отпустят!

Кажется, он один из всех заложников осознавал всю серьёзность ситуации. Девочка достала из рюкзака тетрадь и планшет. Сидящие за ней близняшки открыли книги. Два пацана сидящих позади Артёма и рыжего принялись тузить друг друга. Артём протяжно зевнул.

Плевали они на Виктора, Джека и на их требования.

«Проще простого, проще простого...» — несколько раз прокрутилось у Виктора в голове.

Войти, припугнуть. Выставить требования. Дождаться денег и вертолёт. И никаких трупов — их, впрочем, и не будет. Всё пойдёт по продуманному сценарию.

— Ну и что дальше? — спросил Артём.

— Замолчи! — приказал Виктор.

Всё просто, да! Автобус, дети... Вертолёт, миллион...

Милиция далеко. Вооружённые силы на спутниках в двух тысячах км выше. Дикая страна. Главное, как сказал Джек, всё делать быстро. Любое промедление работает против них. Пока они ещё тут разберутся, что к чему, пока приедет милиция — ближайшее отделение находилось в двух часах лёту (да и там отродясь не встречались ни с какими террористами!); пока организуют группу; а о спецназе и говорить не приходится — здесь, наверное, и слова такого не знали.

Вошли, потребовали, получили, улетели. Легко!

— Любители! — фыркнул Артём.

На заднем сидении запели «Орлёнка». Чёрт возьми, их взяли в заложники, их могли убить, а они пели «Орлёнка»!

— Тише, пожалуйста, тише! — проныл водитель. — Они же убьют нас!

— У них всё равно нет больше патронов, — сказал рыжий.

— Е-два! — донёсся с третьего сиденья тонкий голосок.

— Ранен! — отозвались с соседнего ряда.

— Е-четыре.

— Убит!

— Рашн крэйзи... — повторил Джек.

Джек был американцем. Виктор был австралийцем. Джек приехал сюда месяц назад. Виктор приехал в то же время из Италии. Их пустили совершенно свободно. Без всяких стандартных в таких случаях процедур. Без всяких проверок, заполнений многочисленных анкет, запросов и подтверждений. Живи не хочу, сколько угодно и где угодно, да ещё и жратва почти вся бесплатно. Виктор потёр запястье, на котором долгое время висел браслет с маяком (их ношение было обязательным для всех в Европе, здесь же ни о каких браслетах и не слышали).

— Замолчи и сиди тихо! — процедил Виктор, глядя на Артёма.

— Да-а, здесь вам не там!.. — протянул тот.

Виктор вздрогнул. Почти то же самое сказал ему вчера Джек.

«Здесь не то, что у нас, — сказал Джек. — Здесь всё будет проще. Намного проще...»

На заднем сиденье закончили петь «Орлёнка», начали: «Мы рождены, чтобы сказку сделать былью...»

— Вели им заткнуться! — сказал Джек Артёму. Поднял пистолет. Двое тузивших друг друга сцепились клубком — спинки сидений вокруг них заходили ходуном. Три девочки с учебниками и тетрадями громко обсуждали теорему Ферма.

— Вели всем заткнуться! — повторил Джек.

— А то что? — спросил Артём.

Пожал плечами.

Виктор издал неслышимый миру стон — их, вооружённых, захвативших заложников, террористов игнорировали сами заложники.

Зазвонил телефон, Джек приложил его к уху. Крикнул в трубку:

— Немедленно, слышите!? Или через десять минут я начну убивать заложников!

Артём снова фыркнул.

— Немедленно! — повторил напарник Виктора.

Отнял телефон от уха. Сказал:

— Они говорят, что вертолёт готов.

Помедлил.

— Но денег у них нет.

Снова помедлил.

— И не будет.

— Откуда здесь у нас миллион? — ехидно спросил Артём. — Да ещё долларов.

— Да, не повезло, — сказал рыжий.

— Мы убьём их! Скажи, что мы убьём их! — крикнул Виктор.

Артём зевнул. Виктор сжал рукоять пистолета.

Это было дико и ненормально! Это же дети! Они там отлично знали, что здесь дети, и всё равно не хотели платить! Они действительно были дикарями, настоящими дикарями! Им было, чёрт возьми, наплевать!

— Берите, что есть, — посоветовал Артём. — И пока дают.

— Заткнись! — буркнул Виктор.

Повернулся к Джеку.

— Позвони им ещё раз.

Джек взял телефон. Некоторое время орал в трубку, описывая, что он будет сейчас делать, с кем, и сколько раз, и что потом сделает, выйдя на улицу. Что он сделает со всем городом и вообще со всеми, до кого доберётся за то время, пока не прибудет «кавалерия».

— Они сказали, вертолёт готов и мы можем лететь, — сказал он, отключившись. Вид у него был обалдевший. — Но денег нет и не будет.

Виктор захлопнул пасть. Времени у них было мало, ещё полчаса, максимум час, и уйти уже не получится — их обложат со всех сторон, и самое гуманное, что может случиться, сюда пустят усыпляющий газ.

— Ты же сказал, что всё будет просто, — сказал Виктор.

Джек покачала пистолетом. Глаза его бешено провернулись.

— Поворачивай к стадиону! — рывкнул он на водителя.

— Чтoб тебя! — с чувством сказал Виктор.

Они свернули на объездную, потом с неё на проспект, затем на ведущую к стадиону дорогу.

За это время морской бой в салоне перерос в целое сражение, с участием большинства, девочки-ученицы уже кричали на весь салон, перебивая друг друга.

Заложники продолжали игнорировать похитителей, даже таких, которым только что сообщили, что денег не будет.

— Чтo!?!.. — прохрипел Джек, когда они свернули в ворота стадиона.

Стоявший на поле вертолёт был одноместным. Лёгкий, прозрачный, овальный как яйцо, с узкими лопастями, одним креслом и узким за ним пространством. По плану они должны были взять с собой как минимум половину заложников, и для этого требовался вертолёт побольше — они и требовали вертолёт побольше!

Джек рванул на себе ворот ковбойской рубашки.

— Других вертолётов здесь нет, — что-то жуя, сказал рыжий.

— Откуда им знать? — фыркнул Артём. — До ближайшей вертолётной части восемь часов лёту.

Автобус встал.

— И что будете делать? — продолжил Артём. — Патронов у вас нет. Вертолёт одноместный. Денег не дают.

Он вздохнул, так, словно этот факт его расстраивал.

— Хоть бы взрывчатку, что ли, прихватили.

Виктор предлагал Джеку сделать бомбу, но тот сказал, что в этом цветнике, в этом детском саду, краю непуганых идиотов, достаточно пистолетов.

Достаточно даже ножей.

— Террористы, тоже мне. Фу!

Справа от вертолётa стояла машина, слева — автовопитатель в костюме, рядом с ним две девушки в белых халатах, обе тоже, кажется, роботы.

Стояла тишина, светило солнце. Виктор огляделся.

Никакого спецназа, никакой даже милиции. Никаких снайперов на крышах, бронероидов с огромными, на поводках, и тоже закованными в броню волкодавами, никаких танков и кружащих в небе, оцетинившихся ракетами, вертолётов.

Он слотнул. И никаких денег. И одноместный вертолёт. И дикари-заложники. И роботы-автоматы вместо людей. Они вышли — первым Джек, следом дети, последним — Виктор. Подошли к вертолёту.

— Скажи своим, что мне нужен вертолёт побольше! — крикнул роботу в сером Джеке. — Скажи, или я всех тут убью!

Он поднял пистолет.

Робот совсем по-человечески развёл руками. Обе девушки заулыбались — они были точно ненастоящими.

Джек приставил пистолет к голове рыжего.

— Ну!?

— У него нет патронов, — совершенно спокойно сообщил рыжий мерзавец.

— Всех убью! Ты слышишь — всех! А тебя, механическая морда, пристрелю последним!.. — принялся разоряться Джек.

— Поместится только один из вас, да? — спросил Артём Виктора.

— Замолчи! — рыкнул Виктор. — Закрой рот!

— Денег не будет, другого вертолётa не будет, время идёт, — сказал Артём. — Выбирай...

— Чтo? — хотел было спросить Виктор, но тут же понял. Выбирай, с кем лететь, с Джеком, с которым вас тут же собьют из любой ручной ракетницы, или с заложником.

— План меняется! — сказал Джек.

Виктор почувствовал под рёбрами ствол. Чтоб его! От возмущения он задохнулся — такого от Джека он не ожидал. Вместе и только вместе, до самого конца, так Джек говорил!

— Впрочем, горячего хватит только на час, — продолжил тем временем как ни в чём не бывало Артём. — А до границы лететь все двенадцать.

— Ты остаёшься, — выхрипел в ухо Виктору Джек. — А я полечу. Понял?

— А что потом? — спросил Артём. — Новый вертолёт? Дозаправка? Вас просто пристрелят.

Насчёт пристрелят он немного лукавил. Последнее смертоубийство в России случилось почти двадцать лет назад. И оно было совершено не намеренно, а по неосторожности.

— Заткнись! — рявкнул Джек. Повёл рукой вокруг. Процедил: — Это ваше светлое будущее, да? Так вы его себе представляли? А? Это ваш коммунизм? Пионеры, октябрята?..

Он скривился. Сплюнул.

— Проклятая страна! Страна дикарей! Никаких понятий о справедливости!

Виктор наконец пришёл в себя.

Взялся за короткий ствол нагана, отвёл в сторону, врезал Джек в челюсть.

Тот упал. Напарник явно заигрался. Забыл, что патронов в его нагане нет — они не смогли их найти.

— У нас в Аризоне я бы тебя пристрелил, — сказал Джек, вставая и держась за челюсть.

— В Аризоне!.. — фыркнул Артём. — Здесь вам не там!

— А тебя я найду! — пообещал ему Джек.

Артём снова фыркнул.

— И тебя тоже! — заорал Джек роботу. — Найду и получу свои деньги, ты слышал?

— Ты полетишь, — Виктор толкнул Артёма к вертолёту. — И только попробуй...

Он покачал пистолетом. Замечательный план полетел к чертям, но можно было ещё успеть удрасть. Час на вертолёт, потом найти какой-нибудь транспорт (хоть какой-нибудь, любой!) и двигаться в сторону границы с Китаем. Её пересечь (они с Джеком обсуждали этот вариант как запасной, в известных местах граница не охранялась совсем — Россия и Китай друзья навек), а оттуда уже... В общем, ничего сложного.

— Я найду тебя, найду! — кричал Виктору Джек, размахивая бесполезным пистолетом. — Обязательно найду! Я всех вас найду, всех до единого! И вы за всё мне ответите!

Он отступал всё дальше к футбольным воротам, на него уже никто не обращал внимания, но он всё продолжал выкрикивать угрозы.

— Залезай! — скомандовал Виктор Артёму.

Вдруг понял, что его пистолет в руках у Артёма. Открыл рот.

Это было невозможно, совершенно невероятно!

— Так я и думал, — с неподдельным разочарованием вздохнул тот. Провернул барабан. — Патронов-то нет!

— Да, жаль, — сказал рыжий — он тоже был как будто бы огорчён.

— Вы ненормальные? — спросил Виктор, принимая бесполезный пистолет обратно.

Некоторое время этот пистолет разглядывал, пытаясь понять, как тот оказался в руках у Артёма — ведь тот стоял от него в пяти шагах; пытаясь понять, почему он этому факту как будто не удивлён и почему он уже не хочет никуда улетать.

— Пошли, что ли? — сказал Артём.

— Куда? — хмуро спросил Виктор.

Операция провалилась. Можно было, конечно, схватить Артёма в охапку или схватить любого другого заложника, затащить в вертолёт, но он был почему-то уверен, что ни схватить, ни затащить у него не получится.

ся — в голове закрутился пионерский девиз «Будь готов — всегда готов!».

Они ему не позволят. Он сейчас абсолютно был уверен в том, что они ему не позволят, как уверен и в том, что они могли отобрать у них пистолеты в любой момент, могли, но почему-то этого не сделали; и не потому что не воспринимали их всерьёз — они вовсе не дураки, а потому что... Что? Мысль толкнулась в голове, он постарался не дать ей вырваться. Она была унизительна и позорна. Они были десятилетними детьми, а он был взрослым, битым жизнью, мужиком.

Он огляделся.

Вокруг него был рай.

Чёрт возьми, они ведь жили здесь в настоящем раю!

— Тяжело придётся нашим, — сказал Артём со вздохом.

Виктор вопросительно посмотрел на него.

— У нас даже нет статьи, по которой вас можно осудить, — пояснил светловолосый паршивец.

— Откуда ты знаешь? — мрачно спросил Виктор.

— Я же говорю — изучал. Придётся выдать тебя американцам или японцам.

Виктор слотнул. В первом случае его ждало пожизненное, во втором — расстрел.

— Впрочем, думаю, до этого дело не дойдёт.

— Почему? — глухо спросил Виктор.

Мысль снова попыталась вырваться, но он не позволил. По-прежнему было тихо, светило солнце. Бывшие заложники бегали друг за другом между деревьев так, как будто ничего не случилось.

Это был рай! Да, это был, чёрт возьми, рай!

— Мы что-нибудь придумаем, — Артём подмигнул.

— Возьмём тебя на поруки, — сказал рыжий. — И дело с концом.

— На перевоспитание, — сказал Артём. — Нам разрешат, вот увидишь!

— Вы сумасшедшие, вы это знаете? — сказал Виктор. — Вы ненормальные! Вы дикари! Нецивилизованные неандертальцы! Вас нужно лечить!

Он швырнул бесполезный пистолет на землю.

— Мы пионеры, — просто сказал Артём.

Виктор подумал, что он шутит, посмотрел: нет, тот был серьёзен.

— Светлое будущее и всё такое? Да? Но это же бред! Это же невозможно!

— Э-эх!.. — вздохнул Артём.

Повёл вокруг руками, словно предлагая убедиться, что вот оно, светлое будущее, вокруг него.

Виктор подумал, что никогда не сможет ему объяснить, почему их пресловутое светлое будущее невозможно — пусть оно и как будто бы уже здесь, у них, наступило; почему оно невозможно даже в отдельно взятом месте, не то что во всём мире.

Он даже не знает, какими словами объяснять, в их лексиконе даже нет таких слов. Так же как не сможет сказать им, что не нужно пытаться его понимать или, тем более, жалеть — проклятая мысль всё-таки вырвалась на волю — не нуждается он ни в их понимании, ни в их жалости. Он из другого мира, он из мира, где нет места ни первому, ни второму. Он всю жизнь только и делал, что выбивал, выцарапывал, выгрызал себе место под солнцем.

Он — да. Они — нет. Они его не поймут. Ему вдрут стало так тошно и больно, что он чуть не завыл.

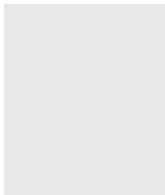
— Пошли, — сказал Артём.

Зашагал вперёд.

Виктор поплёлся следом.

Он шёл за ними, за новыми людьми нового, самого настоящего, светлого будущего, за теми, кому он сейчас так отчаянно завидовал — потому что ему никогда было не стать такими, как они, слушал далёкий гул вертолётов, шелест листвы, и по щекам его текли слёзы. **У**

Последний парикмахер

Алекс Веагур (псевдоним)

Исток новых веяний теперь принято связывать с узбекским чабаном.

Однажды некто Усманов, ещё недавно пасший в горах овец, стал обладателем самой редкой в мире профессии — парикмахера. Причём настолько редкой, что он стал единственным её обладателем.

Эксклюзивность свою он приобрёл вполне законно в «Спецгосдепартаменте № 197», и, как говорят, за очень смешные деньги.

На вопрос журналистов, зачем в мире, где уже тридцать лет ни у одного человека не растут волосы, нужен парикмахер, Усманов изрёк, по его же собственному мнению, гениальную мысль:

— Я не хочу быть вторым Геростратом, спалившим храм Артемиды. И меня не прельщает слава учёных, расплывших средство от перхоти в атмосферу. Да, они своего добились, но какой ценой — ценой облысевшего навсегда человечества?! Нет, это не моё. Я хочу другой славы — безобидной, но тоже способной увековечить имя! Вы все знаете Людовика Четырнадцатого, Владимира Восемнадцатого или Петра Первого. Но именно я буду Первым Последним Парикмахером. Понимаете? Это словно быть императором.

И его стали понимать. Поначалу это выразилось в популяризации нового Его Величества. Первый Последний Парикмахер стал мелькать на экранах телевизоров гораздо чаще, чем президент или папа римский.

Его стали приглашать на различные ток-шоу и вечеринки.

Его портреты в окружении овец или без оных стали появляться на футболках, машинах, домах.

Его накальвали на тела в качестве татуировок и употребляли вовнутрь в виде одноимённых напитков.

Но... всё это продлилось недолго. Нашлись и другие, кто тоже хотел прославиться.

Например, появился некто Шрайбер, не посчитавший зазорным стать Вторым Последним Парикмахером.

По популярности он обогнал даже Первого. Хотя это и случилось уже после того, как стало известно, что именно он стал заказчиком убийства Усманова.

Да и полученную популярность ему пришлось поделить со своим исполнителем — неким Забутылкиным.

Знаменитое выражение убийцы: «Это как убить императора!» всколыхнуло тогда весь мир.

После того, как открылась правда, и казнили Шрайбера с Забутылкиным, цивилизованное общество потребовало для Третьего Последнего Парикмахера надёжную охрану.

На это требование откликнулись многие частные охранные фирмы.

Состоялся тендер. И, к удивлению многих, его выиграла компания, занимающаяся производством туалетной бумаги.

Аргументы компании были неоспоримыми: охранять парикмахера, никогда в жизни не видевшего волосы, должна фирма, также не имеющая понятия об охране.

Этот факт, в свою очередь, породил следующий виток новых веяний. В мире стали появляться фирмы, занимающиеся абсолютно не своим делом.

Строительные фирмы записывали музыку, компании-перевозчики выпускали периодику, издательства становились ресторанами.

Музыка, которую невозможно было слушать.

Периодика, которую невозможно было читать.

Рестораны, в которых невозможно было питаться.

Мир наводнился подобными экспериментами.

Мир, в котором глухие пели и слепые рисовали, не хотел больше заниматься тем, что умел и на что учился.

В этом мире теперь лечили шахтёры, а учили дворники и асфальтоукладчики.

Визажисты и врачи добывали руду или же пытались это сделать, а синоптики пытались запустить в космос журналистов с портретистами.

Этот мир постоянно был в поиске чего-то нового. Он жаждал новых веяний. Новых перемен. Новой славы.

После Седьмого Последнего Парикмахера в мире появился Первый Последний Пекарь.

Это было закономерно, но этого никто не замечал.

Поначалу зерно засеяла бывшая фирма по продаже сантехники. И ничего не выросло.

Второй раз за это дело взялась команда ветеранов-футболистов. Но снова ничего не выросло.

Когда остаток зерна утопил морской порт, печь хлеб стало не из чего. Так и появился Первый Последний Пекарь.

Почти одновременно с ним возникли Первый Последний Дантист и Первый Последний Продавец Мороженого.

Затем появлялись Первые Последние Учителя, Полицейские, Солдаты, Швей, Завсклады. И много других.

Конец же моде новых веяний принято считать с того момента, как некая Надежда (фамилия её осталась неизвестной) стала Первой Последней Акушеркой. **У**